ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ТОМЪ XXXVII.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛІЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ XXXVII.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1808.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ, 1803.

No 1.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письмо изъ уѣзда къ Издателю.

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ новою должностїю Журналиста! Наши провинцїалы обрадовались, когда услышали отъ меня, что ты готовишься быть Издателемъ Вѣстника Европы; всѣ предсказываютъ тебѣ успѣхъ; одинъ угрюмый, молчаливый Стародумъ качаетъ головою и говоритъ: молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! подумалъ ли за какое дѣло берешся! шутка ли выдавать Журналы!

Ты знаешь Стародума — чудакъ, котораго мнѣнїе рѣдко согласно съ общимъ, который молчитъ, когда другїе кричатъ, и хмурится, когда другїе смѣются; онъ никогда не споритъ, никогда не вмѣшивается въ общїй разговоръ, но

слушаетъ и замѣчаетъ, — говоритъ мало и отрывисто, когда матерія для него непривлекательна — краснорѣчиво и съ жаромъ, когда находитъ въ ней пріятность.

Вчера Стародумъ и нѣкоторые изъ общихъ нашихъ пріятелей провели у меня вечеръ, ужинали, пили за твое здоровье, за столомъ разсуждали о Вѣстникѣ и Журналахъ, шумѣли, спорили; Стародумъ по обыкновенію своему сидѣлъ спокойно, на всѣ вопросы отвѣчалъ: да, нѣтъ, кажется, можетъ быть! Наконецъ спорщики унялись, разговоръ сдѣлался порядочнѣе и тише; тутъ оживился безмолвный геній моего Стародума: онъ началъ говорить — сильно и съ живостію; Литтература его любимая матерія. Мало по малу всѣ замолчали, слушали; я не проронилъ ни одного слова, и записалъ для тебя, что слышалъ.

„Друзья мои — говорилъ Стародумъ — желаю искренно пріятелю нашему успѣховъ; не хочу ихъ предсказывать, опасаясь прослыть худымъ пророкомъ, но буду радоваться имъ отъ добраго сердца; люблю Словесность и Рускую особенно: въ этомъ случаѣ не стыжусь пристрастія. Всякая хорошая Руская книга есть для меня сокровище. Я подписывался и

буду подписываться на всѣ Рускіе Журналы. Нѣкоторые читаю, другіе просматриваю, а на другіе только *смотрю*, поставляя излишнимъ искать въ нихъ хорошаго содержанія. До сихъ поръ Вѣстникъ Европы — скажу искренно — былъ моимъ любимымъ Рускимъ Журналомъ; что будетъ впередъ, не знаю: помоги Богъ нашему общему пріятелю!

„Рускіе — говоря только о тѣхъ, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ, и слѣдственно должны ограничить себя одною отечественною Литтературою — любятъ читать; но естьли судить по выбору чтенія и тѣмъ книгамъ, которыя, предпочтительно предъ другими, печатаются въ типографіяхъ, читаютъ единственно для разсѣянія; подумаешь, что книгою обороняются отъ нападеній скуки. Разкройте Московскія Вѣдомости! о чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ? О романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и прочее и прочее. Что покупаютъ охотнѣе посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ? Романы. Въ чемъ состоитъ достоинство этихъ прославляемыхъ романовъ? Всегда почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, которымъ обманываютъ любопытство.

Какая отъ нихъ польза? Рѣшительно никакой: занятіе безъ вниманія: пустая пища для ума, нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ забвеніи самаго себя, безъ скуки и дѣятельности, совершенно потерянныхъ для будущаго — то ли называете, государи мои, чтеніемъ? Нѣтъ! такая привычка занимать разсудокъ пустыми бездѣлками болѣе мѣшаетъ, нежели способствуетъ образованію — и удивительно ли, что романы въ такой у насъ модѣ? Покуда чтеніе будетъ казаться однимъ постороннимъ дѣломъ, которое позволено пренебрегать; пока небудемъ увѣрены, что оно принадлежитъ къ однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ привлекательныхъ обязанностей образованнаго человѣка, по тѣхъ поръ не можемъ ожидать отъ него никакой существенной пользы, и романы — самые нелѣпые — будутъ стоять на первой полкѣ въ библіотекѣ Рускаго читателя. Пускай воспитаніе перемѣнитъ понятія о чтеніи! пускай оно скажетъ просвѣщенному юношѣ: обращеніе съ книгою приготовляетъ къ обращенію съ людьми — и то и другое равно необходимы! въ обществѣ мертвыхъ друзей становишься достойнѣе живыхъ — то и другое требуютъ строгаго выбора! Каждый день нѣсколько часовъ посвяти уединенной бесѣдѣ съ книгою и самимъ собою; читать не есть забываться,

не есть избавлять себя отъ тяжкаго времени, но въ тишинѣ и на свободѣ пользоваться благороднѣйшею частїю существа своего — мыслїю. Въ сїи торжественныя минуты уединенїя и умственной дѣятельности ты возвышаешься духомъ, разсудокъ твой озаряется, сердце прїобрѣтаетъ свободу, благородство и смѣлость: самыя горести въ немъ утихаютъ. Читать съ такою цѣлїю — дѣйствовать въ уединенїи съ самимъ собою для того, чтобы научить себя дѣйствовать въ обществѣ съ другими — есть совершенствоваться, стремиться къ тому высокому предмету, который назначенъ для тебя Творцемъ, часъ отъ часу болѣе привязываться ко всему доброму и прекрасному.....о друзья мои! какъ далеко отъ такой благородной дѣятельности духа сїе ничтожное, унизительное разсѣянїе, которое обыкновенно мы называемъ чтенїемъ книгъ!

„Дѣло идетъ о Журналахъ! Въ Россїи — при такой сильной охотѣ читать, и такомъ нестрогомъ выборѣ чтенїя — хорошїй Журналъ могъ бы имѣть самыя благодѣтельныя дѣйствїя. Обязанность Журналиста — подъ маскою занимательнаго и прїятнаго скрывать полезное и наставительное. Средства безчисленны:

къ его услугамъ богатства Литтературы чужестранной и собственной, искуства и науки; бери что угодно и гдѣ угодно; единственное условіе — разборчивость! Имѣя въ виду пользу, но угождая общему вкусу читателей, хотя не подчиняясь ему съ рабскою робостію, предлагаетъ онъ имъ хорошія мысли, чужія и свои, облеченныя разными видами, иногда разсуждая какъ Моралистъ или Метафизикъ о предметахъ важныхъ для человѣка; иногда разсказывая повѣсть, въ которой идеальное нравилось бы сходствомъ своимъ съ существенностію, которая доставляла бы любопытному удовольствіе сравнивать истину съ вымысломъ, самаго себя съ романическимъ лицемъ и, можетъ быть, объяснять многое, въ собственномъ сердцѣ его казавшееся тайною; иногда занимая воображеніе созданіями Поэзіи, прелестію стихотворной гармоніи, одушевляя мысли и чувства. *Политика* въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти Правительства, не можетъ имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ: она питаетъ одно любопытство; и въ такомъ только отношеніи Журналистъ описываетъ новѣйшіе и самые важные случаи мира — листы его, такъ сказать, соединяютъ читателя со всѣми отдаленными

и близкими краями земли; съ одной стороны открываютъ передъ глазами его сцену кровопролитія, съ другой сцену благоденствія и мира; знакомятъ его съ великими характерами, которыхъ вліяніе благотворное или гибельное слишкомъ замѣтно въ системѣ разнообразныхъ произшествій; даютъ понятія о новыхъ открытіяхъ человѣческаго ума, дѣйствующихъ на благо общества, къ извѣстнымъ способамъ пользоваться жизнію прибавляющихъ новые или болѣе совершенствующихъ старые. *Критика* — но, государи мои, какую пользу можетъ приносить въ Россіи критика? Что прикажете критиковать? посредственные переводы посредственныхъ романовъ? Критика и роскошь дочери богатства: а мы еще не Крезы въ Литтературѣ! Замѣтно ли у насъ сіе дѣятельное, повсемѣстное усиліе умовъ, желающихъ производить или пріобрѣтать, которое требовало бы вѣрнаго направленія, которое надлежало бы подчинить законамъ разборчивой критики? Уроки Морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ! А много ли имѣемъ образцовъ великихъ? Нѣтъ, государи мои, сначала дадимъ свободу разкрыться нашимъ геніямъ; потомъ уже, указывая на красоты ихъ и недостатки, можемъ сказать читателю и Автору: восхи-

щайся, подражай, будь остороженъ! Въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики — однимъ словомъ, въ Рускомъ Журналѣ критика не можетъ занимать почетнаго мѣста, и я не совѣтую молодому прїятелю нашему вооружаться бичемъ Аристарка, хотя не запрещаю иногда обращать вниманїе читателя на нѣкоторыя новыя, замѣчательныя — и потому самому рѣдкїя — явленїя Словесности; довольно дѣла и безъ критики: пускай знакомитъ Рускаго читателя съ предметами достойными его ума; питаетъ живое, раздраженное, нетерпѣливое любопытство его новымъ, привлекательнымъ и небезполезнымъ. Конечно прїятно бы было въ Рускомъ Журналѣ находить одно Руское, собственное, незанятое; но можно ли этого требовать? Самый обширный умъ долженъ ограничить себя нѣкоторымъ только числомъ предметовъ, а первое достоинство Журнала разнообразїе; какъ же хотѣть, чтобы Журналистъ умѣлъ говорить обо всемъ и съ одинакою прїятностїю? довольно, естьли онъ будетъ говорить о чемъ умѣетъ и такъ какъ должно; словомъ, позволимъ ему, когда не имѣетъ своего, занимать насъ чужимъ, позволимъ собирать, не давая отчета, ученую подать со всѣхъ временъ и народовъ, не будемъ вмѣшивать-

ся въ выборъ; единственное требованіе наше: удовольствія! удовольствія! занятія благороднаго и непустаго! Таковы обязанности Журналиста — исполнитъ ли ихъ нашъ молодой пріятель, не знаю; согласенъ надѣяться хорошаго, а не худаго, Богъ милостивъ! Желалъ бы, для чести Журнала его и собственно для себя, находить въ его листахъ произведенія нашихъ лучшихъ Писателей, которыхъ стихи и проза такъ часто утѣшали меня въ моей пустынѣ, трогали, веселили, успокоивали мою душу: на примѣръ, и я и всякой истинно-Руской былибы конечно рады, когда бы какому-нибудь доброму человѣку пришла щастливая мысль подслушать, записать и напечатать въ Вѣстникѣ нѣкоторыя монологи старика *Силы Андреевича Богатыреви*, котораго теперь надобно искать не на Красномъ крыльцѣ, а вѣрно въ какомъ-нибудь уединеніи, гдѣ въ нѣдрѣ семейства, довольный самимъ собою, наслаждается онъ *яснымъ вечеромъ* жизни, работаетъ въ саду, разсказываетъ дѣтямъ о прежнихъ своихъ подвигахъ, учитъ ихъ добру и привязанности къ землѣ Руской, и часто можетъ быть, покоясь одинъ подъ древнимъ прародительскимъ дубомъ, разговариваетъ съ самимъ собою о томъ и о другомъ; . . . но, виноватъ! я от-

клонился отъ матерїи; люблю мечтать; на старости лѣтъ бываю иногда ребенкомъ.

„Обращаюсь къ Журналамъ. Скажу опять: ожидаю великой пользы отъ хорошаго Журнала въ Россїи! Произведенїя Философїи требуютъ особенной зрѣлости въ читателяхъ: одинъ любопытный, жадный, привыкшїй къ дѣятельности умъ ищетъ удовольствїя въ бесѣдѣ съ важною мыслїю Мудреца; творенїя Поэта цѣнимы однимъ образованнымъ вкусомъ — иногда великїй духъ, опередившїй своихъ современниковъ, блистаетъ въ толпѣ ихъ невидимо, и блескъ его замѣчается однимъ потомствомъ. Безъ нѣкоторой особенной готовности, безъ нѣкотораго прїобрѣтеннаго навыка размышлять и плѣняться изящнымъ не можемъ пользоваться дарами ума и искусства; въ такомъ случаѣ хорошїй Журналъ можетъ служить *приготовленїемъ*. Не рѣдко полезная книга или совсѣмъ, или очень долго не выходитъ изъ лавки книгопродавца: ее не читаютъ потому, что не ищутъ; она дѣйствуетъ *изподоволь*, на нѣкоторыхъ частныхъ людей, и очень медленно — напротивъ хорошїй Журналъ дѣйствуетъ *вдругъ* и на многихъ; однимъ ударомъ приводитъ тысячи головъ въ движенїе. Прочесть толстую

книгу отъ доски до доски, не упуская ни на минуту продолжительной нити идей, и такъ, чтобы закрывъ ее можно было дать самому себѣ отчетъ, какою дорогою дошелъ до послѣдней мысли Писателя, есть важный подвигъ, на который, по мнѣнію моему, не всякой, привыкшій къ легкимъ или пріятнымъ трудамъ, способенъ рѣшиться — сочиненія, обыкновенно помѣщаемыя въ Журналахъ, не требуютъ такой утомительной работы вниманія; онѣ вообще кратки, привлекательны своею формою; трудишься не чувствуя труда, слѣдуешь за Авторомъ безъ всякой усталости, не замѣчая неволи, съ пріятностію, потому что видишь вблизи конецъ своего поприща; такія легкія, часто возобновляемыя усилія открываютъ дорогу къ труднѣйшимъ и болѣе продолжительнымъ: умъ въ движеніи, любопытство разбуждено, воображеніе и чувства пылаютъ. И такъ существенная польза Журнала — не говоря уже о пріятности минутнаго занятія — состоитъ въ томъ, что онъ скорѣе всякой другой книги распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса, и, главное, приманкою новости, разнообразія, легкости, нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать и читать съ цѣлію, съ выборомъ,

для пользы! А слѣдствія такого чтенія? Какія щастливыя, какія благодѣтельныя!

„Я старѣ, друзья мои; въ виду у меня одна могила; но будучи прохлажденъ въ моихъ чувствахъ и почти равнодушенъ къ жизни, я еще не охладѣлъ къ добру, и часто юношескія мечты о будущемъ животворятъ увядшее мое сердце. Возможное, близкое благоденствіе Отечества моего меня трогаетъ: охота читать книги — очищенная, образованная — сдѣлается общею; просвѣщеніе исправитъ понятія о жизни, о щастіи; лучшая, болѣе благородная дѣятельность оживитъ умы. Что есть просвѣщеніе? Искуство жить, искуство дѣйствовать и совершенствоваться въ томъ кругѣ, въ который заключила насъ рука Промысла; въ самомъ себѣ находить неотъемлемое щастіе. Вообразитежъ такое просвѣщеніе общимъ — и назову ли его мечтою! рано или поздно оно будетъ — вообразите вокругъ себя людей, довольныхъ, благодаря убѣжденію просвѣщеннаго ума, тѣмъ участкомъ благъ, большимъ или малымъ, который получили отъ Провидѣнія! Съ успѣхами образованности состоянія должны притти въ равновѣсіе: земледѣлецъ, купецъ, помѣщикъ, чиновникъ, каждый равно дѣятельный въ своемъ особенномъ кругѣ, и

въ сей дѣятельности заключившій свое щастіе, равно увѣренный въ частныхъ преимуществахъ своего особеннаго званія, для котораго онъ приготовленъ; взирающій независтливымъ окомъ на преимущества чуждаго, которое для него несвойственно, сраьняются между собою въ стремленіи къ одному и тому же предмету, въ стремленіи образовать, украсить, приближить къ Творческой свою человѣческую натуру. Одинакія понятія о наслажденіяхъ жизнію соединятъ чертоги и хижину! взглянувъ на первые будете говорить: тамъ средства находить щастіе разнообразнѣе и тонѣе; взглянувъ на послѣднюю скажете: здѣсь средства находить щастіе простѣе и легче; но тамъ и здѣсь живутъ съ *одинакою* цѣлію. Человѣкъ непросвѣщенный, человѣкъ непонимающій достоинства жизни, незнакомъ самому себѣ; однѣ *обстоятельства* даютъ ему щастіе; оно зависитъ отъ вѣтреннаго мнѣнія людей, не можетъ существовать безъ свидѣтелей; онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ для того, чтобы опереться на одномъ себѣ — просвѣщеніе уничтожаетъ сей обманъ; оно показываетъ человѣку, что самъ онъ всего выше, всего привлекательнѣе въ семъ множествѣ разнообразныхъ предметовъ, представляющихся ему въ

жизни. Просвѣщенїе стѣсняетъ сильныя, непорочныя связи; но разрываетъ слабыя или низкїя: тогда увидите людей менѣе разсѣянныхъ въ шумномъ, обширномъ кругу свѣта, всему предпочитающихъ мирный и тѣсный кругъ семейства; въ семействахъ будетъ заключено сладкое щастїе, дѣятельность, награды, все, къ чему стремимся, къ чему привязано сердце, что радуетъ, возвеличиваетъ душу; понятїя о супружествѣ очистятся; супружество не будетъ соединенїемъ однихъ приличїй, но радостнымъ, нераздѣлимымъ товариществомъ на пути къ щастїю, въ единомъ дѣятельномъ исканїи совершенства; жилище двухъ супруговъ не будетъ мѣстомъ стеченїя праздно-любцевъ, но мирнымъ святилищемъ невидимаго щастїя, гдѣ обитаетъ невинность, куда летитъ дружба, гдѣ благодарностїю хранится любовь, гдѣ часто восхищенный супругъ, простертый у ногъ своей супруги, глубокимъ, безмолвнымъ чувствомъ благодаритъ ее за тѣ радости, за то очарованїе, которыя разливаются окрестъ ея присутствїя. Воспитанїю — высокой, пренебреженной обязанности человѣка въ священномъ званїи отца, обязанности, сближающей его съ Творцемъ, который и щастїемъ и нещастїемъ воспитываетъ человѣческїй родъ — воспитанїю возвратятся отнятыя права;

любовь матери не будетъ однимъ врожденнымъ, непобѣдимымъ чувствомъ, но дѣятельностїю просвѣщенною, основанною на правилахъ, дѣятельностїю, имѣющею предметъ великїй — образованїе совершеннаго! Молодая женщина, привязанная къ своему званїю, не будетъ легкомысленныхъ забавъ предпочитать материнскимъ заботамъ, перемѣнчивыхъ удовольствїй разсѣянности постоянному щастїю семейственной жизни; равнодушный наемникъ не займетъ ея мѣста; нещастїе отказаться отъ лучшихъ наслажденїй человѣческихъ, наслажденїй отца или матери, не будетъ покупаемо цѣною золота..... Но, друзья мои, замѣчаю, что я нечувствительно очутился на треножникѣ Пиѳїи; старость еще не прохладила моей головы — на краю гроба предсказываю золотой вѣкъ!"

Глаза добраго Стародума сверкали; я забылъ о его сѣдинахъ, видѣлъ передъ собою пылкаго молодаго человѣка, плѣняемаго всѣми прїятными призраками надежды и воображенїя, и съ чувствомъ пожималъ его руку.

„Мой другъ — сказалъ онъ мнѣ съ любезнымъ простосердечїемъ — пожелай отъ меня щастїя общему нашему прїятелю! Онъ посвятилъ себя такому зва-

нію, которое уважаю. Любить истинное и прекрасное, наслаждаясь ими, умѣть ихъ изображать, стремиться къ нимъ самому и силою краснорѣчія увлекать за собою другихъ — вотъ благородное назначеніе Писателя! Щастливъ, когда Провидѣніе, наградивши его талантомъ, одарило и сердцемъ, способнымъ любить высокое, чуждымъ привязанностей унизительныхъ. Скажи молодому пріятелю нашему о томъ, что слышалъ отъ меня: онъ вѣрно уважитъ совѣты старика, въ глазахъ котораго ни лѣта, ни опытность не обезобразили міра; который при концѣ своихъ дней еще съ наслажденіемъ смотритъ на оставляемую имъ землю, и съ радостнымъ чувствомъ, съ волненіемъ участія слѣдуетъ глазами за пылкимъ юношею, который — воспаленный духомъ, влекомый надеждою, наполненный желаніемъ дѣйствовать для собственнаго и чужаго добра — смѣло бросается въ открытое, для него еще новое и можетъ быть опасное поприще.

„Нашъ другъ, посвящая себя трудамъ Писателя, долженъ забыть пріятную разсѣянность большаго свѣтскаго круга: желаніе въ немъ блистать противно спокойнымъ занятіямъ Автора. И можно ли съ симъ чистымъ, вѣрнымъ, всегда одинаковымъ удовольствіемъ, которое нераз-

лучно съ дѣятельностію ума, производящаго или пріобрѣтающаго новое, соединить безпокойное удовольствіе, доставляемое успѣхами въ свѣтѣ, побѣдами самолюбія, непрочными, слишкомъ непродолжительными для того, чтобы наслаждаться ими безъ волненія: одно уничтожаетъ другое! Ограничивъ себя уединеніемъ, гдѣ мысли сохраняютъ свободу, а чувства первоначальную живость и свѣжесть, онъ долженъ только мимоходомъ, изъ любопытства, для заимствованія нѣкоторой пріятной образованности, необходимо нужной Писателю, заглядывать въ свѣтъ, сбирать въ немъ потребный запасъ, и снова съ добычею возвращаться въ уединеніе; уединеніе пусть будетъ главнымъ театромъ его дѣйствій, когда желаетъ произвести нѣчто полезное для общества! Разсѣянность мѣшаетъ трудолюбію.

„Но можно ли — ты скажешь — совершенно отдѣлиться отъ людей, заключить себя въ четырехъ стѣнахъ, жить съ однѣми безмолвными идеями, съ одними воздушными созданіями воображенія? Даетъ ли одиночество щастіе? Ктожь награждаетъ Писателя, когда не люди, и гдѣ же слава его, когда не въ обществѣ? — Мой другъ! я не хочу заперешь пріятеля нашего въ келью, но говорю ему: чѣмъ

менѣе кругъ, тѣмъ связи привлекательнѣе и сильнѣе. Ищи людей, которые способнѣе другихъ цѣнить твои работы: ихъ судъ есть голосъ современниковъ и приговоръ потомства. Имѣй друзей, согласныхъ съ тобою въ образѣ чувства, въ желаніи дѣйствовать и въ выборѣ цѣли; въ минуты уединеннаго труда помни о своихъ товарищахъ, которые — быть можетъ въ разныхъ сторонахъ земли — живутъ, думаютъ, дѣйствуютъ одинаково съ тобою, которые видятъ тебя, которыхъ жизнь твоя должна быть достойна, съ которыми совокупно исполняешь важное условіе бытія: любить и разпространять добро! ихъ голосъ будетъ возбуждать тебя къ трудамъ, и дружеская осторожность предупреждать твои ошибки. Имѣй въ виду семейство, въ которомъ, со временемъ, на самомъ дѣлѣ ты могъ бы исполнить всѣ лучшія мечты, озаряющія твою душу въ часы уединеннаго размышленія; симъ сладостнымъ ожиданіемъ разсѣевай скуку временнаго одиночества; воображая, что дѣйствуешь въ глазахъ избраннаго, достойнаго любви, привязаннаго къ тебѣ сердцемъ существа, которое слѣдуетъ за тобою взоромъ, понимаетъ тебя, съ тобою раздѣляетъ надежды, живетъ, образуется твоими мыслями, которое нѣкогда за все наградитъ тебя щастіемъ, ты

будешь дѣйствовать съ успѣхомъ, наслажденіемъ, неутомимо; ни что неблагородное не коснется твоей души; перо твое изобразитъ однѣ высокія мысли, достойныя современниковъ, которыя не умрутъ и для потомства! . . . . Однимъ словомъ, мой другъ, скажи пріятелю нашему, чтобы онъ опасался разсѣянія чрезмѣрнаго. Я сказалъ, гдѣ онъ можетъ искать отдыха, ободренія, образованія и награды.

„А слава? . . . . . Но что такое слава? Одобреніе всеобщее, тихій приговоръ немногихъ, который съ покорностію повторяетъ безчисленная толпа вслухъ; въ дали она привлекательна, въ близи ничтожна. Удались отъ того театра, на которомъ она раздается безъ выбора, когда не хочешь, чтобы животворящая мечта о ней изчезла. Непристрастная, заслуженная похвала избранныхъ, которыхъ великое мнѣніе управляетъ общимъ и можетъ его замѣнить: вотъ слава истинная, продолжительная, достойная исканія! И можно ли предпочесть ей минутные успѣхи, получаемые въ толпѣ, которой рукоплесканія повинуются незапному побужденію? Разбери достоинство сихъ случайныхъ похвалъ: одинъ хвалитъ изъ дружбы; другой изъ жалости; третій

изъ противорѣчія; четвертый въ надеждѣ *подкупить*; пятый отъ равнодушія: для него все равно, хвалить или не хвалить, что скажется прежде, что прежде услышитъ отъ другихъ; шестой изъ зависти, желая оскорбить или унизить соперника: многіе ли потому, что истинно любятъ прекрасное и радуются, когда его замѣчаютъ? Скажижь, достойны ли уваженія такія похвалы? Не должно ли съ презирающимъ чувствомъ жалости смотрѣть на бѣдныхъ *претендентовъ* безсмертія, которые сумму такихъ похвалъ называютъ славою; которые заботятся, употребляютъ хитрости, разсыпаютъ лаокательства — для чего? для того, чтобы изъ милости имъ бросили принадлежащее по праву; на колѣняхъ требуютъ вѣнка! Нѣтъ, мой другъ, кто не способенъ опереться на благодарное чувство собственнаго достоинства; кому не довольно утѣшительной хвалы немногихъ, но просвѣщенныхъ судей — необходимой, потому что человѣческая слабость требуетъ подпоры — кто сими двумя щитами не можетъ отразить оскорбленій зависти и клеветы; для кого всё равно производить хорошее или худое, лишь бы похитить успѣхъ: тотъ долженъ отказаться отъ мнимыхъ своихъ правъ на славу! Онъ будетъ торжествовать, благо-

дари невѣжеству и легкомыслїю, но торжества его не оставятъ и признака слѣдовъ; никогда не достигнетъ онъ благородной цѣли Писателя — пользы, разпространенїя идей благодѣтельныхъ для человѣчества, наслажденїй совершенствующихъ душу.

„Еще одно слово, другъ мой, и замолчу. Прїятель нашъ, когда не ошибаюсь, согласенъ со мною въ понятїяхъ о славѣ; надѣюсь, что онъ не унизитъ себя исканїемъ награды недостойной: но можетъ быть и другїя награды похититъ у него судьба! но можетъ быть назначено ему ограничить себя однимъ собою, и будущее не озарено для него никакимъ щастливымъ, никакимъ подкрѣпляющимъ ожиданїемъ: тогда, мой другъ, (и естьли я отгадалъ, то сожалѣю о немъ во глубинѣ души; желалъ бы подать ему руку, но хилая, трепещущая рука старца не можетъ служить подпорою: не долго пробуду на землѣ, и дружба наша была бы однимъ печальнымъ приготовленїемъ къ разлукѣ!) тогда пусть ищетъ замѣны въ собственной дѣятельности; въ томъ удовольствїи, которое неразлучно съ любовїю къ прекрасному, съ трудами ума, съ работами воображенїя; въ той неотъемлемой наградѣ, которая, вопреки самой несправедливости людей, вопреки зависти

и клеветѣ, заключена во внутреннемъ спокойномъ увѣренїи, что исполняешь свою должность, какъ *человѣкъ* — совершенствуя свою натуру, какъ *гражданинъ* — трудясь съ намѣренїемъ (иногда мечтательнымъ, всегда благороднымъ) приносить Отечеству пользу, большую или малую, смотря по обширности дарованїй. Мечта потомства — можетъ ли она служить прибѣжищемъ при недостаткѣ наградъ ближайшихъ и болѣе драгоцѣнныхъ, не знаю! — мечта потомства пускай, хотя въ отдаленїи, предъ нимъ блистаетъ. По крайней мѣрѣ (говорю убѣжденный моимъ сердцемъ) въ минуту прекращенїя бытїя — тогда, когда ничего, кромѣ прискорбїя о прошедшемъ, не остается для человѣка; когда онъ чувствуетъ, что всему конецъ, но силится еще удержать летящую жизнь — мечта потомства должна быть прибѣжищемъ утѣшительнымъ: она воспламеняетъ угасающую душу его, удаливъ отъ нее страшную мысль небытїя, и въ мїрѣ, который онъ покидаетъ, представляя очамъ его не *гробъ* — печальной признакъ его ничтожества, но *памятникъ* — неизгладимый слѣдъ его жизни; въ минуту рѣшительной борьбы, онъ полонъ надеждою на прошедшее, какъ нѣкогда надеждою на будущее: одна непримѣтно смѣняетъ другую и нечувствительно, забывшись, еще

наслаждаясь нѣкоторымъ образомъ жизнїю, которая вся заключена для него въ однихъ *воспоминаніяхъ*, имъ оставляемыхъ, съ отрадою переходитъ онъ въ усыпительныя объятїя смерти."

Стародумъ перестал говорить — я не отвѣчалъ ни слова, и могъ ли отвѣчать? — мы разстались. Еще растроганный его краснорѣчїемъ, я сѣлъ писать къ тебѣ письмо, и даю обѣщанїе самому себѣ, всякой разъ, когда невольная унылость во мнѣ поселится, когда почувствую нужду въ подпорѣ, итти къ Стародуму: душа старика еще пылаетъ!

II.

Подарокъ на Новый годъ.

Вчера, будучи въ гостяхъ у Климены, увидѣлъ я на туалетѣ ея дочери, милой, скромной, добросердечной Марїи книгу, переплетенную въ сафьянъ, которую хотѣлъ взять; но Марїя предупредила меня и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ спрятала книгу въ работный мѣшокъ. Я удивился, посмотрѣлъ ей въ глаза; Марїя покраснѣла, почувствовала, что подала мнѣ поводъ къ подозрѣнїю, вынула книгу, разкрыла,

показала мнѣ первыя страницы, написанныя рукою ея матери, и сама прочла ихъ въ слухъ. Я просилъ списка, и снисходительная Марія собственною рукою написала для меня слѣдующее:

„Бѣлая книга, мой милый другъ, конечно подарокъ не богатый; но я увѣрена, что еще никого на свѣтѣ не дарили *на Новый годъ* съ такимъ добрымъ желаніемъ, съ какимъ даритъ тебя твоя мать, и такою полезною вещію, какова быть можетъ эта бѣлая книга.

„Я нѣсколько разъ говорила тебѣ, что двѣ или три минуты, двѣ или три строки, посвящаемыя каждый день размышленію — иногда, не спорю, съ трудомъ и непріятнымъ усиліемъ — приводятъ самыя мысли въ порядокъ, даютъ имъ ясность и жизнь. Смѣшно, ты скажешь, надѣяться такихъ великихъ слѣдствій отъ причинъ столь маловажныхъ; но вѣрь мнѣ, я говорю по опыту. Человѣкъ, еще не имѣвъ языка, видѣлъ, слышалъ, вкушалъ и осязалъ, но онъ еще не мыслилъ; не имѣвъ искуства писать, онъ мыслилъ мало и говорилъ дурно. Языкъ и перо усовершенствовали его натуру; понятія, сообщаемыя другимъ, озарились, приведены въ систему, разширились, и переходя отъ человѣка къ человѣку, изъ поколѣнія

въ поколѣніе, усовершенствовались. Путь сей, избранный цѣлымъ человѣческимъ родомъ, есть въ то же время единственный и самый вѣрный для каждаго частнаго человѣка.

„Ты, милый другъ, уже успѣла на шагъ — и важный шагъ — подвинуться къ совершенству: ты слышала мудрыхъ, иными словами, читала книги, въ которыхъ мысленно бесѣдовала съ ихъ геніемъ. Въ наше время дѣвушка, которая *читаетъ*, благодаря просвѣщенію, не кажется чудомъ; но много ли найдемъ такихъ, которыя читали бы съ желаніемъ научиться, образовать разсудокъ и сдѣлаться лучшими? — Суетность вмѣшалась во все; она уничтожила достоинство чтенія, перемѣнивъ его предметъ и мудрость обративъ въ пустое убранство. Большая часть изъ нашихъ читателей и читательницъ открываютъ книгу только для того, чтобы послѣ имѣть удовольствіе сказать: она мнѣ извѣстна! прекрасна или дурна книга! Ты, мой другъ, моя разсудительная, скромная Марія, короче многихъ знакома съ истинною цѣлію чтенія: остается имѣть нѣкоторую рѣшимость болѣе упражняться, и наконецъ ее достигнешь.

„Душа наша есть живописецъ, котораго кисть изображаетъ или оригиналъ

заимствованный изъ натуры, или списокъ съ хорошаго оригинала; первое — собственныя чувства, замѣчанія и мысли; послѣднее — понятія, почерпаемыя въ наставленіяхъ и книгахъ. Списки хорошаго мастера — одно предварительное упражненіе: онъ хочетъ изострить глазъ и набить руку; напротивъ, дурной всегда остается копистомъ, и вся слава его въ искусствѣ рабскаго подражателя.

„Чегожь я требую отъ тебя, мой другъ? Единственно того, чтобы ты всѣ размышленія — пространныя или краткія — выводимыя другими изъ опытовъ ихъ, почитала своими, какъ будто изъ собственныхъ твоихъ опытовъ извлеченными. Человѣкъ, прежде нежели научится думать самъ, долженъ учиться думать за другими — важный шагъ, который ты можешь и должна теперь сдѣлать; я хочу сказать, что уже тебѣ время изъ читательницы сдѣлаться Авторомъ: учись, читая книгу, отдѣлять мысль отъ выраженія; снимай съ нее уборъ, иногда откладывая на время пріятность, соединенную съ удовлетвореніемъ любопытства, старайся двумя словами выразить то, что Авторъ заключилъ, быть можетъ, во многихъ страницахъ; сіи два слова запиши — онѣ принадлежатъ тебѣ, тебѣ, какъ и

самая мысль, которую выражаютъ. Такъ цѣлые Томы не рѣдко превращаются въ одинъ листокъ, болѣе важный, нежели самая книга; такъ образуется въ насъ способность мыслить, способность выражать мысли, и выраженіемъ ихъ убѣждать или веселить разсудокъ читателя.

„И скоро твои записки перестанутъ быть единымъ сокращеннымъ выраженіемъ чужихъ, заимствованныхъ мыслей; собственныя разцвѣтутъ въ твоемъ умѣ: идея воспламеняетъ идею; душа, единожды пробужденная, единожды овладѣвшая нитью размышленія, мгновенно отъ слѣпка понятій чуждыхъ переходитъ къ изобрѣтенію и выраженію собственныхъ, и скоро изъ собственнаго сокровища понятій и чувствъ является мысль, которая сама, *своею* силою, никогда не могла бы оживиться, но будучи близкою къ идеямъ Писателя, одушевляется, пріемлетъ образъ. Послѣдуй, милая, моему совѣту! зная твои способности, предсказываю тебѣ вѣрный успѣхъ, а щастливое начало и самую трудность дѣлаетъ привлекательною. Удовольствіе мыслить такъ живо и чисто, что разъ вкусивши его сладость, прилѣпляешься къ нему навсегда и чувствуешь, что оно необходимо въ жизни.

Гарве.

III.

Густавъ.

Есть человѣкъ прекрасный лицемъ, чувствительный, еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, съ пылкими неукротимыми страстями, одаренный живымъ воображеніемъ — и этотъ человѣкъ, будучи давно оставленъ на своей волѣ, независимъ, привязанъ къ большому свѣту, не можетъ бояться ни прелестей порока, ни сладкихъ приманокъ любви, ни хитрыхъ обольщеній сладострастія. Какоежь могущество оградило его сердце? — Правила! но пылкое воображеніе препятствуетъ ему размышлять. Глубокая страсть! но, будучи одаренъ живою чувствительностію, не можетъ онъ быть постояненъ; и слишкомъ тонкій вкусъ — разборчивость страстной души, которой ни что обыкновенное наполнить не въ силахъ — предохранитъ его навсегда отъ истинной, сильной привязанности: все трогаетъ, и ни что не можетъ удовлетворить его сердце. Какое же чудо удалило отъ него заразу примѣра, невидимыя опасности удовольствія? . . . Философы, гордые мудрецы, смиритесь! Его хранитель — привидѣніе; безумная мечта источникъ его благоразумія! Судите, умствуйте, раздробляйте, но вѣрьте моимъ

словамъ — разсказываю не выдумку, истину, истину, многимъ извѣстную и совершенно неоспоримую.

Графъ N . . . . лишившись на пятидесятомъ году жены, переѣхалъ изъ Парижа въ дальнюю деревню, и взялъ съ собою маленькаго сына — ребенка пяти лѣтъ, прекраснаго, остроумнаго и страстно привязаннаго къ отцу. Густавъ со всѣхъ сторонъ отвѣчалъ надеждамъ родителя; и можетъ ли воспитанїе не быть удачно, когда воспитанникъ и сердцемъ и умомъ способенъ цѣнить привязанность достойнаго наставника! Густавъ семнадцати лѣтъ былъ юноша совершенный. Желая усовершенствовать воспитанїе путешествїемъ, и думая, что въ такомъ случаѣ всего приличнѣе обозрѣть сначала отечество, Графъ N. . . . поѣхалъ съ сыномъ въ Парижъ, гдѣ скоро занемогъ отчаянною болѣзнїю. Чувствуя близкїй конецъ, онъ долженъ былъ вооружить себя всею довѣренностїю къ Божеству, чтобы рѣшиться оставить съ покорностїю не жизнь, но сына, который лишался наставника и руководца, въ опаснѣйшую минуту бытїя — въ минуту открытїя страстей, еще неизвѣстныхъ его невинному сердцу, но пламенныхъ и сильныхъ. Графъ N. . . . иностранецъ, женившїйся еще до прїѣзда своего въ Парижъ, совсѣмъ не имѣлъ родныхъ во Фран-

ціи; онъ мучился, воображая, какія опасности готовы были окружить Густава, существо единственно ему драгоцѣнное, единственную, любезнѣйшую его надежду: но вѣра, всегда благодѣтельная, всегда отрадная, представила его разсудку послѣднее и самое сильное утѣшеніе; онъ съ мирною довѣренностію вручилъ своего сына Всемогущему Существу, и горестное сомнѣніе души его прекратилось! Изготовясь къ разлукѣ призываетъ Густава; въ послѣдній разъ велитъ ему прижаться къ своему сердцу; въ послѣдній разъ благословляетъ его, моля Провидѣніе, да будетъ хранителемъ сего невиннаго, чистаго сердца; въ послѣдній разъ померкшіе взоры его, озаренные угасающимъ, меланхолическимъ сіяніемъ любви, съ уныніемъ, съ наслажденіемъ устремляются на прекрасное лице Густава, какъ будто усиливаясь удержать любезный, улетающій образъ. . . Густавъ отчаянный, поверженный на колѣни, рыдалъ и не могъ оторвать своихъ устъ отъ хладной руки умирающаго родителя. О мой сынъ! — сказалъ ему тихій, унылый голосъ — о Густавъ! я посвятилъ тебѣ пятнадцать лѣтъ жизни, стремился на вѣки привязать невинное твое сердце къ добродѣтели; я мыслилъ только для тебя и жилъ для будущаго твоей жизни. Узы любви и

благодарности уже ли прервутся въ минуту смерти? О мой сынъ! не можетъ быть! твои добродѣтели принадлежатъ мнѣ, и въ самой вѣчности я долженъ наслаждаться своимъ твореніемъ. Такъ, Густавъ! въ сей книгѣ жизни, въ сей книгѣ неизповѣдимой, гдѣ всякое дѣло смертнаго навѣки, неизгладимо начертано рукою Судіи, всѣ добрыя дѣла твои причтутся мнѣ въ заслугу! мнѣ опредѣлено раздѣлять твои награды. — Ахъ! кто замѣнитъ моего отца? сказалъ Густавъ, что буду, когда его нестанетъ? — Мой другъ! продолжалъ умирающій, глаза мои отъ тебя не отвратятся, душа моя будетъ надъ тобою. — О! не забудь меня, воскликнулъ Густавъ, изступленный и съ содроганіемъ сжимая руку старца; въ минуту заблужденія, въ минуту проступка, явись, явись мнѣ съ симъ милымъ взглядомъ любви и укоризны, и сердце мое опять возвратится къ потерянной добродѣтели, опять найдетъ свою невинность, и будетъ, будетъ тебя достойно! Старикъ при сихъ словахъ простеръ дрожащія руки къ небу: Великій Боже! услышь его невинный голосъ. Такъ! есть-ли у вышняго трона, къ которому скоро приближусь, позволено надѣяться чуда, дерзну, дерзну молить Тебя: исполни

желаніе робкой непорочности, желаніе любви сыновней, и Ты не отринешь моей молитвы. — Слова сіи, произнесенныя выразительно, проникли во глубину души Густава; трогательный, величественный образъ умирающаго отца; таинственный пламень, блеснувшій въ его глазахъ, когда онъ съ послѣднею молитвою поднялъ руки къ небу; сіе торжественное обѣщаніе, данное надъ самымъ гробомъ ... сколько впечатлѣній святыхъ, неизгладимыхъ, незабвенныхъ навѣки!

Густавъ еще разъ хотѣлъ прижаться ко груди старца, но онъ уже боролся съ смертію; скоро послѣднее содроганіе потрясло его члены — вздохнулъ, запечатлѣнныя прискорбіемъ глаза угасли и медленное теченіе жизни прекратилось.

Густавъ оплакивалъ долго свою потерю. Онъ цѣлый годъ провелъ въ уединеніи; задумчивый, сопутствуемый воспоминаніемъ, видѣлъ всякую минуту отца своего на одрѣ смерти, съ поднятыми къ небу руками; стремился мыслію за тайные предѣлы жизни, искалъ его въ неизвѣстныхъ жилищахъ духовъ, чувствовалъ его присутствіе, слышалъ пріятные, меланхолическіе звуки его голоса, и пламенное воображеніе разстроилось навѣки.

Графъ N... въ своей духовной назначилъ опекуномъ Густаву человѣка благороднаго и честнаго, но слабаго характеромъ и слишкомъ безпечнаго для важныхъ обязанностей наставника; онъ познакомилъ своего питомца съ большимъ свѣтомъ, съ людьми хорошаго тона, и скоро совсѣмъ пересталъ имъ заниматься. Густавъ, пріятный, остроумный, привлекательный лицомъ, имѣлъ блистательные успѣхи въ обществѣ. Онъ подружился съ молодымъ Сельнанжемъ, любезнымъ, но совершенно развратнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, и скоро сдѣлались они почти неразлучны. Однажды Сельнанжъ уговорилъ Густава ѣхать въ духовный концертъ, слушать Розару, Италіанскую пѣвицу, недавно пріѣхавшую въ Парижъ, и которая, какъ всѣ увѣряли, имѣла голосъ *небесный*. Густавъ чрезвычайно любилъ музыку; пѣвица была молода, прекрасна и въ самомъ дѣлѣ пѣла восхитительно; короче, она поразила Густава — онъ влюбился въ нее страстно. Сельнанжъ, любовникъ сестры ея, пригласилъ на другой день обѣихъ Италіанокъ къ себѣ на концертъ и ужинъ; Густавъ опять увидѣлъ Розару, которая своимъ талантомъ, пріятностію и хитрымъ кокетствомъ совершенно очаровала его душу. Густавъ не могъ заблуждаться на счетъ ея характера и

правилъ; но онъ еще ни въ одной женщинѣ не находилъ такого соединенія прелестей, чувствительности, остроумія и способовъ нравиться. Розара занималась однимъ Густавомъ; ея обхожденіе было скромно и мило; на выразительномъ ея лицѣ веселость ума сливалась съ меланхоліею чувства: сколько очарованій для пылкаго осмнадцатилѣтняго юноши! Сельнанжъ далъ слово Розарѣ привезти къ ней Густава, и на другой день въ одиннадцать часовъ вечера садятся они въ наемную карету, приказываютъ везти себя на quai des Auguſtins, гдѣ объ Италіянки нанимали домъ; останавливаются у воротъ... душа Густава была въ волненіи, разительное воспоминаніе за нимъ стремилось. Сельнанжъ на вопросъ кучера, когда пріѣзжать, отвѣчаетъ: *въ четыре часа утра*; бичь хлопнулъ, карета застучала; они остались одни, во мракѣ, у длиннаго, неосвѣщеннаго свода. Идутъ... и не успѣлъ Густавъ ступить на порогъ — ступить на поприще разврата — какъ видитъ.... и волосы на головѣ его воздымаются! видитъ.... предметъ величественный и ужасный.... образъ отца, пронзающій землю и медленно возстающій! привидѣніе устремляетъ на него строгій, проницающій взглядъ и съ страшною неподвижностію ждетъ его у входа...

Густавъ затрепеталъ, отскочилъ назадъ, ударился объ стѣну. . . . Боже! сказалъ онъ задыхаясь, это онъ! здѣсь! душа его предо мною! — Что съ тобою сдѣлалось? спросилъ Сельнанжъ. Кто *онъ*? что ты видишь? — Я вижу, воскликнулъ Густавъ съ изступленіемъ, вижу. . . *свою совѣсть!* Онъ упалъ безъ памяти на руки Сельнанжа, который, не понимая странныхъ словъ имъ произнесенныхъ, и приписывая случившееся обыкновенной физической причинѣ, относитъ его въ ближнюю комнату, гдѣ черезъ минуту онъ возвращаетъ чувство. Пойдемъ, Густавъ, говоритъ Сельнанжъ; Розара насъ ожидаетъ. Имя Розары пробудило Густава. Розара здѣсь? воскликнулъ онъ, осматриваясь съ трепетомъ. Сельнанжъ, не отвѣчая, тащитъ его за руку, и Густавъ нерѣшимый, смятенный, не смѣя противорѣчить, слѣдуетъ за нимъ робко, съ отвращеніемъ и внутреннимъ терзаніемъ совѣсти. Подходятъ къ кабинету; Сельнанжъ отворяетъ дверь, скрывается, и Густавъ видитъ себя въ прелестномъ убѣжищѣ, храмѣ любви и удовольствія, — видитъ Розару, забываетъ свой ужасъ, приближается съ трепетомъ новаго, невиннаго сердца; упоенный страстію, находитъ въ ней одну Ангельскую красоту. . . . . Розара сама возвращаетъ ему жестокія укоризны

совѣсти: она встаетъ, летитъ въ его объятія; очарованіе разрушено . . . Густавъ узнаетъ въ ней одну Лаису, и вдругъ. . . блѣднѣетъ, волосы на головѣ его становятся дыбомъ . . . грозное, благодѣтельное привидѣніе опять явилось и разлучаетъ его съ Розарою. О! не мсти мнѣ! воскликнулъ онъ, простершись на землю; повинуюсь, повинуюсь! встаетъ, не отвѣчаетъ на вопросы Розары; пораженной изумленіемъ, бросается изъ кабинета, бѣжитъ и навсегда, навсегда оставляетъ сіе жилище разврата, въ которомъ добродѣтель его такимъ чудеснымъ образомъ сохранилась.

Съ тѣхъ поръ благодѣтельная тѣнь сопутствуетъ Густаву. Готовый забыться, онъ видитъ образъ отца, онъ видитъ — *свою совѣсть*, и ужасъ спасаетъ его отъ преступленія. Густавъ женатъ, и не имѣя чрезвычайной привязанности къ женѣ своей, но будучи совершенно безпороченъ въ сердцѣ, онъ нѣжный супругъ, конечно будетъ и нѣжнымъ отцемъ: онъ щастливъ, и достоинъ щастія.

Жанлисъ.

IV.

Романсъ.

Дубрава шумитъ,
Сбираются тучи!
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ
Въ слезахъ, пригорюнясь дѣвица-краса!
И полночь и буря мрачатъ небеса,
И черныя волны вздымаясь бушуютъ,
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ!
„Душа отцвѣла,
Природа унылая!
Любовь измѣнила,
Любовь унесла
Надежду, надежду, мой сладкій удѣлъ!
Куда ты, мой Ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ, полно! я щастьемъ мірскимъ наслаждилась;
Жила и любила и друга лишилась!
„Теките струёй
Вы, слезы горючи!
Дубравы дремучи
Тоскуйте со мной,
Уже не видать мнѣ веселія дней!
Простилась, простилась я съ жизнью моей!
Мой другъ не воскреснетъ! что было, не будетъ! . . . .
Чтожь сердце минувшихъ утѣхъ не забудетъ?

„Ахъ! скороль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною — природы
Красы разцвѣтутъ;
Но сладкое щастье не дважды цвѣтетъ!
Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ!
Любовь, ты погибла! ты, радость, умчалась!
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась!

V.

Къ Амуру,

который прицѣливается стрѣлою.

Стрѣляй, нашъ милый врагъ, въ два сердца, не въ одно!
А иначе . . . . . на вѣкъ нещастливо оно!

* * * Ъ.

VI.

Къ Издателю Журнала.

(Стихи на заданныя риѳмы.)

Да будетъ твой Журналъ у насъ въ Москвѣ *комета*!
Да сладокъ будетъ онъ, какъ медъ или *наймакъ*!
Ты не былъ сотворенъ носить два *эполета*,
За то твой къ Пинду путь не скроетъ *буеракъ*!

Для грѣшныя души спасенье — *Литургія!*
Для скаредныхъ писцовъ Журналы — *помело!*
Бѣда имъ критики сердитой *энергія*,
Иль строгаго ума подзорное *стекло!*
Ихъ бредъ для глупыхъ — пѣснь, для умныхъ — *скорговорка!*
Въ стихахъ ихъ Фебъ — Сатиръ, съ горбами — *Адонисъ!*
Имъ риѳма — для стиховъ, бредущихъ врозь, *затворка!*
Всѣхъ въ петлюбъ за вранье! (Глупонъ, и тыбъ *повисъ!*)
Безъ дара страсть писать пятно, иль лучше *сажа!*
Подобныль симъ вралямъ Гомеръ, *Анакреонъ?*
И громкостью стиховъ, стиховъ въ два три *этажа*,
Заслужитъ ли Поэтъ на Пиндѣ *эстонтонъ!*

N. N.

VII.

Характеръ Маркъ-Аврелія.

Маркъ-Аврелій, великій образецъ Государей, имѣлъ добродѣтель строгую и дѣятельную, плодъ философическихъ уроковъ, чтенія книгъ и частыхъ полунощныхъ бесѣдъ съ самимъ собою. Прилѣпившись на двенадцатомъ году жизни къ суровой системѣ Стоиковъ, научился онъ

покорять тѣло душѣ и страсти разсудку, почитать добродѣтель единственнымъ благомъ, порокъ единственнымъ зломъ, и быть равнодушнымъ ко всему земному. Мысли его, написанныя въ шуму военнаго стана, сохранены временемъ и дошли до насъ. Иногда низходилъ онъ съ высоты престола и давалъ изустныя наставленія народу — поступокъ можетъ быть не совсѣмъ согласный съ величіемъ Монарха и тихою скромностію Мудраго; но жизнь его должна служить благороднѣйшимъ объясненіемъ Зиноновыхъ правилъ: Маркъ-Аврелій, строгій судія пороковъ, неумолимый къ самому себѣ, кроткій, снисходительный къ другимъ, былъ другомъ, защитникомъ, благотворителемъ человѣческаго рода. Узнавъ о самоубійствѣ Авидія Кассія, возмутившаго Сирію, онъ сожалѣлъ, что этотъ нещастный лишилъ его случая обратить врага во друга, и доказалъ искренность сего чувства, смягчивши строгость Сената къ соумышленникамъ возмутителя. Маркъ-Аврелій ненавидѣлъ войну, которую называлъ оскверненіемъ и казнію человѣчества; но вооружаемый необходимостію защищать предѣлы Имперіи, стремился на берега Дуная, и въ продолженіе осьми трудныхъ походовъ подвергаясь опасностямъ войны, презиралъ жестокость Германскаго

хлада, который наконецъ былъ гибеленъ для слабаго его тѣла. Память Великаго Императора сохранена благодарностїю потомковъ, и нѣсколько вѣковъ по смерти его граждане Рима, вмѣстѣ съ изваянїями домашнихъ боговъ, покланялись еще образу незабвеннаго Маркъ - Аврелїя.

Гиббонъ.

VIII.

Меланхолическая пѣсня Марїи Стуартъ.

Было время, когда Марїя Стуартъ — привлекательная, слабая, нещастная — имѣла чистое сердце; когда въ прелестной груди ея цвѣли однѣ непорочныя чувства, и на юномъ ея лицѣ, украшенномъ меланхолїею страстной души, блисталъ высокїй характеръ добродѣтели: тогда писала она стихи, тогда животворная мечтательность обитала въ ея сердцѣ. Прощаясь съ милою Францїею, оставляя ту сторону, въ которой познакомилась и разлучилась съ щастїемъ, она сочинила стихи, нѣжные, унылые, трогательное излїянїе задумчивости душевной. Они давно и всѣмъ извѣстны. Вотъ другїе, которые сохранены для насъ

Брантомомъ: романсъ на смерть юнаго Франца, супруга Марїи, котораго она обожала, котораго безвременная смерть разрушила ея щастїе. Сообщаемъ ихъ въ оригиналѣ для читателей, знающихъ Французскїй языкъ. Въ переводѣ они потеряли бы свою простоту и прелесть.

En mon triste et doux chant,
D'un ton fort lamentable,
Je jette un oeil tranchant
De perte irreparable;
Et en soupirs cuisans
Passe mes meilleurs ans.

Fut-il un tel malheur
De dure destinée,
Ni si triste douleur
De Dame fortunée,
Qui mon coeur et mon oeil
Vois en bierre et cercueil?

Qui en mon doux printems
Et fleur de ma jeunesse,
Toutes les peines sens
D'une extreme tristesse,
Et en rien n'ay plaisir,
Que regrets et desirs.

Ce qui m'eſtoit plaiſant,
Ores m'est bien dure;
Le jour le plus luiſant
M'eſt nuit noire et obſcure,
Et n'eſt rien si exquis
Que de moy ſoit requis.

Pour mon mal eſtranger
Je ne m'arreſte en place;
Mais j'enay beau changer,
Si ma douleur j'efface,
Car mon pis et mon mieux
Sont me plus déſerts lieux.

Si en quelque ſéjour,
Soit en bois on bien en prée,
Ou soit pour l'aube du jour,
Ou ſoit pour la vesprée,
Sans cesse mon coeur sent
Le regret d'un abſent.

Si parfois vers ces lieux
Viens à dresser ma veüe,
Le doux trait de ſes yeux
Je vois en une nüe;
Soudain je vois en l'eau
Comme dans un tombeau.

Si je suis en repos,
Sommeillant sur ma couche,
J'oy qu'il me tient propos,
Je le sens qu'il me touche;

En labeur, en recoy
Toujours est prest de moi.

Mets chanson ici fin
A si triste complainte;
Dont sera le refrein
Amour vraye et non feinte;

Pour la separation
N'aura diminution.

Сіи унылые звуки отзываются во глубинѣ сердца! Надобно вообразить цвѣтущую семнадцатилѣтнюю Марію! При самомъ началѣ жизни, въ ту минуту, когда наслажденіе только начинало раскрываться для страстной ея души; когда она едва успѣла его вкусить; когда оно сохранило еще для нее всю свою свѣжесть; надежды, мечты, восторги еще не изчезли; чувствительность едва только разпалилась, душа едва испытала прелесть нѣжнаго союза, и съ тайнымъ, еще робкимъ смятеніемъ ей предавалась... вдругъ всего лишиться, разрушить драгоцѣннѣйшія связи, разлучиться, и навсегда, съ любезнѣйшими идеями, желані-

ями, удовольствіями — какая перемѣна для пылкаго сердца Маріи!

Et en ſoupirs cuiſans
Passe mes meilleurs ans.
. , . . .
Qui en mon doux printems
Et fleur de ma jeuneſſe,
Toutes les peines ſens
D'une extreme triſteſſe,
Et en rien n'ay plaisir
Que regrets et desirs.

Меланхолія въ самыхъ звукахъ! послѣдніе два стиха трогательны своею простотою. Одна юная, пылкая душа могла найти ихъ для выраженія своей скорби. Regrets et desirs! (сожалѣніе и желаніе) Сожалѣніе принадлежитъ ко всякому времени жизни: самый увядающій старикъ, смотря на прошедшее, вздыхаетъ; но пылкое желаніе есть принадлежность юныхъ лѣтъ: душа, еще цвѣтущая, наслаждается щастіемъ съ нѣкоторымъ волненіемъ! щастіе изчезаетъ, но волненіе продолжается, подобно звуку, существующему въ одномъ гармоническомъ, медленно утихающемъ отзывѣ; мучительное, неясное желаніе

остается, желаніе неимѣющее предмета, привычка къ прошедшему, которое невозвратно и въ тоже время необходимо, которое стремишься возобновить, но въ то же время теряешь надежду, будучи еще такъ сильно привязанъ сожалѣніемъ къ незабвенному, потерянному благу.

Sans cesse mon coeur ſent
Le regret d'un abſent!
. . . . .
Pour la ſeparation
N'aura diminution!

Гармоническій голосъ печали невольно вливается въ душу; самой простой человѣкъ, носящій на лицѣ своемъ напечатлѣніе скорби, становится привлекателенъ и любезенъ; но тотъ, кого судьба окружила всѣми преимуществами жизни, но Марія Стуартъ, одно изъ совершеннѣйшихъ созданій Природы, украшеніе блистательнаго Двора, милая, чувствительная, остроумная, Марія Стуартъ, уединенно оплакивающая свое погибшее щастіе — какое новое, трогательное зрѣлище для нѣжнаго сердца! Стихи ея, увѣренъ, будутъ сокровищемъ для тѣхъ, которые любятъ красоту во всемъ, въ искуствахъ и наукахъ, въ натурѣ и подражаніи натурѣ, въ произведеніяхъ

человѣка и въ самой душѣ человѣческой. Прочитавъ ихъ узнаешь, что Марія имѣла на Престолѣ нѣжныя чувства, что слабости ея произтекли изъ источника благороднаго, что она не заслужила судьбы своей, что можетъ быть ошибкою, влекомая необоримою силою, она вступила на дорогу преступленія, что можетъ быть въ другихъ обстоятельствахъ была бы она примѣромъ всѣхъ добродѣтелей, удивленіемъ современниковъ и потомства, какъ нѣкогда, въ первые цвѣтущіе годы жизни своей, была образцемъ красоты, любезности, остроумія.

Коцебу.

IX.

Отрывокъ разговора на балѣ.

Аристъ.

Признайтесь, что здѣсь вездѣ скучно: на балахъ передвигаютъ ноги и кланяются, въ вечернихъ бесѣдахъ играютъ въ карты, или говорятъ объ однѣхъ шаляхъ — и только!

Аглая.

Это правда. Домъ Климены почитается на самомъ лучшемъ тонѣ, у нее от-

борное общество — кто же и тамъ? Эльвира душею разговора.

Аристъ.

А она не больше, какъ скучная педантка: гоняется вѣчно за острымъ словомъ.

Аглая.

А Хлоя за нею, и отъ зависти хочетъ лопнуть.

Аристъ.

А прочія дамы въ молчаніи ждутъ ужина, зѣваютъ и утѣшаются тѣмъ, что онѣ въ числѣ отборныхъ.

Аглая.

А Дамисѣ непрестанно хохочетъ, думая, что въ этомъ только и любезность свѣтскаго человѣка.

Аристъ.

А Дамону не вели пѣть, не давай арфы, такъ онъ скажетъ слова два, и задремлетъ.

Аглая.

А Оргонъ, сидя между дамъ, говоритъ о рекрутскомъ наборѣ, или толкуетъ о Гальванизмѣ.

Аристъ.

Я вчера ужиналъ тамъ — и точно на вашъ счетъ; однакожъ вы не были.

Аглая.

Я звана была въ Белиндѣ, не завидуйте мнѣ — хозяйка говорила только: *подайте чаю! снимите съ свѣчь!* на двухъ столахъ играли въ бостонъ и спорили; нѣсколько старухъ судили о вчерашнемъ свадебномъ ужинѣ; Эльвира просидѣла съ Розалїею цѣлый вечеръ въ углу и дѣлала критическїя замѣчанїя на всѣхъ проходящихъ, а я отъ скуки бренчала на фортопїано; неловкой Эрастъ нѣсколько разъ подходилъ сказать мнѣ что нибудь прїятное, вытягивалъ шею, улыбался, вздыхалъ и отходилъ, не сказавъ ни слова.

Аристъ.

Какое общество!

Аглая.

Сноснѣе всѣхъ была Розалїя.

Аристъ.

Она довольно умна.

Аглая.

По крайней мѣрѣ не умничаетъ.

Аристъ.

И мало говоритъ на счетъ прочихъ.

Аглая.

Почти не заслословитъ. Начали вальсъ: прощайте! (*про себя*) Какъ онъ скученъ!

Аристъ. (про себя.)

Какъ она самолюбива!

* * * *ъ.*

X.

Мысли.

Глядя на другихъ, кажется ничего нѣтъ легче и пріятнѣе, какъ жить въ шумномъ свѣтѣ; но для меня это тяжкая служба — имѣть множество знакомыхъ, не по выбору сердца, но по разнымъ маловажнымъ причинамъ; помнить день ихъ рожденья и имянинъ; наблюдать очередь въ визитахъ; поспѣвать въ одинъ день на крестины, на похороны и на свадебный балъ! между тѣмъ, какъ иной могъ бы очень весело провести время въ огородѣ своемъ, подъ тѣнію старой липы, или въ уединенной хижинѣ, бесѣдуя съ любымъ мудрецомъ свѣта, или въ прогулкѣ по живописнымъ Московскимъ окрестностямъ: учтивость, обязанность таскаютъ его изъ дома въ домъ! Что мы тамъ дѣлаемъ? Сидимъ по нѣскольку часовъ, согнувшись за картами, потомъ ѣдимъ, потомъ опять за карты, а въ промежуткахъ должны говорить — не для того, чтобъ слушали насъ, но для того, чтобы тянуть разговоръ: *видѣлъ того,*

тотъ пріѣхалъ, тамъ обѣдалъ!" Завтра и послѣ завтра, и на будущій годъ тоже . . . жизнь ли это? Однакожь есть люди, которые отъ юношества до старости ничего больше не дѣлали, и думаютъ, что *нечего больше и дѣлать.*

*

Въ *большомъ свѣтѣ* тотчасъ замѣтятъ худой вкусъ въ нарядахъ, неловкость въ обхожденіи, грубость чистосердечія; но не скоро узнаютъ простяка, естьли онъ щеголеватъ, умѣетъ хорошо представиться, знаетъ свое мѣсто за обѣдомъ, играетъ въ карты и — пуще всего — танцуетъ и правильно говоритъ по Французски. Тамъ и трудно и легко попасть въ умные люди.

*

Мы обыкновенно смотримъ на умѣ въ блестящей только стороны его; по большой части требуемъ отъ него одной остроты, а еще чаще одного велерѣчія. Мы часто и умнаго человѣка почитаемъ тупымъ потому только, что онъ тяжелъ въ разговорѣ. Такихъ должно бы кажется узнавать и цѣнить по ихъ поступкамъ.

*

Въ наши времена нескромно хвалиться своимъ великодушіемъ, своею службою; напротивъ того позволено тщеславиться

своимъ поваромъ, своимъ цугомъ, своимъ покровителемъ. А какими средствами иной все это нажилъ? Учтивый гость не спроситъ его, а до другихъ ему и дѣла нѣтъ.

*

Даръ *краснобая* или хорошаго говоруна не изощряется въ большихъ обществахъ; тамъ скорѣе можно потерять его: ибо тамъ никто не любитъ долго слушать; каждый развлеченъ или занятъ собою. Между тѣмъ, какъ я начинаю разсказывать, одинъ слушая меня подслушиваетъ въ то же время и разговоръ двухъ интригановъ; другой заглядывается на красавицу, а третій поминутно смотритъ на дверь, не вошелъ ли вельможа, чтобъ не стоять къ нему спиною.

*

Рускіе стихотворцы болѣе всего пишутъ *оды*; типографіи наши чаще всего печатаютъ *оды*; Публика наша менѣе всего читаетъ *оды*! Но какъ и читать ихъ, когда многіе одисты не знаютъ и сами что говорятъ! Поэзію ихъ въ этомъ только смыслѣ можно назвать изступленіемъ, истиннымъ брѣдомъ! — Для кого же они пишутъ? — Для Двора. — А Дворъ читаетъ ихъ? — И подавно нѣтъ. — Чтожь заставляетъ кропать одистовъ? — Надежда получить

подарокъ. — Уже ли всѣ изъ одного корыстолюбія? — Большая часть; иной же для того, чтобы прослыть умникомъ между слугъ своихъ; чтобъ дядька сказалъ сыну его: батюшка вашъ изволитъ писать и печатать; пишите, сударь, хорошенько *азы*, такъ и ваше будутъ печатать. — Бѣдные печатальщики! потерянныя масло и сажа!

* * * ъ

XI.

Смѣсь.

Анекдоты.

Рюльеръ ѣхалъ въ публичной каретѣ съ молодою Кармелитскою монахинею. Давно ли, спросилъ онъ, вы постриглись, и на которомъ году? — Ахъ, государь мой! отвѣчала монахиня, давно! давно! прошлаго году и шестнадцати лѣтъ — я была еще очень молода въ то время!

*

Разсѣянные люди всегда имѣютъ успѣхи въ большомъ свѣтѣ: ихъ любятъ потому, что они забавны, безпрестанно даютъ вамъ новую матерію для разговора и не способны ни къ какому притворству. Графъ Рокфель, надзиратель молодаго Принца Ламбаля, былъ чрезвычайно разсѣянъ,

въ первый вечеръ по вступленіи своемъ въ должность, приходитъ онъ въ комнату Принца, который давно спалъ и съ которымъ онъ обязанъ былъ ночевать, раздѣвается и хочетъ ложиться въ постель; но, будучи весьма близорукъ, ошибается кроватью, видитъ спящаго Принца и вообразивъ, что это большая датская собака, которую до того времени обыкновенно держалъ онъ въ своей спальнѣ, толкаетъ его на полъ, крича: долой, Patau! Ребенокъ испуганный, убитый, кричитъ и плачетъ; весь домъ приходитъ въ смятеніе. — По щастію тревога кончилась однимъ легкимъ ушибомъ воспитанника и сильнымъ испугомъ надзирателя. На другой день новая исторія: въ пять часовъ послѣ обѣда, маленькой Принцъ долженъ былъ взять урокъ; зажгли свѣчи; надзиратель придвинулъ свои кресла къ столу, а учитель началъ читать въ слухъ. Графъ Рокфель, который обыкновенно, ложась въ постель, заставлялъ камердинера читать по нѣскольку минутъ громко, вообразилъ себя въ своей спальнѣ на кровати, и чувствуя побужденіе ко сну, остановилъ чтеца, сказавъ: *довольно*! задулъ свѣчи, протянулся въ креслахъ и въ ту же минуту заснулъ глубокимъ сномъ.

Шутки и громкій смѣхъ молодаго Принца его разбудили.

*

Извѣстный Медикъ Ширакъ занемогъ опасною болѣзнію, отъ которой послѣ и умеръ. Въ безпамятствѣ схватилъ онъ себя за руку, пощупалъ пульсъ и сказалъ: я призванъ слишкомъ поздно! Пускали ль больному кровь? — Нѣтъ, отвѣчали ему. — Считайтежъ его мертвымъ! и онъ не ошибся.

*

Не подалеку отъ Ванчензы — разсказывалъ одинъ путешественникъ — нашелъ я такое эхо, которое девяносто девять разъ повторяетъ звуки. — „Не удивляюсь, отвѣчалъ ему одинъ изъ слушателей, скажу лучше: въ одной изъ деревень моихъ находится эхо, большаго примѣчанія достойное — всякой разъ, когда у него спрошу: *здорово ли ты, эхо?* оно отвѣчаетъ: *слава Богу, Баронъ!*

*

Знатный Англинскій Лордъ давалъ праздникъ. Во время обѣда поднялась гроза, молнія ударила прямо въ залу и вышибла серебряное блюдо изъ рукъ слуги. Посѣтители оцѣпенѣли, хозяинъ сидѣлъ спокойно, ѣлъ пуддингъ и сдавая тарелку сказалъ своему управителю: пожалуй не за-

будь напомнить мнѣ завтра по утру, что нужно поставить громовой отводъ.

*

Графъ Кенигсмаркъ, Шведской Посланникъ при Дворѣ Французскомъ, говоря на Шведскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь Королю, на самой половинѣ замѣшался, забылъ свою ролю; но сохранивъ присутствіе духа и не перемѣняя тона, продолжалъ съ низкими поклонами и выразительными жестами декламировать *Отче нашъ*, *Символъ вѣры*, *псальмы* и тому подобное. Всѣ слушали съ великимъ вниманіемъ; придворные удивлялись величественному виду, звучному голосу и смѣлости оратора; но бывшіе въ посольской свитѣ стояли потупивъ глаза, кусали губы и не смѣли взглянуть другъ на друга, едва удерживались отъ смѣха. Привѣтствіе натурально имѣло свое дѣйствіе и принято съ благосклонностію у Трона. —

*

Въ 1779 году, когда всѣ дружественныя сношенія между Австрійскимъ и Берлинскимъ Дворами пресѣклись и война готова была возгорѣться, отправляли въ Прусскій лагерь Барона Тугута съ особенными предложеніями, на которыя надлежало ему стараться склонить Фридриха. Король обошелся съ нимъ холодно, говорилъ, что не имѣетъ при себѣ ни одного

Министра, и что, наконецъ, матерія давно уже изтощена Графомъ Финкенштейномъ. Тугутъ не слушалъ его и продолжалъ витійствовать; вынулъ большой свертокъ бумагъ, связанный снуркомъ, развязалъ, началъ читать бумаги одну за другою, декламировалъ, размахивалъ руками и горячился. Король слушалъ очень спокойно, улыбался, отвѣчалъ и да и нѣтъ; наконецъ Баронъ Тугутъ замѣтилъ, что мало выигрывалъ своимъ краснорѣчіемъ, рѣшился откланяться и пошелъ вонъ. Будучи у дверей, слышитъ онъ за собою идущаго Короля и оборачивается въ надеждѣ, что Фридрихъ перемѣтилъ мысли. Что же? ..... Герой подаетъ ему забытый имъ снурокъ и говоритъ улыбаясь: Tenez, Mr. Thugut, je n'aime pas le bien d'autrui (возмите, господинъ Тугутъ, я не люблю присвоивать чужаго).

*

Одинъ Ученый, Докторъ Философіи, прохаживался по Люксанбургской алеѣ въ Парижѣ. Подходитъ къ нему человѣкъ, очень порядочно одѣтый, жметъ его руку и спрашиваетъ: узнали ли вы меня? — „Извините, государь мой, лице ваше мнѣ не знакомо!“ — Я купецъ изъ Лиля, гдѣ назадъ тому четыре года имѣлъ удовольствіе васъ видѣть. — „Быть можетъ! въ это время я точно былъ въ Лилѣ; но

васъ, по чести, не могу вспомнить" — Незнакомецъ вынулъ табакерку: прикажете ли, государь мой? —" Благодарю, я не нюхаю табаку!" — А прежде нюхали! — „Отвыкъ" — Удивительно, какъ могли вы меня забыть; мы кажется вмѣстѣ учились au College d'Harcour! подумайте хорошенько, не вспомните ли моего имени, а я на время васъ оставлю. Незнакомецъ уходитъ, минутъ черезъ десять возвращается, опять начинаетъ разговоръ и опять потчиваетъ табакомъ своего стариннаго пріятеля. — „Государь мой! еще разъ скажу вамъ, что я не нюхаю табаку." — Забылся, виноватъ! — Разговоръ продолжается съ живостію; наконецъ пріѣзжій изъ Лиля зоветъ Гна. Доктора къ себѣ на ужинъ; но Докторъ, не очень довѣряя привѣтствіямъ вновь открытаго друга, отговаривается учтиво, и примѣтивъ вдали двухъ женщинъ, своихъ пріятельницъ, идетъ къ нимъ, а незнакомецъ между тѣмъ скрывается. — Совсѣмъ не знаю, что это за человѣкъ — сказалъ Ученый, когда спросили у него, съ кѣмъ онъ говорилъ — быть можетъ какой нибудь endormeur! (*усыпитель* — такъ называли себя нѣкоторые мошенники въ Парижѣ); онъ потчивалъ меня табакомъ, но я остерегся, увѣривъ, что пересталъ его нюхать, а правду сказать, не-

давно купилъ прекрасную табакерку. — Покажите! покажите! — Ученый всунулъ руку въ карманъ, табакерка изчезла, на мѣстѣ ея находилась слѣдующая записка: „Г. Докторъ! когда вы не жалуете табаку, то не имѣете нужды и въ табакеркѣ!“

Новости.

Америка, въ которой недавно еще встрѣчались глазамъ однѣ торговыя колоніи Европы, скоро, быть можетъ, сравняется съ нею образованіемъ умственнымъ. Въ Филадельфіи открыта Академія Художествъ. Пятнадцатаго Апрѣля — день открытія — Президентъ, Георгъ Гламеръ, читалъ Разсужденіе о пользѣ *Изящныхъ Искуствъ*, ихъ дѣйствіи на совершенство общежитія и средствахъ распространить ихъ во всей Америкѣ. Зала засѣданія была украшена картинами и статуями работы извѣстнѣйшихъ Европейскихъ Художниковъ.

*

Въ Англіи умножаются училища глухихъ и нѣмыхъ: въ числѣ смотрителей находимъ и женщину, Мистрисъ Брайддвудъ. За нѣсколько лѣтъ съ удивленіемъ видѣли въ Лондонѣ подобный Институтъ, заведенный Дунканомъ Камбелемъ, глу-

химъ и нѣмымъ отъ рожденія: онъ могъ учить воспитанниковъ своихъ писать и складывать слова по пальцамъ.

*

Докторъ Скоттъ приготовилъ новое изданіе *Тысячи одной ночи*, Арабскихъ сказокъ, которыя перевелъ съ Арабскаго манускрипта, взятаго имъ изъ библіотеки господина Монтегю: многія новыя сказки не уступаютъ въ пріятности старымъ. Эта книга заслуживаетъ особенное вниманіе потому, что она представляетъ намъ самый сходный списокъ съ восточныхъ обычаевъ и нравовъ, по многимъ отношеніямъ для насъ привлекательныхъ.

*

Франція лишилась нѣкоторыхъ Писателей, достойныхъ уваженія по своимъ качествамъ и произведеніямъ ученымъ: *Шерона*, который прекрасно перевелъ *Томъ Жонса*, *Письма о воспитаніи Гжи. Гамильтонъ*, *Практическое воспитаніе Гжи. Эджевортъ*, и написалъ пріятную Комедію: *Лицемѣръ*, по плану извѣстнаго Шеридана — *Леженя*, переводчика Гомеровыхъ Поэмъ, и сочинителя нѣкоторыхъ хорошихъ моральныхъ книгъ, умершаго осмидесяти лѣтъ, и болѣе замѣтнаго по скромнымъ своимъ добродѣтелямъ, нежели по дарованіямъ Писателя — *Дот-*

тевиля, который перевелъ всего *Тацита* и *Саллюстія*, и умеръ девяноста двухъ лѣтъ, почти въ одно время съ Лежеемъ. — Извѣстный Комическій Писатель *Пикаръ* выбранъ Французскимъ Институтомъ на мѣсто умершаго *Дюра-де Ламаля*, который прославилъ себя прекраснымъ и близкимъ переводомъ Тацита.

*

Новая Поэма извѣстнаго Эвариста Парни, котораго Элегіи можно назвать *единственными*, les Rose-Croix, *Крестъ и Роза* (Рыцарскій орденъ), обратила на себя глаза Французскихъ Литтераторовъ и охотниковъ до стихотворства — слѣдовательно большей части Французовъ. Критика, отдавая справедливость прекраснымъ, гармоническимъ стихамъ Поэта, замѣчаетъ въ баснѣ его Поэмы — недостатокъ привлекательнаго, въ расположеніи — запутанность и безпорядокъ, въ характерахъ — однообразіе, въ слогѣ — темноту и сухость, которыхъ причину находитъ въ неестественномъ усиліи Автора выражаться кратко. Содержаніе Поэмы есть нападеніе Датчанъ, предводимыхъ Гарольдомъ, на берега Англіи. Гарольдъ, влюбленный въ Изору, любимицу Эльфриды Англійской Королевы, побѣждаетъ полководцевъ послѣдней, беретъ при-

ступомъ Лондонъ; въ то самое время, какъ дочь его Озла, предводительница одной части Датскаго войска, любимая Карломъ, Французскимъ Рыцаремъ при Дворѣ Эльфриды, побѣждена: миръ прекращаетъ войну, Королева даетъ Гарольду западную Англїю и руку Изоры; мужественный Карлъ получаетъ прекрасную Озлу; еще двѣ или три свадьбы, и конецъ Поэмѣ. При всѣхъ ея недостаткахъ, читатель не рѣдко съ удовольствїемъ находитъ въ ней гармоническаго пѣвца Элеоноры — имя той женщины (вымышленное или настоящее), которой обязаны мы привлекательными Элегїями Парни. Нѣкоторые эпизоды, картины и описанїя прекрасны. Эта Поэма написана въ короткое время, и стихотворецъ еще во всей силѣ жизни. Можемъ надѣяться — говорятъ Французскїе Критики — что скоро будемъ имѣть такую Поэму, которую не стыдясь поставимъ на ряду съ Арїостовымъ Orlando furioso.

*

Вотъ новости: Гжа. Сталь, сочинительница Дельфины, опять приступаетъ къ законному браку. — Докторъ Галь даетъ въ Парижѣ уроки о Черепословїи; Французы бѣгаютъ толпами ихъ слушать, и пишутъ на учителя эпиграммы; Журналисты надъ нимъ смѣются, а грозный Мерсье

сражается съ нимъ не на животъ, а на смерть: онъ непремѣнно требуетъ, чтобъ форма человѣческаго черепа, которую защищаетъ Докторъ Галь, уступила формѣ человѣческой ноги, которой онъ объявилъ себя Протекторомъ. Еще не извѣстно, кому достанется вѣнокъ побѣды.

XII.

Изъясненіе картинки.

Судьба управляетъ теченіемъ жизни, очарованной привлекательными, но тщетными мечтами — вотъ содержаніе аллегорической картины Французскаго живописца Караффа, которая заслужила общее одобреніе знатоковъ въ Парижѣ. Достоинства ея: простота расположенія, живость красокъ, искусная смѣсь тѣни и свѣта (clair-obſcur), выразительный характеръ лицъ, и — главное — совершенное согласіе аллегорическаго образа съ тою мыслію, для которой онъ, такъ сказать, служитъ наружною, *видимою* формою. Эта картина пріятна и потому, что въ ней *находишь*, и потому, что *прибавляешь* къ ней воображеніемъ. Юная, беззаботная, погруженная въ дремоту Жизнь

плыветъ на легкомъ суднѣ по неизвѣстнымъ водамъ; Судьба, въ видѣ старика, сидитъ на кормѣ, правитъ весломъ и держитъ парусъ, надутый попутнымъ вѣтромъ; Время, другой старикъ, задумчивый, мрачный, съ неподвижными крылами, съ поникшимъ, неотвратимо устремленнымъ на роковые часы взоромъ, обвитый змеею (эмблема вѣчности), сидитъ у мачты и считаетъ падающія песчинки — привлекательная, возбуждающая меланхолическія мысли картина! Смотря на прелестную Жизнь, которая такъ безпечно лежитъ на краю бездны, спрашиваешь, *откуда* и *куда* влекутъ ее сіи два таинственные старца? Легкая ладія со всѣхъ сторонъ окружена мракомъ; блѣдный лучь, лїющїйся изъ промежутка облаковъ, не *свѣтитъ на пути*, а только озаряетъ прозрачный парусъ, на которомъ мелькаютъ магическїе призраки; единый только неявственный блескъ ихъ и *изрѣдка* меланхолическїй образъ Времени замѣтны для взора путницы, обремененнаго сумракомъ дремоты: но бездна, въ которую половина одежды ея уже погрузилась; но старецъ, у ногъ котораго она простерта, который, смотря на нее изъ подъ таинственной повязки, одинъ, *назади*, всѣмъ управляетъ; но ломкость ладіи, но ужасъ

окрестнаго мрака: она ихъ не видитъ; ея спокойствіе въ незнаніи; *однѣ привидѣнія*, развѣваемыя въ глазахъ ея дыханіемъ вѣтерка, для нее существуютъ! Обманутая волшебнымъ сномъ, она мечтаетъ, что *сама, произвольно* за ними стремится; ее веселитъ надежда, сладкая надежда ихъ настигнуть — надежда, иногда возмущаемая грознымъ присутствіемъ Времени. На парусѣ, который не весь еще разпустился, легкіе призраки *смѣняются* одинъ другимъ: призракъ любви уступаетъ уже призраку фортуны — какой послѣдуетъ за ними? Но можетъ быть непостоянныя облака сольются, сопутствующій лучь и съ нимъ милыя, обманчивыя мечты угаснутъ! быть можетъ подымется вихрь, ладія не погибнетъ, но тонкій парусъ сорвется его порывомъ! Что озаритъ тогда печальную мрачность? И гдѣ сія неизвѣстная пристань, къ которой рано или поздо ладія примчится? Быть можетъ близко — стрегущій подъ волнами утесъ: въ него ударится ладія и разлетится въ прахъ! быть можетъ въ дали!.... Таинственный кормщикъ ихъ *видитъ*, но онъ молчитъ и правитъ неутомимо кормою. Наступитъ время, когда онъ самъ, переломивъ весло и сбросивъ съ головы повязку, торжественно

скажетъ: *путница, пробудись!* когда унылый, неподвижный товарищъ его незапно возстанетъ съ мѣста, разобьетъ часы, накинетъ на нее свой очарованный поясъ и улетитъ — тогда разсѣется непроницаемая мгла! изумленная увидитъ какимъ путемъ, на какомъ легкомъ челнокѣ, къ какому брегу пристала; увидитъ, *лицемъ къ лицу* Невѣдомаго Правителя ладїи; будетъ искать глазами оныхъ призраковъ, которыми такъ беззаботно плѣнялась, и глазамъ ея, при новомъ, яркомъ свѣтѣ, представится одинъ бѣлый парусъ, на которомъ уже все невидимою рукою изглажено.

ПОЛИТИКА.

XIII.

Судьба Коленгагена.

(*Письмо очевидца*)

Какъ можно было думать, чтобы и Данія — миролюбивая Данія, которая своимъ положеніемъ была отдѣлена отъ страшнаго театра государственныхъ измѣненій, поколебавшихъ Европу, которая осталась спокойна и тогда, когда соединенныя власти грозили уничтожить Францію, *разтерзанную* междоусобіями, и тогда, когда *побѣдоносная* Франція успѣхами оружія пріобрѣла необычайное могущество, которая въ тишинѣ процвѣтала подъ скипетромъ благодѣтельнаго Монарха — какъ можно было думать, чтобы и Данія не избѣжала ужасовъ разрушительной войны, ознаменовавшей достопамятное теченіе 1807 года! И въ комъ, о Праведный Боже! нашла она врага? — Въ томъ Государѣ, съ которымъ соединена была святымъ и древнимъ союзомъ; въ той націи, которая передъ цѣлымъ свѣтомъ гордилась титломъ защитницы правъ уничиженнаго

человѣчества, которая именовала себя ужасомъ похитителей и мстительницею за оскорбленное величїе Престоловъ. — И что же причиною возмутительнаго поступка Англїи? — Нарушенїе неутралитета? Ни мало! Данїя хранила его свято! — Подозрительныя, тайныя связи? Извѣстенъ смѣлый отвѣтъ ея сильной Державѣ: *лучше погибнуть съ честїю, нежели отступить отъ строгихъ обязанностей неутральной Державы!* — Быть можетъ воинственныя вооруженїя? Но войска ея находились въ Голштинїи, корабли военные у береговъ, купеческїе свободно плавали по отдаленнымъ морямъ. И вдругъ, подобно разбойнику ночному. . . Но пусть искуснѣйшее перо изображаетъ въ настоящемъ видѣ сїе нападенїе грабителей! мое дѣло говорить только о томъ, что происходило у меня передъ глазами — описывать вѣрно тѣ произшествїя, которыхъ я самъ, по нещастїю, былъ свидѣтелемъ.

Въ послѣднихъ числахъ Іюля получили мы въ Копенгагенѣ извѣстїе, что Англїйскїя войска, назначенныя въ Шведскую Померанїю, оставили уже берега Англїи; перваго Августа оно подтвердилось, дни черезъ два передовые корабли Англїйскаго флота бросили

якорь по близости Кронбурга, и въ то же время разнесся слухъ, что нѣкоторые другіе прошли черезъ большой Бельтъ и еще многіе слѣдовали за ними близко. Корабли, равняясь съ крѣпостями, *въ знакъ дружбы*, стрѣляли изъ пушекъ, и съ бастіоновъ отвѣчали имъ одинакимъ числомъ выстрѣловъ; флотъ, котораго направленіе и цѣль были извѣстны, безъ всякаго препятствія остановился у Гельзиньора, для закупки свѣжаго мяса и другихъ необходимыхъ потребностей, нарочно въ великомъ изобиліи на берегъ привезенныхъ. До самаго 12 числа Августа — въ которое нашъ дѣятельный Кронпринцъ съ быстротою молніи прилетѣлъ изъ Голштиніи въ Копенгагенъ, дабы привесть его въ состояніе обороны при случаѣ неожиданнаго нападенія — никто не подозрѣвалъ, чтобы Англійскій флотъ, который безпрестанно усиливался передъ Зундомъ, имѣлъ въ виду что-нибудь непріязненное и скоро не отплылъ къ берегамъ Помераніи; и въ этотъ день унизительное требованіе, которое старались оправдать причинами еще болѣе унизительными, требованіе отдать Кронбургъ и Дацкій флотъ на произволъ Англіи до заключенія общаго мира, сдѣлано почти въ одно время съ нападеніемъ. Не нужно сказывать, какъ скоро и какой послѣдовалъ отвѣтъ.

Къ нещастїю на островѣ не было войска, на бастїонахъ пушекъ, морскїя укрѣпленїя были не въ готовности; но вѣрно никогда и нигдѣ съ такою живостїю, въ такое короткое время, не было сдѣлано такихъ чрезвычайныхъ усилїй для отраженїя внезапнаго удара непрїятелей. Все взволновалось: никакое состоянїе, никакїя лѣта не были изключены изъ общей дѣятельности. Каждый по силамъ и средствамъ спѣшилъ помочь угрожаемымъ мѣстамъ города. Первое отдѣленїе гражданской милицїи, давно уже учрежденной, разположилось на крѣпостномъ валѣ; другое, составленное и вооруженное въ одну минуту, послѣдовало за первымъ. Вольный егерьскїй корпусъ съ малымъ количествомъ регулярнаго войска, въ то время находившагося въ Копенгагенѣ, всего на-все не болѣе 3000 человѣкъ, готовы были по первому знаку занять передовые посты внѣ города. Студенты, предводимые Каммергеромъ и Обергофмаршаломъ Гаухомъ, сняли на себя, съ позволенїя Кронпринца, караулъ внутри и въ нѣкоторой части укрѣпленїй. Чиновники и знатные граждане обязались помогать служителямъ Полицїи въ надзорѣ за порядкомъ и взяли на свой отчетъ пожарныя трубы. Составились общества для продовольствїя города съѣстными припасами въ случаѣ осады, для

доставленія провіанта военнымъ и вооружившимся гражданамъ, для призору и цѣленія раненыхъ; публичные арсеналы открыты; пушки взвезены на бастіоны; морскія силы въ скорѣйшемъ времени приведены въ состояніе дѣйствовать; приготовлено множество канонирныхъ и бомбардирныхъ шлюбокъ; недостающее число солдатъ набрано изъ охотниковъ, которые сбѣгались толпами и записывались добровольно; изъ мѣлкихъ военныхъ судовъ составлена оборонительная линія; морская батарея и замокъ, твердая защита города, наполнены потребнымъ числомъ войска, снабжены военнымъ запасомъ и провіантомъ. Августа 16го началась атака — передовая часть Англійскаго флота ударила на сѣверныя укрѣпленія города, но встрѣчена и отбита нашими канонирными судами; каждый день нападенія возобновлялись, и безъ успѣха. Непріятель, отражаемый нашею линіею, преслѣдуемый канонирными судами, съ потерею войска и кораблей, возвращался на прежнее мѣсто, куда не досягали наши ядра. Опасаясь ужасныхъ батарей, онъ не отваживался напасть на всю линію, но — зная, сколь мало имѣли мы сухопутнаго войска — высадилъ на берегъ многочисленный корпусъ и льстивою прокламаціею, въ которой

оправдывалъ свои поступки, старался обмануть и преклонить на свою сторону обитателей Зеланда. Скоро замѣтили, что онъ хотѣлъ со всѣхъ сторонъ запереть городъ, и дѣлалъ приготовленія къ приступу. Съ неописанною дѣятельностію старались уничтожить его предпріятія: прекрасныя Копенгагенскія предмѣстія выжены; древнія алеи, которыя со всѣхъ сторонъ окружали городъ и могли препятствовать наблюденію за дѣйствіями непріятеля, срублены; сильными, почти ежедневными вылазками, старались выгонять его изъ окоповъ, препятствовать заложенію новыхъ батарей и приготовленныя разбрасывать! Но что могли значить усилія нѣсколькихъ сотъ неустрашимыхъ, которыхъ окружало тридцати-тысячное войско, съ излишествомъ снабженное всѣми средствами осады? Съ крѣпости бастіоновъ безпрестанно стрѣляли изъ пушекъ, но малое число убитыхъ шанцовыхъ работниковъ было въ то же мгновеніе замѣняемо большимъ. При недостаткѣ войска, самыя отчаянныя вылазки могли только затруднить, а не уничтожить работы непріятеля: онъ дѣйствовалъ неутомимо, не смотря на самыя сильныя препятствія, и наконецъ укрѣпился въ своихъ положеніяхъ. Нѣсколько разъ возобновлялось безуспѣшное требованіе здать городъ и выдать флотъ:

наконецъ наступилъ ужасный день, пятое число Сентября — новое требованіе съ угрозою бомбардировать городъ въ случаѣ отказа; оно отринуто, и въ семь часовъ вечера открылась съ трехъ сторонъ ужасная канонада, брошено множество бомбъ, смерть и разрушеніе разпространились въ самой срединѣ города. Разрываемыя гранаты и бомбы страшнымъ образомъ озаряли сумрачное небо; городъ во многихъ мѣстахъ загорался; но заливныя трубы дѣйствовали сильно и скоро тушили пожаръ. Передъ утромъ вспыхнулъ огромный магазинъ съ сѣномъ, одна половина его сгорѣла, другая спасена; во весь тотъ день бросали гораздо менѣе бомбъ, за то происходила жестокая перестрѣлка между крѣпостными и непріятельскими батареями. Около вечера одна непріятельская колонна приближилась къ предмѣстію города и хотѣла укрѣпиться близь самаго мосту; но сильнымъ пушечнымъ громомъ принудили ее отступить, и на зарѣ непріятельскія мортиры начали дѣйствовать снова, хотя съ меньшею противъ прежняго силою, за то безпрестанно; канонада продолжалась цѣлый день, и около полудни загорѣлся, отъ множества каленыхъ ядръ, строевой лѣсъ, которой складенъ былъ въ стопы, внѣ города, у самаго южнаго въѣзда: это принудило одну изъ нашихъ

батарей податься назадъ, и не смотря на дѣятельное усилїе Полицїи, на ревностное пособїе находившихся въ томъ мѣстѣ егерей, пожаръ усилился чрезвычайно, множество человѣкъ погибло въ огнѣ, большая часть заливныхъ трубъ изпорчены ядрами; наконецъ принуждены были оставить это мѣсто въ добычу пламени и заботиться единственно о томъ, какъ бы сохранить внутреннюю часть города и близкой къ тому мѣсту запасъ дровъ отъ страшнаго, окрестъ разливающагося пожара!

Наступилъ третїй вечеръ — новая канонада, несравненно сильнѣе первой! бомбы, каленыя ядра, брандкугели, ракеты (ужасное изобрѣтенїе Конгрева) сыпались съ десяти сторонъ; воздухъ былъ влаженъ и густъ, и небо казалось багровымъ отъ страшнаго пожарнаго пламени, блеска ракетъ и бомбъ; вдругъ на сѣверозападѣ увидѣли огромный столбъ огня! съ остаткомъ уцѣлѣвшихъ трубъ кинулись спасать городъ — напрасно! свирѣпствовалъ жестокїй, порывистый вѣтеръ, а люди были утомлены, главные чиновники ранены или убиты. Между тѣмъ непрїятель направлялъ свои гранаты и бомбы прямо на мѣсто пожара: бомба за бомбою, иногда семь, восемь и десять разомъ падали въ средину обширнаго пламени и раз-

рывались; трубы всѣ до одной были изпорчены; лошади, люди изувѣчены или убиты; цѣлыя улицы пылали. Въ самую полночь загорѣлась прекрасная городская башня: черезъ нѣсколько часовъ она обрушилась и, къ щастїю, сама на себя! Непрїятельскїя батареи не переставали гремѣть; въ десяти другихъ мѣстахъ начинался пожаръ, но, благодаря мужественному присутствїю духа гражданъ и съ помощїю нѣсколькихъ запасныхъ заливныхъ трубъ, свирѣпство его не разпространилось.

Такъ наступило утро перваго Сентября. Съ обѣихъ сторонъ умолкли громы орудїй; но пламя, которое восходило столбомъ, ужаснымъ образомъ сливалось съ блѣдною, тихо занимающеюся зарею, и тысячи уже не встрѣчали ее — невинныя жертвы протекшей, гибельной ночи! Тутъ Копенгагенскїе граждане, которымъ до того времени не позволено было отлучаться отъ крѣпостнаго вала и оставлять орудїй, пошли на пепелъ своихъ домовъ, искать остатка дѣтей и женъ! Какое зрѣлище приготовлено было для многихъ! для многихъ, которые на канунѣ имѣли домъ и семейство, теперь нашли одну дымящуюся груду пепла и на ней сожженныхъ, раздавленныхъ, умирающихъ или мертвыхъ супругъ и чадъ!.... Ужасно! хотя описываю

одну истину. Около осьми часовъ утра пальба совершенно унялась; но сѣверная часть города вся пылала, не было возможности тушить, надлежало думать о томъ, какъ бы воспрепятствовать распространенїю пожара: принуждены были сломать нѣсколько домовъ. Слѣдующїй день прошелъ спокойно, изрѣдка раздавались выстрѣлы, около вечера слухи о переговорахъ разнеслись въ народѣ; въ восемь часовъ четыре сильные выстрѣла одинъ за другимъ встревожили гражданъ: думали, что снова начнутъ бросать бомбы и ракеты, но все опять утихло! Небо, какъ и на канунѣ, казалось разкаленнымъ; багровыя, пламенныя облака по немъ бродили!

Въ два часа ночи ходилъ я на мѣсто пожара: грозная тишина, временно прерываемая паденїемъ домовъ, приводила меня въ трепетъ. Многїя улицы представляли одну дымящуюся кучу пепла; въ иныхъ мѣстахъ не было взято никакой мѣры для потушенїя огня: все казалось пустымъ и мертвымъ; въ другихъ жестокое пламя побѣждало самыя дѣятельныя усилїя. Тамъ и здѣсь попадались бочки съ водою — пособїе слишкомъ ненадежное: люди были изнурены, а лошади едва передвигали ноги. Я возвратился

домой съ горестнымъ сердцемъ, будучи крайне утомленъ и имѣя нужду въ покоѣ. Весь слѣдующій день пожаръ не унимался; но къ вечеру, отъ сильнаго дождя и новыхъ пособій со стороны гражданъ, утихъ. Начались переговоры о сдачѣ, и седьмаго числа капитуляція подписана: положено отдать и флотъ, и верьхи, и замокъ на расположеніе непріятеля, который съ своей стороны обязался черезъ шесть недѣль очистить занятыя имъ мѣста и удалиться отъ береговъ Зеланда. Самъ городъ, въ силу договора, оставленъ свободнымъ; ни одинъ Англичанинъ не могъ входить въ него безъ особеннаго дозволенія и оставаться въ немъ далѣе того времени, въ которое обыкновенно запираютъ ворота. — И такъ Правительство Англіи достигло своего предмета? Сомнѣваюсь! думать надобно, что неожиданное упорство Даніи и бѣгство Короля, которой подъ покровительствомъ смѣлаго нашего Крон-Принца, въ виду судовъ непріятельскихъ, такъ щастливо переплылъ изъ Зеланда въ Голштинію, совершенно разрушили ея надежды, ея обширные, коварно устроенные планы. Благодареніе Промыслу! врагамъ нашимъ не удалось захватить Монарха Даніи въ его столицѣ! не удалось насильственнымъ образомъ предписать ему

невольническаго съ ними союза, въ залогъ котораго надлежалобы уступить имъ флотъ, предать свою Резиденцїю и крѣпкїй Зундъ ихъ войскамъ, и островъ Зеландъ обратить въ ихъ сборное мѣсто, съ котораго самовластно предписывали бы они законы Балтїйскому морю тогда, какъ самая Данїя обратилась бы въ театръ кровопролитїя и бѣдствїй военныхъ. Теперь сама Британнїя соединяетъ насъ съ своими врагами; быть можетъ мгновенный ея успѣхъ обратится ей во вредъ, единственный, послѣднїй союзникъ ея постраждетъ, и пламя войны разольется по всему Сѣверу! —

Обширность потери нашей еще неизвѣстна, но разоренїя, приключенныя пожаромъ, приводятъ въ ужасъ: 305 домовъ, церковь Богоматери, многїя публичныя зданїя, Университетъ съ библїотекою, кабинетомъ и собранїями рѣдкостей обращены въ пепелъ. Почти ни одинъ домъ не остался неповрежденнымъ; большая часть прекрасныхъ предмѣстїй ничто иное, какъ страшная груда развалинъ; но все уступаетъ невѣроятнымъ опустошенїямъ на верьфяхъ, ввѣренныхъ честности непрїятеля: чего не могли заграбить, то истреблено, сожжено, или изпорчено; частныя имущества, вопреки условїямъ, раз-

хищены; всѣ недостроенные корабли изломаны съ помощію машинъ, разпилены, изрублены въ щепы. Королевскій потѣшный фрегатъ, нѣкогда присланный въ подарокъ отъ Англійскаго Короля, ограбленъ; бывшіе на немъ богатые ковры, зеркала, занавѣски, обои сорваны — всякой день приходили къ намъ новыя извѣстія о насильственныхъ поступкахъ великодушныхъ Британцевъ: долго, долго не изгладятся слѣды ихъ на островѣ Зеландѣ!

Наконецъ они оставили берега его! ..... Но какъ возвратятся въ свою отчизну? Конечно не въ видѣ завоевателей, съ трофеями побѣды славной! Съ поникшими отъ стыда очами встрѣтитъ сыновъ своихъ Британія; съ уныніемъ безпокойной совѣсти сокроютъ они въ своихъ гаваняхъ чужое имущество, захваченное разбоемъ; не будутъ привѣтствовать ихъ торжественныя восклицанія; грабежъ ихъ не освятится хвалебнымъ, благодарственнымъ гимномъ, и съ трепетомъ будутъ ожидать возмездія — возмездія близкаго и неизбѣжнаго!

(Изъ Нѣм. Журнала.)

XIV.

Обозрѣніе прошедшаго года.

Ужасная распря двухъ сильныхъ народовъ; битвы на моряхъ; достопамятный миръ; явленіе новыхъ Королевствъ; незапное потрясеніе нѣкоторыхъ троновъ — вотъ происшествія, случившіяся въ теченіе 1807 года.

Щастіе, чудесно постоянное; быстрота; мужество, одушевленное алчностію завоеваній; быть можетъ ошибки военачальниковъ Прусскихъ, покорили въ нѣсколько дней всю западную Пруссію оружію Наполеона; крѣпости, казавшіяся неприступными, Штеттинъ, Кистринъ, Шпандау и Магдебургъ взяты; наконецъ многочисленное войско его, предводимое искусными Генералами, съ ужасною артиллеріею, остановилось передъ границами Россіи: на берегахъ Вислы явились отдаленные народы Франціи. Тогда глазамъ Европы представилось необычайное зрѣлище: борьба двухъ націй, вооруженныхъ одна честолюбіемъ, другая патріотизмомъ! Обстоятельства сей достопамятной войны извѣстны: кровопролитныя битвы при Пультускѣ, Эйлау и Гейльсбергѣ никогда не изгладятся изъ памяти Французовъ, и до-

казали Европѣ, что побѣдители ея не всегда и не вездѣ торжествуютъ! Фридландское сраженіе, которое имѣло слѣдствія благодѣтельныя, ибо оно произвело миръ, подвинуло назадъ ополченія Россіи, и на равнинахъ Тильзита, гдѣ оба войска — Россійское, подкрѣпленное новымъ и горѣвшее желаніемъ сразиться, Французское, воспламененное мгновеннымъ успѣхомъ — вступили бы наконецъ въ рѣшительный бой, соперничество незапно обратилось въ дружбу и кровопролитіе прекращено миромъ: свиданіе АЛЕКСАНДРА и Наполеона на водахъ Неменя рѣшило судьбу войны и Европы. „Зрѣлище великое! — такъ говоритъ Французскій ораторъ Фонтанъ — двѣ мирныя ладіи несутъ двухъ Императоровъ и съ ними жребій свѣта! Минута единственная въ лѣтописяхъ вѣковъ: два грозныя воинства, одно въ виду другаго, безмолвныя на берегахъ Неменя, изумлены свиданіемъ толь мирнымъ послѣ сраженій толь кровопролитныхъ, и вдругъ — 400,000 солдатъ, Италіанецъ и Тевтонъ, Батавецъ и Сарматъ, Славянинъ и Французъ, бросаютъ оружіе, какъ скоро два первые Монарха во вселенной сближаются на волнахъ рѣки для мирной бесѣды о судьбѣ Имперій, и въ залогъ примиренія подаютъ другъ другу

руку! АЛЕКСАНДРЪ и Наполеонъ друзья, сраженія утихли, милїоны въ покоѣ!"

Тильзитскимъ миромъ произведены важныя перемѣны въ политическомъ образованіи Европы. Россія, которая имѣла въ виду единую защиту своихъ предѣловъ, единую славу хранительницы народовъ, великодушно отказалась отъ пріобрѣтеній новыхъ: довольная своимъ могуществомъ, она поддержала умоляющую Пруссію въ паденіи. — Прусскій Король, сказалъ Наполеонъ, долженъ благодарить АЛЕКСАНДРУ за то, что онъ еще на тронѣ! Пруссія, въ слѣдствіе Тильзитскаго мира, потеряла половину своихъ владѣній; образовались: новое Королевство Саксонія съ присоединеннымъ къ нему новымъ Герцогствомъ Варшавскимъ, и новое Королевство Вестфалія, котораго владѣтелемъ наименованъ Іеронимъ-Наполеонъ; Короли: Неаполитанскій Іосифъ и Голландскій Людовикъ признаны; Рейнской союзъ утвержденъ! —

Почти всѣ Европейскія Державы болѣе или менѣе потрясены войною на Сѣверѣ. Англія участвовала въ ней одними обѣщаніями пособій, которыхъ не исполнила и — не хотѣла исполнить. Въ то

время, когда рѣшительнымъ своимъ содѣйствіемъ могла бы она произвести толь важную перемѣну въ обстоятельствахъ военныхъ на твердой землѣ, въ виду ея были одни завоеванія, выгоды собственныя, отдѣльныя; но планы корыстолюбивой политики ея Министровъ не имѣли успѣшнаго исполненія! флотъ ея на Средиземномъ морѣ, ввѣренный Дукворту, прорвавшись сквозь Дарданеллы, являлся передъ стѣнами Сераля и нѣсколько разъ приводилъ въ ужасъ Константинополь: смѣлые подвиги, ничтожные по своимъ слѣдствіямъ; войска ея высажены въ Египетъ: но ихъ минутные успѣхи изглажены неудачами; въ Америкѣ потеряла она Буэносъ-Айресъ, и теперь въ разрывѣ съ соединенными Американскими областями; наконецъ осадою Копенгагена и похищеніемъ Дацкаго флота вооружила противъ себя негодованіе народовъ: Европейскія пристани затворились для кораблей Британскихъ! Европа, вездѣ почти успокоенная внутри, окинута извнѣ страшными арміями; отъ устья Невы до устья Тага берега осыпаны войсками, готовыми отразить покушенія Англіи. — Швеція принимала дѣятельное, но вредное для нее участіе въ войнѣ прошедшаго года: она потеряла Померанію, островъ Рюгенъ и всѣ острова

у береговъ Бальтїйскаго моря. Смѣлый Густавъ, который характеромъ своимъ напоминаетъ о непоколебимомъ Карлѣ, соперникѣ ПЕТРА, возвратился во внутренность Швецїи: еще не рѣшено, покорится ли онъ грозному духу Наполеона и пользѣ отечества пожертвуетъ негодованїемъ личнымъ, или упорно, въ союзѣ съ Англїею, неустрашимостїю осмѣлится отражать могущество и фортуну. — Данїя, хранившая строгїй неутралитетъ, незапно сдѣлалась жертвою вѣроломства Англичанъ и собственнаго безсилїя! Примѣръ ея снова доказалъ, что слабое Государство не можетъ и не должно остаться неутральнымъ, когда могущїя вокругъ него враждуютъ. Теперь заключенъ между ею и Францїею наступательный и оборонительный союзъ — поздная предосторожность! корабли ея уже въ пристаняхъ Британнїи. — Испанїя принуждена была покориться увлекающему потоку Францїи: войска ея съ удивленїемъ видѣли тѣ страны, которыя извѣстны имъ были единственно по слухамъ. — Южная Италїя принужденно сносила иго Французской власти. Филипсталь, храбрый защитникъ Гайэтты, являлся на берегахъ Неаполя съ 7000 Сицилїйскихъ войскъ: они погибли! Жребїи Неаполя рѣшился, пре-

ыголъ Фердинанда, по видимому, навсегда разрушенъ. . . уже готовятъ корабль, на которомъ онъ долженъ отплыть отъ береговъ Сициліи въ Мальту. Республика семи островъ подвластна теперь Іосифу-Наполеону; Рагуза причислена къ Италіанскому Королевству. — Имперія Оттоманская, въ теченіе минувшаго года, колебалась безпрестанно, и теперь еще потрясенія не прекратились: на сушѣ Россійская армія и Черный Георгъ, на водахъ грозные флоты Синявина и Дукворта разрушали ея воинскія силы; Селимъ, лишенный престола, заключенъ въ Сераль, и пылкій Мустафа, по волѣ бунтующихъ янычаръ, заступилъ опасное его мѣсто. — Австрійская Имперія пребывала спокойною зрительницею кровопролитій и политическихъ измѣненій въ Европѣ: теперь, по договору съ Императоромъ Франціи, берега ея заградились для кораблей Британскихъ.

Въ сію минуту вниманіе Политика должно обратиться отъ сѣверныхъ предѣловъ Европы къ южнымъ: тамъ скоро новыя зрѣлища представятся его взорамъ. Не успѣли ужасныя ополченія оставить береговъ Одера и Вислы, какъ новыя и столь же ужасныя стремятся на берега Тибра и Тага, и скоро, быть можетъ, самая древняя Гре-

цїя увидитъ на поляхъ своихъ Французскїе легїоны. Три сильныя армїи назначены во внутренность Испанїи: устрашенная Португаллїя запираетъ свои пристани для кораблей Британскихъ; но сохранитъ ли такою покорностїю Браганцкїй Домъ свою корону?.... тайна, открытая одному Императору Французовъ! Испанїя, для которой конецъ 1807 года замѣтенъ произшествїемъ необычайнымъ, заговоромъ наслѣдника престола, возмущенїемъ сына противъ отца, неизъяснимаго еще въ своихъ причинахъ, Испанїя прекратила сообщенїе съ Гибралтарскимъ утесомъ, и мужественный Сиръ Сидней Шмитъ летитъ къ нему съ кораблями и войскомъ: новый Филипсталь для новой Гайэты! Наполеонъ въ Италїи; Король Іосифъ, Сенаторъ Люцїанъ и Папа спѣшатъ къ нему въ Миланъ — какїя слѣдствїя должно имѣть сїе таинственное свиданїе? Быть можетъ, новые перевороты приготовлены для Италїи: многочисленныя войска наводнили Неаполь, Этрурїю и Область Церковную; въ пристани Венецїанской съ великою поспѣшностїю вооружаютъ военные корабли; высадка угрожаетъ Сицилїи, послѣднему прибѣжищу Фердинанда. Уже предсказываютъ, что Вицерой Италїйской наименованъ будетъ Королемъ Адрїатическимъ,

а Люціанъ, который доселѣ ограничивалъ себя свободою жизни частной, Королемъ Латинскимъ. И такъ Намѣстникъ Святаго Петра откажется отъ владѣній свѣтскихъ, и будетъ довольствоваться однимъ духовнымъ! и такъ владычество Папы стѣснится опять въ тѣ малые предѣлы, въ которыхъ заключалось оно до славной династіи Карловинговъ: времена перемѣнились! тогда благословеніемъ Стефана Пипинъ укорененъ на тронѣ Меровея, теперь фортуна и сила предпріимчиваго духа, безъ помощи Пія, возвели Наполеона на престолъ Капетовъ, и присутствіемъ Іерарха только *украсилось* вѣнчаніе Императора: бывшіе Папы не нужно для властолюбія, и скоро узнаемъ рѣшительный жребій Рима. Между тѣмъ сто тысячь Французовъ занимаютъ Истрію и Далмацію; Прозоровскій въ Ясахъ; Дуквортъ съ двадцатью осмью кораблями грозитъ Дарданелламъ. Какая судьба назначена Оттоманамъ? Быть можетъ настало то время, въ которое должна возродиться Греція, и власть народовъ Востока навѣки разрушится въ Европѣ! Тысяча восемь сотъ осьмый годъ будетъ развязкою великой Драммы!

Смотря на всѣ сіи измѣненія, на гибель и рожденіе троновъ, на брань воз-

пламенившую моря и сушу, спрашиваемъ: какого жребія должна ожидать Европа? На сѣверѣ твердой земли война утихла, на югѣ утихнетъ, и скоро: Французскіе полки не сражаясь займутъ Португалію и Сицилію, и крѣпкія Гибральтарскія твердыни, вѣроятно, не выдержатъ совокупнаго удара двухъ сильныхъ ополченій. Турція . . . . но истощенная сила ея отразитъ ли могущество АЛЕКСАНДРА, соединенное съ могуществомъ Наполеона? и Англія, съ своимъ хищнымъ флотомъ, Англія, которая вооружила противъ себя и старый и новый Свѣтъ, не предпочтетъ ли наконецъ благодѣяній мира, необходимаго для самой ея торговли, разрушительной войнѣ, которой слѣдствія всегда непредвидимы и страшны?

Такъ! осмѣлимся надѣяться скораго мира. Единымъ миромъ, постояннымъ и твердымъ, котораго народы ожидаютъ отъ трехъ великихъ Монарховъ; АЛЕКСАНДРА, Георга и Наполеона, быть можетъ возвращено Европѣ древнее благоденство ея, уничтоженное войною. Но АЛЕКСАНДРЪ никогда не нарушитъ тишины: мечты властолюбія несовмѣстны съ кротостію души благотворной. Стремленіе Англіи пріобрѣсть единоцарствіе на моряхъ можетъ быть столь же раз-

рушительно для блага націй, какъ и стремленіе Франціи укоренить единоцарствіе на землѣ: но отъ перваго уменьшатся или погибнутъ одни народныя богатства; послѣднее погубитъ самые народы; ихъ силу, высокость, свободу, характеръ, нравы! И такъ могущество Наполеона должно рѣшить: скоро великая тайна его откроется цѣлому міру; скоро узнаемъ, для чего искалъ онъ Генрихова престола! Естьли въ душѣ его существуетъ одна обыкновенная мысль, принадлежащая и Тамерланамъ и Атиламъ: быть *страшнымъ*, чертами крови писать законы для Царей и Царствъ, *владычествовать* не заботясь о томъ, благоденствуютъ ли народы, или страждутъ — тогда спокойствіе Европы есть мечта, всѣ сіи новые Короли не иное что, какъ военачальники Наполеона и ихъ народы игралище замысловъ честолюбивыхъ; науки, искуства, промышленность должны угаснуть; въ Европѣ возобновятся явленія четвертаго и пятаго вѣковъ: борьба немногихъ притѣснителей, вооруженныхъ жестокостію и силою, со множествомъ притѣсненныхъ, униженныхъ чувствомъ безсилія и неволи. Но естьли пылаетъ въ душѣ его великая, восхитительная мысль, равняющая Монарха съ Божествомъ: быть *первымъ* въ благотвореніи міру! естьли

онъ признаетъ себя посланникомъ Промысла, который ввѣрилъ его духу судьбу человѣческаго рода; естьли онъ довольно великъ, чтобы исполнить сїю священную волю Провидѣнїя и силу завоевателя оправдать добродѣтелями Монарха — тогда воскреснутъ погибшїя права народовъ, увидимъ постоянный миръ, увядшїе нравы разцвѣтутъ, и Генїй человѣка, едва не угасшїй, воспламенится. Зрѣлище, возвышающее душу! Наполеонъ и АЛЕКСАНДРЪ, одинъ на Западѣ и Югѣ, другой не Сѣверѣ и Востокѣ, одинъ опершись на мечь, другой на Прародительскїй Престолъ, простираютъ другъ къ другу руку, и милїоны благоденствуютъ подъ Ихъ щитами!

При семъ Нумерѣ двѣ картинки.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ, 1808.

No 2.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Жизнь и дѣятельность.

Прибавлять каждый день что можно къ моральному своему совершенству, о Софронимъ! извлекать не изъ внѣшнихъ предметовъ, но изъ самаго себя свое щастїе и разливать его на самую внѣшность — вотъ начертанїе жизни, прямо великое, прямо достойное человѣка! тогда самыя ничтожныя обстоятельства бытїя должны получить въ глазахъ твоихъ особенную прелесть; и естьли, о мой другъ! всегдашнее одиночество дано тебѣ въ удѣлъ, и естьли навѣки изключенъ ты изъ круга человѣческихъ вещей, къ которымъ запрещено тебѣ прикасаться, которыя для тебя чужды: то вѣрь, мой Софронимъ — и вѣра сїя да будетъ твоею крѣпостїю — образованїе существа совершеннаго (и кто бы ни было

сіе существо, тотъ или другой, довольно, когда оно есть вѣрное подобіе совершенства) должно быть само по себѣ возвышеннѣйшею цѣлію Природы.

Изторгшись съ великимъ, необычайнымъ напряженіемъ силъ изъ круга презрѣнной скотской жизни, о Софронимъ! ты долженъ, тѣмъ или инымъ средствомъ, быть животворящею душею толпы людей — сихъ грубыхъ тѣлъ, ожидающихъ дѣятельнаго духа, который движенія ихъ устремилъ бы къ высокой, согласной съ собственнымъ превосходствомъ его цѣли.

По слову твоему подымется ихъ рука, возпламенится взоръ, и воля твоя сдѣлается ихъ волею, и разумъ твой ихъ собственнымъ разумомъ.

Щитая свое блаженство превосходнѣйшимъ, не думай однако, чтобы они были нещастны: они наслаждаются потому, что не имѣютъ нужды стремиться; но ты стремишься, и потому наслаждаешься.

Владычествуя надъ ними, совершенствуй ихъ въ разсудкѣ и чувствѣ, поставь ихъ на ряду съ собою.

Природа наградила тебя избыткомъ силъ для возбужденія дѣятельности и жизни: слабѣйшее, поддерѣпляемое сильнѣйшимъ, приходитъ съ нимъ въ равновѣсіе.

Вода сохраняетъ свою поверхность, воздухъ равновѣсіе, моральныя силы дѣйствуютъ одна на другую, все пріобрѣтаетъ живость; всему сообщается дѣятельность.

Потоки, бѣгущіе съ утесовъ, рвутъ плотины; наводняютъ города, и потомъ — спокойно протекаютъ въ указанныхъ имъ предѣлахъ.

Нещастливъ одинъ тотъ, кто занимаетъ не свое мѣсто — низкое ли оно или высокое; кто еще въ нерѣшимости, пристать ли къ сторонѣ повелителей, или къ сторонѣ покорствующихъ; въ немъ уничижительная лѣность и силы врожденныя равно непобѣдимы или борятся.... Горе ему, когда вся жизнь его пройдетъ въ мучительномъ боренiи!

Буря свирѣпствуетъ въ его сердцѣ, когда заглушенный въ немъ пламень еще не угаснулъ!

Потокъ воздымается — не нужно говорить ему: разорви плотину! Въ душѣ твоей неодолимое стремленіе къ высокому — скажу ли тебѣ: дай волю своему стремленію?

Одна привлекательность жизни дѣлаетъ ее сносною; но въ чемъ же состоитъ сія привлекательность? Въ сліяніи малыхъ, отдѣльныхъ ея частей въ единое цѣлое; въ направленіи всего, и самаго мѣлкаго и самаго ничтожнаго, къ цѣли высокой и благородной. Скудный работникъ не способенъ обнимать разсуднокомъ и почитать необходимою сію возвышенную привлекательность бытія: онъ занятъ единымъ сохраненіемъ чувственной жизни; онъ не имѣетъ ни времени, ни охоты проникнуть въ самаго себя мыслію.

Но кому не довольно тѣлесной чувственной жизни, тотъ никогда не будетъ простымъ работникомъ; тотъ вырывается за тѣсные предѣлы ея, тотъ ищетъ быть повелителемъ толпы работниковъ и имъ подобныхъ.

И горе ему! и жизнь для него есть бремя, когда не опредѣлено ему достигнуть предмета своихъ исканій.

Но, Софронимъ, съ благоразуміемъ и рвеніемъ до всего достигаемъ. Благоразуміе, оживляемое рвеніемъ, дальновиднѣе и вѣрнѣе: желая сильно, скорѣе и удачнѣе угадываемъ средства.

Морицъ.

II.

Путешествіе Ж. Ж. Руссо въ Параклетъ.

Еще не всѣ сочиненія Жанъ-Жака Руссо извѣстны Публикѣ. Одна изъ лучшихъ его пріятельницъ, Милади Говардъ, имѣетъ манускриптъ, котораго содержаніе, быть можетъ, не менѣе самой Элоизы привлекательно. Списокъ съ этаго манускрипта, найденный между бумагами извѣстнаго Графа д'Антрегю, находится теперь въ рукахъ Господина Лакананля. Онъ заключаетъ въ себѣ: разсужденіе о *Виландовомъ Агатонѣ*, котораго Ж. Ж. Руссо читалъ въ переводѣ; отказъ Дидроту на предложеніе десяти тысячь ливровъ годоваго пенсіону отъ имени Императрицы ЕКАТЕРИНЫ, и наконецъ слѣдующія два произшествія (*). Мнѣ удалось ихъ слышать — не спрашивайте гдѣ? — и сердце мое наполнилось тѣми сладкими, живыми чувствами, которыя всегда производитъ въ немъ трогательный голосъ Ж. Жака; я рѣшился описать ихъ, просто, безъ всякихъ вмѣй-

(*) Одно изъ нихъ сообщаемъ Читателю Вѣстника теперь, другое будетъ напечатано послѣ. Ж.

ственныхъ украшеній и, естьли можно, точно такъ какъ слышалъ. Читатель, современемъ, будетъ имѣть въ рукахъ и самую повѣсть Жанъ-Жака Руссо: тогда и первый забуду сіи строки, написанныя мною въ минуту сладкаго волненія души, произведеннаго магическимъ его даромъ.

Многіе съ презрительнымъ сожалѣніемъ говорятъ о той чувствительности, съ какою Ж. Жакъ Руссо принималъ всѣ оскорбленія, дѣйствительныя и мнимыя, своихъ непріятелей. Но сія чувствительность, государи мои, не есть ли источникъ его таланта, единственнаго таланта говорить сердцу, обнаруживать человѣческія страсти, и всѣ возвышенныя мысли, которыя воспламеняли его разсудокъ, выражать съ такою страшною силою, съ такимъ очаровательнымъ, увлекающимъ краснорѣчіемъ? Душа его могла ли бы произвести Элоизу и Эмиля, когда бы оскорбительныя нападенія Вольтеровъ, Дидротовъ и даже мѣлкихъ ненавистниковъ генія — насѣкомыхъ, раждающихся отъ солнечнаго жара — ее не трогали? Вы умствуете, восклицаете, полагаясь на грубость своихъ нервъ: въ такихъ же обстоятельствахъ мы поступили бы хладнокровнѣе, благоразумнѣе! Согласенъ; но

въ то же время не хотите ли вы сказать: мы не имѣемъ его генія! —

Въ одинъ весенній вечеръ Жанъ-Жакъ Руссо, кончивъ прогулку въ Тюльери, возвращался домой съ обыкновеннымъ унынїемъ и мрачностїю духа. Онъ шелъ поспѣшно по улицамъ Парижа; въ глазахъ мимоходящихъ мечтались ему презрѣнїе и насмѣшка: одни слѣдовали за нимъ съ подозрительнымъ шопотомъ, другїе хотѣли оскорбить его знаками; вездѣ встрѣчалъ онъ злоумышленника или непрїятеля, и сердце нещастнаго меланхолика сжималось отъ скорби. — „Вотъ послѣднее мое пристанище! сюда по крайней мѣрѣ не послѣдуютъ за мною возмутительные взоры глупаго любопытства! такъ говорилъ онъ, взбираясь по крутой лѣстницѣ на четвертый этажъ, гдѣ нанималъ тѣсную комнатку. Отворяетъ дверь и видитъ молодаго человѣка, прїятнаго лицемъ, который сидѣлъ передъ его письменнымъ столикомъ и дружески разговаривалъ съ Терезою. Кто вы, государь мой? чего вамъ надобно? спросилъ Руссо, приближась къ нему съ суровымъ видомъ, и съ смутною подозрительностїю смотря ему въ глаза.

Незнакомый всталъ, нѣсколько минутъ, безмолвно, съ почтенїемъ и чув-

ствомъ разсматривалъ творца Элоизы; наконецъ опомнился и подалъ ему письмо. Глаза Жанъ-Жака заблистали, когда онъ прочелъ надпись; онъ бросился съ живостію обнимать молодаго человѣка, осыпалъ его множествомъ нѣжныхъ вопросовъ; на обертки письма узналъ онъ почеркъ Миладиг Говардъ, любезной, великодушной, чувствительной женщины, единственной изъ многихъ, такъ называемыхъ друзей его мужескаго и женскаго пола, которая ни на минуту не сомнѣвалась въ благородномъ сердцѣ Жанъ-Жака; единственной, которой образъ, идеально-прелестный, какъ геній утѣшитель являлся душѣ его въ ту минуту, когда она свергала съ себя тягость печали; которой дружба и уваженіе такъ сильно трогали его сердце, что онъ безъ зависти и съ нѣкоторымъ наслажденіемъ смотрѣлъ на щастливаго, прекраснаго юношу, избраннаго обладателя ея прелестей.

Молодой незнакомецъ былъ художникъ, Швейцаръ, по имени Турнейзенъ, человѣкъ совершенно достойный именоваться другомъ Миладиг Говардъ и Жанъ-Жака Руссо: болѣе ничего не прибавлю къ его похвалѣ. Во все время пребыванія своего въ Парижѣ посѣщалъ онъ ежедневно бѣд-

ный чердакъ, въ которомъ скрывался Женевской Философъ, и который называлъ онъ святилищемъ Парижскимъ. Руссо отъ всей души полюбилъ новаго своего знакомца, имѣвшаго ясный и возвышенный духъ, совершенно доброе сердце, милую откровенность въ обхожденіи, и котораго дружба казалась ему новымъ благодѣяніемъ обожаемой Лади.

Дней черезъ восемь является Турнейзенъ въ дорожномъ платьѣ къ Жанъ-Жаку. „Ѣду въ Параклетъ, говоритъ онъ, хочу поклониться Элоизину гробу и видѣть ея остатки!“ — Ѣдете одни? спросилъ Руссо въ разсѣяніи. — „Нѣтъ! со мною будетъ товарищъ, нѣкто Господинъ Лиль.“ — Жанъ-Жакъ замолчалъ, съ безпокойствомъ прохаживался по комнатѣ; разсѣянность его увеличивалась; оба не говорили ни слова. Черезъ минуту Турнейзенъ беретъ шляпу, идетъ къ дверямъ, останавливается, глядитъ на Руссо и говоритъ съ замѣшательствомъ: „Надобно признаться! этотъ Господинъ Лиль, товарищъ мой, вы сами. Я такъ увѣренъ былъ въ вашемъ желаніи видѣть гробъ Элоизы, что, не сказавшись вамъ, нанялъ два мѣста въ дилижансѣ, одно для васъ, другое для себя.“ Руссо бросился его обнимать; Турнейзенъ предузналъ то чув-

сиво; которому при имени Параклѣтѣ надлежало родиться въ душѣ Сенъ-Прїо; часа черезъ два находились они уже внѣ Парижа.

Въ каретѣ противъ нихъ сидѣлъ барышникъ въ красномъ камзолѣ и старомодномъ парикѣ съ сухою, невнимательною миною; подлѣ него дородный Патеръ, который съ значущимъ видомъ посматривалъ на своихъ товарищей, хотѣлъ казаться проницательнымъ наблюдателемъ, улыбался съ притворнымъ коварствомъ, игралъ своею тростїю, нюхалъ табакъ, выглядывалъ въ окно и былъ совершенно доволенъ своею ролею; рядомъ съ нимъ молодая дѣвушка осмнадцати или девятнадцати лѣтъ. Спокойный и веселый духомъ, радуясь путешествїю, свободѣ и неизвѣстности, нашъ Лиль не говорилъ ни слова, завернулся въ плащь и, прислонившись къ подушкѣ, внимательно разсматривалъ своихъ сопутниковъ. Онъ скоро забылъ и толстаго Патера и барышника: глаза его устремились на молодую дѣвушку.

Извѣстно, какое движенїе всегда производили въ душѣ его красота и невинность; но здѣсь зазвучала въ ней струна благороднѣйшая, струна состра-

данія: дѣвушка казалась совершенно нещастною. Глубокая скорбь омрачала ея лице, блѣдное, пріятное, украшенное милыми прелестями добродушія и тихости; глаза ея, большіе и полные чувства, но унылые и неподвижно устремленные на колеса, казалось привыкли проливать слезы; пріятныя уста были сжаты: онѣ удерживали вздохи, которые стѣсняли ея грудь и изрѣдка невольно изъ нея вырывались.

Лидь не говорилъ ни слова. Задумавшись разсматривалъ онъ пріятныя черты незнакомки; еще не зналъ, какая судьба такъ рано умертвила сію прелестную розу, но сердце его, исполненное человѣколюбія, уже мучилось; воображеніе представляло ему тысячи нещастій; онъ не хотѣлъ имъ вѣрить: не можетъ быть! восклицалъ онъ въ глубинѣ души, и не смотря на то, какъ мало угадывалъ страшную истину!

Онъ спрашивалъ у самаго себя, которому изъ двухъ незнакомыхъ его товарищей, барышнику или Патеру, она принадлежала? Быть можетъ, угнетенная дочь перваго, племянница, жена? Но платье незнакомки чрезвычайно бѣдное, хотя опрятное, противорѣчило гордымъ и довольнымъ

взглядамъ торгаша: они возвѣщали богатство, и часто съ безстыднымъ любопытствомъ устремлялись на скромное лице путешественницы. — Быть можетъ, родственница Священника? Но Лиль не успѣлъ еще объяснить для самаго себя, почему наружность обоихъ препятствовала ему считать ихъ товарищами, какъ важный Патеръ, оборотившись къ дѣвушкѣ, просилъ: apparement que vous allez à N — — ? конечно ѣдете въ Н — — ?

И такъ она одна! одна въ публичной каретѣ, на большой дорогѣ, и ей не болѣе девятнадцати лѣтъ! Когда бы на томномъ ея лицѣ не сіяло такое возвышенное благородство души; когда бы на вопросъ Патера не подняла такъ медленно и спокойно своихъ прелестныхъ, задумчивыхъ глазъ, не отвѣчала съ такимъ равнодушіемъ: нѣтъ! и опять въ уныніи не опустила взора на быстрыя колеса . . . нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть! одна любовь, одна безнадежная, нещастная, оскорбленная любовь могла такою трогательною тоскою омрачить сей тихій, плѣнительный образъ!

Лиль молчалъ, дѣвушка также; Священникъ и барышникъ разсуждали о лошадяхъ, которыхъ послѣдній продалъ

Парижскому Архіепископу; Турнейзенъ читалъ. Сильный толчокъ кареты вышибъ изъ рукъ его книгу: она упала на колѣна молодой дѣвушки. Незнакомка посмотрѣла на титулъ, возвратила книгу Турнейзену, и нѣжнымъ, гармоническимъ голосомъ сказала: Государь мой! не можете ли ссудить меня однимъ томомъ? Художникъ подалъ ей книгу, а Лиль бросилъ любопытный взглядъ на заглавіе: книга была — *Новая Элоиза*, и ни одинъ молодой Стихотворецъ съ такимъ сердечнымъ трепетомъ не смотрѣлъ въ театрѣ на зрителей, собравшихся судить первую его піэсу, съ какимъ нашъ Лиль разсматривалъ лице незнакомки: онъ чувствовалъ, что сердце ея принадлежало къ немногимъ, для которыхъ онъ такъ часто желалъ писать, которыя однѣ могли быть его судіями — къ немногимъ, которыхъ одобреніе было для него необходимо.

Скоро прекрасные глаза незнакомки наполнились слезами, грудь ея начала колебаться сильнѣе, она закрыла платкомъ лице, прижалась къ углу кареты, и книга выпала изъ рукъ ея. Лиль успѣлъ ее схватить прежде, нежели она закрылась, и глазамъ его представилось то письмо, которое страстный Сенъ-Пріе

писалъ на утесѣ, смотря на отдаленное жилище Юліи, и въ то же время предчувствуя близкую, вѣчную разлуку.

Онъ жалуется на быстрое солнце, на быстрое время, на краткія, невозвратимыя минуты; — на Юлію, которая обѣщаетъ ему мечтательныя наслажденія въ будущемъ, обѣщаетъ тогда, когда, быть можетъ, и его и Юліи уже не станетъ. „И красота твоя, мой другъ! и самая твоя красота должна имѣть конецъ — увянетъ и погибнетъ какъ цвѣтъ, которымъ никто не насладился! А я между тѣмъ вздыхаю и сохну! юность моя изчезаетъ въ слезахъ; весенніе дни мои гаснутъ въ печали! Подумай, подумай, Юлія, что и мы считаемъ уже годы, потерянные для радости! . . . . . Еще одно слово: ты помнишь утесъ Левкада, послѣднее прибѣжище нещастныхъ любовію! мѣста окружающія меня ему подобны: скала крута, пучина бездонна, и отчаяніе въ моемъ сердцѣ!“

Лиль не сказалъ ни слова, опять положилъ книгу на колѣни молодой дѣвушки и завернулся въ плащь, не желая чтобы замѣтили его чувствительность. О Сенъ-Пріо! какія воспоминанія оживились въ душѣ твоей! съ какимъ состра-

дательнымъ участіемъ разсматривалъ ты блѣдное лице незнакомки, которая на девятнадцатомъ году жизни уже такъ сильно чувствовала выразительный языкъ отчаянія!

Священникъ дремалъ — движеніе Лиля его разбудило. Замѣтивъ слезы на глазахъ молодой дѣвушки, онъ захотѣлъ узнать, какую книгу она читала: взялъ ее, но посмотрѣвъ на заглавіе, бросилъ съ неудовольствіемъ. „Какъ, сударыня! — воскликнулъ онъ важнымъ голосомъ проповѣдника — вы не стыдитесь читать такую книгу! и еще публично, въ почтовой каретѣ! Сказать правду, я не ошибся въ моихъ объ васъ заключеніяхъ; досадно только то, что всякая тварь, которая найдетъ у себя въ карманѣ ливръ, можетъ имѣть мѣсто въ дилижансѣ!

Дѣвушка устремила на него томный взоръ, въ которомъ надлежало блистать презрѣнію: но онъ только умолялъ — глубокое чувство нещастія, безнадежность и робость потушили въ немъ послѣдній лучь гордости душевной. Государь мой! воскликнулъ Турнейзенъ съ жаромъ, прошу васъ удержаться отъ оскорбительныхъ словъ, когда не хотите имѣть дѣла со

мною! Эта молодая дѣвица имѣетъ такое же право, какъ и вы, сидѣть въ дилижансѣ и быть вездѣ, гдѣ ей угодно. Книгу получила она отъ меня, и вамъ не можетъ быть никакой нужды до того, читаетъ ли она ее, или нѣтъ. Книга вамъ не нравится? Это другое дѣло, и я не удивляюсь: для Патеровъ вашего свойства такихъ книгъ не пишутъ.

Священникъ, который по выговору Турнейзена узналъ, что онъ Швейцаръ, бросилъ на него сердитый взглядъ и продолжалъ говорить, понизивъ примѣтнымъ образомъ свой голосъ: книга принадлежитъ не вамъ, сударыня! теперь извиняю васъ; быть можетъ, вы никогда объ ней не слыхали, и я почитаю себя обязаннымъ остеречь вашу неопытность. Бога ради не открывайте никогда этой безбожной и ядовитой книги. Вамъ надобно знать, что сочинитель ея богоотступникъ, котораго наша Святая Церковь отвергла, съ которымъ (тутъ посмотрѣлъ онъ презрительно на Швейцара) и самому еретику встрѣчаться стыдно! возмутитель! зажигатель! сумасшедшій, котораго надобно посадить на цѣпь! убійца собственныхъ дѣтей, страшный преступникъ, короче: истинный извергъ человѣческаго рода!

Не знаю, что думалъ и чувствовалъ въ это время Лиль; но онъ молчалъ, сидѣлъ завернувшись въ епанчу, и только при словѣ: *убійца дѣтей своихъ*, сдѣлалъ выразительное движеніе. Глаза Турнейзена сверкали; онъ хотѣлъ отвѣчать, но дѣвушка предупредила его: простите меня, государь мой! воскликнула она съ живостію; никакъ не могу повѣрить вашимъ словамъ; не знаю, какое различіе находитъ между правилами великаго человѣка, котораго оскорбляете вы такою клеветою, и ученіемъ вашей церкви; но знаю то, что онъ не сумасшедшій, что онъ, быть можетъ, блистательнѣйшій изъ всѣхъ геніевъ, произведенныхъ Природою — истина, въ которой увѣряетъ меня каждая строка изъ тѣхъ немногихъ его сочиненій, которыя имѣла я щастіе читать. О, нѣтъ! онъ не злодѣй! Кто учитъ любить своего ближняго, кто учитъ быть добрымъ съ такимъ живымъ, непобѣдимымъ краснорѣчіемъ, тотъ можетъ ли быть злодѣемъ? И мнѣ разсказывали о такъ называемыхъ его преступленіяхъ; но знаю также и то, что онъ нещастливъ, очень нещастливъ. Ахъ! надобно испытать нещастіе надъ самимъ собою, чтобы умѣть судить о поступкахъ нещастливца; тогда только повѣришь, что

очень часто бѣдная, страждущая тварь, лишенная покрова и друзей, рѣшается на такое дѣло, которое имѣетъ всю наружность преступленія, и въ тоже время совершенно благородно и непорочно; что очень часто можно быть даже самоубійцею, и въ тоже время сохранить въ душѣ ненависть къ пороку. Смѣлость, съ какою выражалась незнакомка, была одно минутное усиліе оскорбленнаго сердца, и скоро изчезла; голосъ ея началъ прерываться, послѣднія слова произнесла она такъ тихо и робко, что ихъ едва едва можно было разслушать; слезы готовы были катиться изъ глазъ ея, блиставшихъ мгновеннымъ лучемъ негодованія — увы! она не изключала себя изъ числа тѣхъ нещастныхъ, которые близки были къ самоубійству, и въ тоже время сохранили душу свою непричастною пороку.

Лиль и Турнейзенъ смотрѣли на нее съ удивленіемъ и молчали; угрюмый барышникъ сидѣлъ надувшись, поглядывалъ на молодую дѣвушку, на Патера, на Швейцара, былъ въ замѣшательствѣ, и — нюхалъ табакъ. Патеръ не зналъ, что говорить; онъ не былъ тронутъ выраженіями благородной незнакомки; но тонъ ея, прежде смѣлый, потомъ унылый и робкій, привелъ его въ недоумѣніе;

онъ долго не могъ рѣшиться, какъ отвѣчать ей, грубо или учтиво; наконецъ собрался съ мыслями и уже готовъ былъ начать свое возраженіе, какъ дилижансъ остановился. Турнейзенъ выскочилъ, взялъ на руки молодую дѣвушку и вынесъ ее изъ кареты прежде, нежели Лиль, который, вышедъ въ другія дверцы, съ тѣмъ же намѣреніемъ спѣшилъ къ незнакомкѣ, успѣлъ подать ей руку.

Въ трактирѣ готовъ былъ завтракъ. Дѣвушка не дотрогивалась ни до чего; но Лиль замѣтилъ, что она купила кусокъ черстваго хлѣба, который спрятала въ карманъ. Такое замѣчаніе совсѣмъ лишило его аппетита; художникъ былъ со вкусомъ, какъ должно молодому человѣку, имѣющему здоровый желудокъ; а прочіе за осьмерыхъ. По окончаніи завтрака всѣхъ утѣшило извѣстіе, что Патеръ съ барышникомъ далѣе не поѣдутъ, и Лиль отъ радости, что наконецъ будетъ одинъ, на свободѣ, съ печальною незнакомкою и добрымъ своимъ Швейцаромъ, не замѣтилъ грубости Патера, который не отвѣчалъ на его поклонъ, и улыбнулся, когда барышникъ, подражая неучтивцу, не снялъ передъ нимъ шляпы, а только дотронулся до нее указательнымъ пальцемъ.

Наконецъ они одни; молчатъ, но взоры ихъ выражаются краснорѣчиво. Незнакомка все еще опускаетъ глаза на колесо, но изрѣдка и только тогда, когда они, подымаясь съ робостїю, встрѣчаются съ глазами Лиля и Турнейзена, оживленными трогательнымъ, безпритворнымъ участїемъ. Сердца ихъ въ волненїи; они скрываютъ свою чувствительность, и грудь незнакомки сильно колеблется; конечно Ангелъ хранитель говоритъ ей: спасенїе! спасенїе близко! Тайное, магическое очарованїе чувства ихъ окружило; еще ни одинъ не сказалъ ни слова, но уже довѣренность, ясная, спокойная довѣренность между ими царствуетъ: единая минута соединяетъ сердца истинно добрыя; довольно единаго взора, чтобы имъ узнать другъ друга, полюбить и полюбить навѣки.

Турнейзенъ первый нарушилъ молчанїе: голосъ его имѣлъ сей трепетъ, сїю волшебную, увлекательную гармонїю, которой никакая душа страдальца не можетъ противиться, и менѣе всего тогда, когда разтроганное чувство съ прекраснымъ мужескимъ голосомъ сливаетъ сїи сладкїе звуки, сїе робкое трепетанїе, неподражаемые, невыразимые, единственные, къ которымъ лицемѣрїе поддѣлаться не въ силахъ.

„Вы съ живостію и краснорѣчіемъ защищали нещастнаго творца *Элоизы*, сказалъ Турнейзенъ: повѣрьте, что онъ заслуживаетъ сожалѣніе и любовь всякаго благороднаго сердца; но сильное ваше участіе доказываетъ, что и вы сами имѣете причину жаловаться на жребій! (глаза незнакомки опять наполнились слезами) Я многаго требую, продолжалъ онъ, взявъ ея руку съ видомъ уваженія; имѣйте довѣренность къ тому почтительному чувству состраданія, которое не всякому сердцу чуждо .... мало такихъ горестей, которыхъ бы дружеское участіе по крайней мѣрѣ не усладило; ввѣрьте нашей честности — скажу болѣе: ввѣрьте сердцамъ нашимъ свое нещастіе!“

Дѣвушка взглянула на него съ благодарностію, хотѣла отвѣчать и вздыхала; долго не могла собраться съ духомъ, наконецъ рѣшилась, начала говорить; но вспомнивъ, что Лиль не сказалъ ей ни одного слова, опять замолчала и посмотрѣла на него робко. Высокое выраженіе чувства, горѣвшаго на лицѣ Лиля, могло бы совершенно успокоить ее — но онъ подалъ ей руку и началъ говорить. Нашъ Лиль никогда не бывалъ многорѣчивымъ, никогда и въ самыя минуты сильнаго из-

ступленія души — но каждое слово его, соединенное съ магическимъ блескомъ взора, съ величественнымъ выраженіемъ лица, было непобѣдимо. Во всѣхъ чертахъ его сіяла благородная душа, во всѣхъ движеніяхъ страстная, высокая, чистая любовь къ человѣчеству: животворящая отрада вливалась изъ глазъ его во глубину разтерзаннаго сердца . . . . онъ сказалъ одно слово, и Жюльетта не могла противиться. Вотъ ея исторія. Тысячу разъ прерывали ее рыданія, и часто однимъ стыдливымъ румянцемъ объяснялось то, чего уста ея выразить не смѣли.

Жюльетта была младшая дочь одного бѣднаго Офицера, который съ семействомъ своимъ жилъ въ маленькомъ Шампанскомъ городкѣ Л . . . , и не смотря на свою нищету, умѣлъ дать дѣтямъ хорошее воспитаніе. Жюльеттѣ было четырнадцать лѣтъ, когда онъ умеръ. Жители городка Л. . , называли ее прекрасною, доброю, умною Жюльеттою. „Ахъ! восклицала она, мои земляки такіе добрые люди! они любили меня искренно! за чемъ нещастная моя участь привела меня въ Парижъ? Что скажутъ теперь мои старые друзья? не станутъ ли меня презирать? О Боже! для чего любили они меня такъ много!“

Старшая сестра Жюльетты была совсѣмъ непохожа на нее характеромъ: завистлива, своенравна, имѣла жестокое, нечувствительное сердце. Она ненавидѣла Жюльетту за милыя свойства ея души, и еще болѣе за то, что всѣ говорили объ ней съ похвалою. За всякое преимущество, которое сосѣди и молодые мущины оказывали передъ нею Жюльеттѣ, платила она ей упреками и бранью; и болѣе для того, чтобы избавить любимую свою дочь отъ тягостнаго тиранства сестры, нежели для исканія мѣста, отправила ее больная, слабая мать въ Парижъ съ письмами къ одной изъ ближнихъ своихъ родственницъ.

Родственница сія, добрая, любезная старушка, имѣла въ Парижѣ лавку, и Жюльетта должна была помогать ей вести торгъ. Она любила ее какъ дочь, старалась, сколько позволялъ достатокъ, усовершенствовать ея воспитаніе, нанимала для нее учителей, давала ей книги, возила съ собою въ Театръ, и обыкновенно называла Жюльетту нѣжнымъ своимъ другомъ, своимъ утѣшеніемъ, своею радостію. Жюльетта любила ее непритворно, почитала какъ истинную мать; но скоро, слишкомъ

скоро ея лишилась. Въ часъ смерти добрая старушка, призвавъ къ постелѣ Жюльетту и Карла, своего сына, сказала послѣднему: „Жюльетта добрая, разсудительная, порядочная дѣвушка: она не хуже меня умѣетъ содержать лавку. Ты любишь ее, въ этомъ я уже давно перестала сомнѣваться. Карлъ, другъ мой! дай слово умирающей матери, что Жюльетта будетъ твоею женою, и я разстанусь съ жизнїю безъ горя, умру въ надеждѣ, что дѣти мои будутъ щастливы!“ Жюльетта обливалась слезами; молодой человѣкъ плакалъ отъ всего сердца; охладѣвшая рука матери благословила союзъ ихъ. Черезъ минуту она вздохнула въ послѣднїй разъ, и дѣти затворили глаза ея навѣки.

Молодой Карлъ имѣлъ, какъ говорится, *добрый* характеръ; но, справедливѣе, онъ не имѣлъ никакого характера. Бездѣлица могла его разтрогать, но самое сильное впечатлѣнїе въ одну минуту заглаживалось въ его сердцѣ. Примѣры худые и добрые имѣли одинакое на него влїянїе. Мать научила его нѣкоторымъ ремесламъ, необходимымъ для ея торга; но онъ пренебрегъ ихъ, и мѣсто его въ домашнемъ хозяйствѣ должны были заступить наемные люди. Ночь и день проводилъ онъ въ развратномъ

обществѣ бродягъ, и возвращаясь домой плакалъ, когда печальная мать съ сокрушеннымъ сердцемъ умоляла его исправиться, нѣсколько дней трудился прилѣжно, наблюдалъ порядокъ; но первый праздный повѣса уничтожалъ однимъ словомъ его намѣренія, и снова предавался онъ распутству. Въ присутствіи Жюльетты любилъ онъ ее страстно, и иногда ласкался къ ней такъ живо, что скромная дѣвушка съ трудомъ могла противиться чрезмѣрности его изступленія; но выходя за ворота своего дома, онъ забывалъ Жюльетту и бросался въ объятія первой благосклонной попавшейся на встрѣчу ему Нимфы. Въ деревнѣ и въ маленькихъ городахъ люди такого свойства живутъ порядочно и честно; въ столицѣ бываютъ они совершенные злодѣи.

Жюльетта любила Карла, который имѣлъ наружность прелестную, любила, не смотря на его недостатки, и болѣе, нежели сколько позволено любить родственника, сына благодѣтельницы. Горесть его о потерѣ матери была такъ непритворна, его намѣренія и планы такъ благоразумны, его обхожденіе съ Жюльеттою такъ нѣжно и почтительно, что сердце ея не могло побѣдить сего новаго очарованія: любовь,

любовь поработила его своему могуществу.

Предавъ землѣ остатки матери, и возвратившись въ домъ, изъ котораго существо, имъ любезное, навсегда сокрылось, приближились они съ содроганіемъ къ опустѣвшей ея постелѣ, взглянули другъ на друга, обнялись, заплакали, произнесли клятву вѣчной вѣрности, и назначили день брака.

Но слишкомъ кроткая невинность погубила Жюльетту: любовь и вѣрная, близкая надежда принадлежать своему Карлу обольстили неподозрительную душу ея . . . . . вѣтренный Карлъ не сохранилъ обѣщанія, даннаго матери у смертной ея постели.

На другой день, будто для разсѣянія, уходитъ онъ со двора и возвращается ночью: увы! не скромная любовь, но чувственныя удовольствія влекли его въ объятія Жюльетты; скоро для слабой души его потеряли онѣ всю свою прелесть. Онъ пропадалъ по цѣлымъ суткамъ, и часто по нѣскольку ночей сряду не ночевалъ дома. Насталъ и прошелъ назначенный день для брака, прошли еще два дни — Карлъ не являлся. На тре-

тій онъ возвращается, видитъ Жюльетту въ слезахъ, блѣдную, обезображенную печалію, и сердце его тронулось: онъ цѣловалъ ея руки, просилъ на колѣняхъ прощенія — и могла ли не простить его Жюльетта? Назначили другой день для свадьбы: опять Жюльетта провела его уединенно, въ слезахъ и тщетномъ ожиданіи. Скоро и самые трогательные упреки ея потеряли силу; иногда отвѣчали на нихъ угрюмымъ молчаніемъ, иногда насмѣшкою, иногда угрозами и бранью. О! какое жестокое сердце не рѣдко имѣютъ сіи такъ называемые *добрые* люди!

Карлъ, натурально, былъ разточителенъ, игралъ въ карты, часто въ одинъ вечеръ терялъ все то, что бережливостію Жюльетты скопляемо было въ двѣ недѣли; приходилъ въ бѣшенство, когда въ запасѣ ея не оставалось денегъ, бранился, однажды осмѣлился обвинить въ воровствѣ, и даже ударить. Число товаровъ безпрестанно убывало въ лавкѣ: Жюльетта предвидѣла, что скоро принуждена будетъ ее заперетъ, или отдать за долги заимодавцамъ. Въ такой ужасной крайности рѣшилась она писать къ матери, призналась ей во всемъ (ожесточенный порокъ способенъ находить увертки, падшая невинность имѣетъ одно раскаяніе и слезы), просила поз-

воленія возвратиться въ родительской домъ, просила маленькой суммы денегъ на дорогу. Съ какимъ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждала она отвѣта, и сколько недѣль ждала его напрасно!

Однажды, смотря въ окно, увидѣла она идущаго Карла, и затрепетала. Будучи принуждена, за недостаткомъ товаровъ, отказывать покупщикамъ, не выручила она во весь тотъ день ни копейки, вмѣсто обѣда съѣла кусокъ черстваго хлѣба, и ожидала новыхъ оскорбленій отъ Карла, когда на вопросъ его: есть ли деньги? будетъ принуждена отвѣчать однимъ молчаніемъ. Но онъ вошелъ въ горницу съ веселымъ лицемъ, поцѣловалъ ее, посадилъ на колѣни: Жюльетта сносила его ласки съ горестнымъ равнодушіемъ; навсегда отказавшись отъ надежды, но будучи характера тихаго, не имѣла она довольно твердости, чтобы на всѣ новыя требованія отвѣчать однимъ презрѣніемъ.

„Жюльетта! сказалъ ей Карлъ, время подумать намъ о свадьбѣ. — Жюльетта, не говоря ни слова, опустила глаза на высокую грудь свою: четыре мѣсяца, какъ была она беременна — Но прежде, продолжалъ онъ, должны мы привести въ порядокъ свои дѣла: хочу испра-

виться, не быть расточительнымъ, и знаю прекрасное средство нажить много денегъ. Мы выплатимъ свои долги (Жюльетта не имѣла на себѣ ни копейки долгу), накупимъ опять товаровъ, обвѣнчаемся, будемъ щастливы, и надежда матушки исполнится.

Жульетта съ недовѣрчивымъ унынїемъ смотрѣла въ глаза Карлу и качала головою.

Послушай! продолжалъ онъ, Герцогъ Л . . . . имѣлъ случай тебя видѣть; прекрасные твои глазки зажгли его сердце; короче, онъ обѣщаетъ мнѣ чрезъ своего камердинера, который искреннїй мой прїятель, сто луидоровъ, естьли ты согласишься . . . . имѣть съ нимъ свиданїе.

Извергъ! — воскликнула Жульетта, отскочивъ отъ него съ негодованїемъ — кому осмѣливаешься дѣлать такое предложенїе? Невѣстѣ, матери твоего ребенка! Удались! ты мнѣ противенъ! я не соглашусь быть твоею женою и тогда, когда отъ голоду буду умирать посреди улицы.

Жюльетта убѣжала въ свою комнату, заперлась и бросилась въ отчаянїи на по-

стель; Карлъ съ бѣшенствомъ вышелъ изъ лавки, и такъ сильно хлопнулъ дверью, что стѣны маленькаго домика задрожали. Ввечеру возвратился онъ домой, казалось, чувствовалъ раскаянїе, по крайней мѣрѣ былъ смиренъ и ласковъ. Жюльетта сидѣла печально и тихо въ своей комнатѣ, и Карлъ во всю ночь не сходилъ со двора; нѣсколько разъ стучался у ея дверей, но онѣ были заперты . . . увы! для чего бѣдная Жюльетта не всегда сохранила сїю предосторожность! — И слѣдующїй день проведъ онъ дома: просилъ на колѣняхъ прощенїя у Жюльетты, божился, что хотѣлъ только ее испытать, плакалъ, называлъ ее Ангеломъ, умолялъ, чтобы она, хотя изъ любви къ своему робенку, есть-ли къ нему не чувствовала уже ничего, кромѣ отвращенїя, согласилась назвать его своимъ супругомъ.

Слѣдующїй день былъ праздникъ; лавка Жюльетты не отпиралась. Карлъ почти насильно увелъ ее гулять, заманилъ къ Ресторатеру, напоилъ изъ собственныхъ рукъ шоколадомъ, и въ то самое время Жюльетта почувствовала необыкновенное разслабленїе во всемъ тѣлѣ. Карлъ, побѣжавъ за водою, не возвращался... Увы! обманутая, нещастная Жюльет-

ша . . . но я не скажу ни слова. Въ неописанномъ отчаяніи, собравъ послѣднія силы, пошащилась она домой. Карлъ не показывался на глаза ея; два дни и двѣ ночи просидѣла она взаперти, ничего не ѣла, не замѣчала ни утра ни вечера, и даже не могла плакать.

На третій день приходъ полицейскихъ служителей пробудилъ ее отъ безчувствія. Герцогъ Л . . . обманулъ Карла: онъ отдалъ ему одну четвертую долю обѣщанныхъ денегъ, сумма, которой недостало и на половинную уплату долговъ его. Въ отчаяніи проигралъ онъ ихъ одному изъ сообщниковъ своего распутства, и на другой же день записался въ солдаты. Заимодавцы спѣшили захватить его пожитки. Жюльетта на вопросъ: какія вещи принадлежали ей въ домѣ? указала на одинъ небольшой ларчикъ, которой подали ей въ руки; потомъ вывели ее на улицу, захлопнули за нею дверь и запечатали маленькую лавку.

Подумайте о страшномъ положеніи Жюльетты! Лишенная чести, больная, выгнанная изъ дому, безъ всякаго пристанища среди обширной столицы . . . . одно безчувствіе спасло ее отъ самоубійства; грудь ея раздиралась, голова кружилась,

безъ памяти бѣжала она по улицѣ: видитъ отворенную церковь, бросается въ нее съ нѣкоторымъ изступленїемъ, стремится къ олтарю и падаетъ ницъ у подножїя. О Провидѣнїе! во храмѣ Твоемъ ожидалъ ее утѣшитель!

Духовный отецъ ея, старый, добродушный Священникъ, находился въ церкви; давно не видавъ Жюльетты, обрадовался онъ искренно нечаянной встрѣчѣ. Приближается, ждетъ нѣсколько минутъ, чтобы она встала; начинаетъ съ нею говорить, она не отвѣчаетъ; беретъ ее за руку, она подымаетъ голову, смотритъ на него мутными глазами и молчитъ. Жюльетта! что съ тобою сдѣлалось? спросилъ Священникъ; гдѣ твоя тетка? — Жюльетта вздохнула, посмотрѣла въ землю. Они зарыли ее! сказала она холодно. Въ тонѣ ея голоса было что-то ужасное, нечувствительное, отчаянное; старецъ затрепеталъ. Что съ тобою сдѣлалось, Жюльетта? повторилъ онъ, смотря ей въ глаза съ нѣжною робостїю добраго сердца, которое боится найти нещастнаго. Ничего — отвѣчала Жюльетта — меня лишили чести, продали, выгнали изъ дома . . . , тутъ упала она безъ памяти къ ногамъ Священника.

О Творецъ Всевышній! воскликнулъ старикъ, возведши глаза на небо и содрогаясь.

Онъ поднялъ и положилъ на скамью безчувственную Жюльетту, теръ ей виски, жалъ ея охладѣвшую руку и орошалъ слезами блѣдное лице нещастной. Черезъ минуту глубокій вздохъ поколебалъ ея грудь: она взглянула, узнала своего стариннаго друга, улыбнулась горестно: Ангелъ хранитель! сказала она, прижавшись лицемъ ко груди его, залилась слезами — и слезы спасли ее отъ смерти.

Священникъ благодарилъ Провидѣніе за то, что оно опредѣлило ему спасти непорочность; отвелъ Жюльетту къ одному искусному Лѣкарю, своему пріятелю, а самъ рѣшился просить за нее милостыню, надѣясь трогательнымъ изображеніемъ ея судьбы возбудить состраданіе въ сердцахъ богатыхъ своихъ прихожанъ.

Лѣкарь, положивъ больную въ постель, пустилъ ей кровь. Жюльетта безъ всякаго прекословія исполняла его предписанія, пила лѣкарства, была тиха и покорна. Скоро открылась въ ней сильная горячка, и

дней черезъ пять родила она мертваго робенка. Благодаря попеченіямъ Лѣкаря и добродушію Священника, который всякой день по нѣскольку часовъ просиживалъ у постели ея, стараясь кроткими утѣшеніями Религіи возбудить въ ней бодрость, и возвратить ея сердцу довѣренность къ таинственнымъ намѣреніямъ Промысла. Скоро Жюльетта, подкрѣпленная тѣломъ и болѣе спокойная въ душѣ, оставила гостепріимное жилище Медика, своего спасителя: Священникъ нашелъ ей мѣсто ключницы въ одномъ женскомъ монастырѣ, который находился не въ дальнемъ разстояніи отъ Парижа.

Наконецъ, думала Жюльетта, имѣю спокойное пристанище . . . . но она ошибалась: въ стѣнахъ монастыря спокойствіе не обитаетъ. Жюльетта усердно исполняла должность свою; но глаза дѣятельнаго любопытства присматривали за нею съ подозрѣніемъ. Скоро замѣтили, что она читала — и не одно житіе Святыхъ или Библію, а иногда и философическія сочиненія, Исторію, Стихи: важный проступокъ въ глазахъ завистливаго невѣжества! Скоро, какимъ-то нещастнымъ случаемъ, открылось, что Жюльетта въ домѣ Лѣкаря до вступленія своего въ монастырь мучилась не одною горячкою: страшное волненіе! — бѣдной Жюльеттѣ при-

казано немедленно оставить монастырь, который она срамила своимъ присутствіемъ. Проливая слезы, моля небеснаго Творца подать помощь, въ которой отказывали ей жестокіе люди, собираетъ она остатки своего имущества и приготовляется идти изъ монастыря . . . . . принесятъ письмо, надписанное на ея имя. Жюльетта узнаетъ на обверткѣ руку сестры, и сердце ея облилось кровію — болѣе полугода, какъ матери ея не было на свѣтѣ. „Матушка твоя — писала къ ней сестра — оставила тебѣ одно благословеніе и пустую суму. Сама я за мужемъ, имѣю дѣтей, живу скудно и не въ состояніи содержать нищихъ; могу однако, чтобы избавить сестру свою отъ распутной жизни, а имя наше отъ стыда, отпустить свою работную дѣвку, а тебя взять на ея мѣсто.“

Какой печальный жребій представило будущее глазамъ Жюльетты! сердце ея замирало. Но гдѣжь найти убѣжище? по крайней мѣрѣ въ домѣ сестры будетъ она имѣть кусокъ хлѣба . . . . . кусокъ, облитый горькими слезами! но гдѣ же не будетъ она проливать слезъ? Подумала, рѣшилась, продала послѣднее: золотое кольцо, подарокъ своей тетки; наняла мѣсто въ дилижансѣ . . . . . тамъ нашла она Турнейзена и Лиля. —

Жюльетта, кончивъ печальную повѣсть, вздохнула и съ робостїю посмотрѣла на своихъ спутниковъ. Турнейзенъ сидѣлъ потупивъ голову, въ глазахъ его пылало меланхолическое пламя. Лиль казался внѣ себя, съ дикимъ, отчаяннымъ видомъ ломалъ свои руки, и двигался отъ нетерпѣнїя на подушкѣ; сама Жюльетта почувствовала къ нему сострадане, хотѣла его успокоить — но чемъ? какимъ утѣшительнымъ словомъ? . . . Сердце ея стѣснилось; она прижалась въ углу кареты и въ тихомъ унынїи отирала слезы свои одну за другою. Лиль, завернувшись въ плащь, не говорилъ ни слова; Турнейзенъ молчалъ; изрѣдка тихїе одни горестные вздохи прерывали сїе глубокое безмолвїе. Наконецъ прїѣхали въ Параклетъ; дилижансъ остановился у трактира.

Лиль, выходя изъ кареты, подалъ молодой дѣвушкѣ руку и повелъ ее съ собою въ горницу. Нѣтъ, Жюльетта, бѣдное, жалкое, любезное твореніе! сказалъ онъ, не ѣзди къ сестрѣ: безчувственные люди не будутъ понимать твоего нещастїя, жестокость ихъ безвременно тебя погубитъ; въ цѣломъ мїрѣ не существуетъ для тебя ни одна родственная душа; напрасно будешь искать гостепрїимнаго убѣжища: вѣрь мнѣ

свою участь, милой другъ! я знаю мѣсто, въ которомъ примутъ тебя какъ чистую, священную жертву нещастія; знаю великодушную женщину, которая откроетъ для тебя свои объятія, въ которой найдешь истинную мать, которой нѣжная рука отретъ горестныя твои слезы.

Онъ поцѣловалъ Жюльетту въ щеку, и сѣлъ писать къ пріятельницѣ своей письмо. Читатель со временемъ его прочтетъ; быть можетъ, оно есть краснорѣчивѣйшее произведеніе великаго духа, оживленнаго состраданіемъ и любовію къ человѣчеству. Читатель услышитъ могущественный голосъ великаго нещастливца, говорящаго въ пользу нещастій чуждыхъ, говорящаго съ такимъ жаромъ, съ какимъ никогда, никогда не выражалъ онъ страданій собственнаго своего сердца.

Онъ описываетъ судьбу Жюльетты, требуетъ благодарности за смѣлую довѣренность къ великодушію своего друга, которому такъ свободно ввѣряетъ жребій непорочности; наконецъ въ заключеніи говоритъ: Провидѣніе даетъ подобныя нещастія такому только сердцу, которое опредѣляетъ для самыхъ возвышенныхъ добродѣтелей: душа, способная не унизиться въ подобныхъ положеніяхъ, есть существо довершенное, и все ве-

ликое на землѣ принадлежитъ ей по праву. Васъ назначаю хранительницею ея жребія, и сердце мое довольно своимъ выборомъ. Вы желали имѣть друга, достойнаго дѣлить съ вами материнскія попеченія о вашихъ дѣтяхъ: онъ готовъ — чувствительный, вѣрный, способный украсить сердца ихъ всѣми совершенствами добродѣтели! Примите изъ рукъ моихъ сіе рѣдкое, испытанное судьбою, очищенное, довершенное созданіе!"

Наслаждаясь въ глубинѣ сердца сдѣланнымъ добромъ, Турнейзенъ и Лиль пошли ко гробу Элоизы. Жюльетта, которой художникъ всунулъ въ руку луидоръ, простившись съ своими друзьями, отправилась въ N. . . , гдѣ жила пріятельница Лиля, и прямо въ домъ, назначенный на адресѣ; отдала письмо лакею, а сама осталась въ прихожей ожидать съ сердечнымъ безпокойствомъ рѣшенія своей участи. Она ждала довольно долго: письмо было длинно, и благородная пріятельница Лиля не скоро могла придти въ себя отъ сильнаго волненія, которое произвело въ ней трогательное краснорѣчіе друга ея.

Наконецъ двери отворились — стройная, величественная, прелестная женщи-

на, словомъ, Милади Говардъ, съ видомъ благосклонности, съ пріятнымъ, ободряющимъ взоромъ идетъ къ Жюльеттѣ: „Милая Жюльетта! — говоритъ она — забудь въ моихъ объятіяхъ нещастную свою участь! Руссо не обманулся, когда увѣрилъ тебя, что въ домѣ моемъ найдешь пристанище: безъ всякаго покровительства была бы ты для меня священна! Теперь имѣю случай доказать Ж. Ж. Руссо, что я достойна его дружбы.“

„Какъ! — воскликнула Жюльетта — Руссо, великій, нещастный Руссо мой избавитель!“ . . . . она упала на колѣни, и глаза ея, полные слезъ, съ выраженіемъ благодарности, устремились на небо. Прелестная Милади плакала; онѣ обнялись, и минута сія была началомъ нѣжнаго, сладкаго, нераздѣлимаго союза.

Меркель.

III.

Молукъ и Нассуръ.

(*Персидская повѣсть* (*).)

Я любилъ Нассура — и находилъ въ немъ блаженнѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ. Нассуръ былъ добръ — и жители неба веселились щастїемъ добродѣтельнаго. Съ первыми лучами дня душа его пробуждалась для наслажденїя: онъ видѣлъ передъ собою дѣтей, милыхъ, цвѣтущихъ юностїю, блестящихъ красотою, осыпанныхъ цвѣтами здравїя, и взоры его, еще оживленные лучами щастїя, проливали отраду въ прискорбную душу страдальца. Онъ вѣрилъ дружбѣ, и имѣлъ друзей; не требовалъ благодарности, и самое неблагодарное сердце привязывалъ къ себѣ тѣсными узами благотворенїя.

Желанїе видѣть чужїя земли разлучило меня съ Нассуромъ. Молукъ! сказалъ онъ обнявъ меня въ послѣднїй разъ: ты будешь встрѣчать людей, различныхъ образомъ и нравомъ; услышишь ихъ обвиняющихъ человѣка болѣе, нежели фортуну; скажи имъ: научитесь любить, и

(*) Переводъ съ Персидскаго, помѣщенный въ Melanges de litterature par Suard. *Пр. Пер.*

будете любимы. — Нассуръ, привязанный къ друзьямъ своимъ, имѣетъ друзей постоянныхъ, и Нассуръ произносилъ слова сіи безъ гордости.

Я странствовалъ нѣсколько лѣтъ: видѣлъ цвѣтущую Коразань, поля благословенной Кашемиры, удивлялся чудесамъ Испагани и благоговѣлъ къ Ширазѣ предъ величіемъ Царя Царей — повсюду сопутствовалъ мнѣ образъ щастія и добродѣтелей моего Нассура. Возвращаюсь въ отечество, лечу въ его жилище. Куда ты, Молукъ? говорятъ мнѣ, Нассуръ въ единый день лишился дѣтей своихъ; душа его не перенесла сего удара и стрѣлы отчаянія въ нее вонзились. Слова сіи возмутили мое сердце: я остановился, желая обнять мыслію нещастіе моего друга, нѣсколько минутъ стоялъ въ размышленіи, наконецъ, растерзанный скорбію, тихимъ шагомъ пошелъ къ его жилищу — оно казалось пустыннымъ. Я увидѣлъ Нассура вдали, неподвижнаго и блѣднаго; приближаюсь, и сердце мое замерло. Нассуръ не имѣлъ лица человѣческаго: мрачный видъ, угасшіе взоры, холодный, суровый пріемъ . . . казалось, что онъ пересталъ быть добрымъ. О Нассуръ! воскликнулъ я, какая въ тебѣ перемѣна! — Я тотъ же, отвѣчалъ Нас-

сурь, ни что не перемѣнилось во мнѣ; но я оставленъ, потому что нещастливъ. Безумецъ! и я надѣялся одною любовїю привлечь и сохранить друзей! — Нассуръ! отвѣчалъ я, когда въ душѣ твоей не угасла еще привязанность къ друзьямъ, то могутъ ли друзья твои перемѣниться къ тебѣ въ своемъ сердцѣ? — Всѣ до одного меня оставили, воскликнулъ Нассуръ, въ ту минуту оставили, когда нашли вокругъ меня единую горесть! — Всѣ, Нассуръ? — Али не старался меня утѣшить; Бенассаръ плакалъ со мною только однажды; Заметъ сказалъ: Нассуръ! мы будемъ говорить о твоихъ дѣтяхъ, говорить каждой день и вмѣстѣ проливать слезы. Но вижу ясно, печаль моя въ тягость Замету. Начинаю говорить ему о моихъ дѣтяхъ; онъ не слушаетъ, или уводитъ меня къ своимъ, прельщаетъ, мучитъ своимъ блаженствомъ. Увы! въ семъ маломъ остаткѣ Заметовой дружбы я нахожу одно страданїе!

Какъ, Нассуръ! — воскликнулъ я — блаженство друзей твоихъ для тебя несносно, а ты надѣешься, что они будутъ сносить твои печали! они хотятъ утолить твою скорбь, а ты угрюмымъ лицемъ своимъ смущаешь ихъ тихїя ра-

дости, и ты же, Нассуръ, присвоиваешь себѣ право дѣлать упреки! Богъ видитъ, хочу ли усиливать страданія нещастливца; но, другъ мой, и самое нещастіе имѣетъ обязанности. — О Молукъ! страдалецъ, утратившій надежду, страдалецъ лишенный утѣшенія . . . . . какія обязанности для него существуютъ?

Въ сію минуту приходятъ намъ сказать, что море поглотило корабль, нагруженный сокровищами Замета. Нассуръ содрогнулся, устремилъ на меня быстрый взоръ, но сильно почувствовавъ несправедливость свою къ Замету, потупилъ его въ землю: тяжкое бремя упало съ его сердца. Оставляетъ меня, летитъ въ жилище Замета, скоро возвращается; взоры его, прежде померкшіе и угрюмые, блистали. — Я видѣлъ Замета, говоритъ онъ, видѣлъ его дѣтей, съ рыданіемъ обьемлющихъ колѣна отца своего: я плакалъ вмѣстѣ съ ними! — Но участь ихъ можетъ ли перемѣниться? — Можетъ, другъ мой, и скоро, естьли Нассуръ имѣетъ еще средство благодѣтельствовать людямъ. — И такъ Нассуръ будетъ наслаждаться щастіемъ Замета и дѣтей его? — Молукъ, возлюбленный! я буду наслаждаться щастіемъ Замета и дѣтей его!

О Нассуръ! не переставай быть другомъ людей, и чувство наслажденія оживетъ въ твоемъ сердцѣ. Вѣчная горесть не существуетъ для смертнаго. Тысяча выходовъ изъ дома печали, но благость есть самый близкій и всегда отверзтый; она разлучаетъ человѣка съ самимъ собою, но только на время, только для того, чтобъ послѣ соединить тѣснѣе и новыми, сладчайшими узами! Человѣкъ одинокій самъ уклоняется отъ радости. Пожертвованія, которыя дѣлаемъ для людей, вознаграждаются ихъ любовію. Ѳиміамъ питаетъ пламень, его пожирающій; но пламень, извлекая изъ него ароматы, растворяетъ ихъ благовоніемъ воздушное пространство.

Съ Французскаго С. . . . ъ.

IV.

СМѢСЬ.

Анекдоты.

Ужасный левъ, котораго содержали въ звѣринцѣ Тосканскаго Герцога, сорвался съ цѣпи и бѣгалъ по улицамъ Флоренціи. Все пришло въ смятеніе, жители прятались по домамъ. Одна женщина, съ маленькимъ сыномъ на рукахъ, по-

палась на встрѣчу страшному звѣрю; въ испугѣ своемъ она уронила младенца: левъ ухватилъ его въ зубы и побѣжалъ . . . . отчаянная мать бросается передъ нимъ на колѣна, простираетъ руки и горестнымъ воплемъ требуетъ пощады своему сыну! Кого не удивитъ такой необыкновенный поступокъ — крайняя степень отчаянія и помѣшательства, сіе затмѣніе разсудка, превосходящее самый разсудокъ, сіе вдохновеніе великой горести, которая ничего не почитаетъ неумолимымъ? Но слѣдствія удивительнѣе: левъ останавливается, смотритъ на нее нѣсколько минутъ неподвижно, кладетъ младенца на землю, не сдѣлавъ ему никакого вреда, и удаляется. Скажите, не ужели нещастіе и отчаяніе имѣютъ звуки, понятные для самыхъ дикихъ звѣрей? Опытъ увѣряетъ насъ, что они способны имѣть чувство, производимое привычкою: много примѣровъ ихъ благодарности и привязанности къ человѣку! но здѣсь нещастная мать, для спасенія своего младенца, имѣла одну только минуту, одно умоляющее восклицаніе: надлежало понять ее и смягчиться; и онъ ее понялъ, и онъ смягчился! Кто изъяснитъ такое чудо? — Французскій живописецъ Монсьо изобразилъ на картинѣ это произшествіе.

описанное Лагарпомъ въ его Лицеѣ. При концѣ книжки прилагаемъ ея чертежъ.

*

Господинъ д' Этреанъ, котораго придворныя Дамы называли *дѣдушкою*, будучи въ гостяхъ у Герцогини Орлеанской, по обыкновенію своему не занимался ни кѣмъ, не говорилъ ни слова, сидѣлъ, въ ожиданіи Оперы, протянувшись въ креслахъ, у камина — и наконецъ заснулъ. Гости разъѣхались, Герцогиня осталась одна съ Принцессою Б* *, которая, увидя странную фигуру спящаго, не могла удержаться отъ смѣху. „Надобно его проучить!" сказала Герцогиня, и въ минуту накололи ему на парикъ модный чепецъ, букетъ цвѣтовъ, нѣсколько бантовъ, нарумянили ему щеки, налѣпили на нихъ множество мушекъ, и запретивъ лакеямъ смѣяться, когда Господинъ д' Этреанъ пойдетъ мимо, разбудили его, говоря, что Опера началась. *Дѣдушка* встаетъ, бѣжитъ въ театръ, и никто его не замѣтилъ, потому что онъ прошелъ задними корридорами — прямо въ свою ложу, находившуюся въ первомъ ярусѣ, почти надъ сценою и на самомъ виду. Первое дѣло — высунуться, посмотрѣть, много ли зрителей въ партерѣ и галлереяхъ, поклониться знакомымъ, и Господинъ д' Этреанъ выставилъ смѣшное лице свое изъ ложи:

страшный хохотъ и стукъ! Онъ удивился, началъ осматриваться, заглядывать въ боковыя ложи, еще болѣе выставился — смѣхъ удвоился, забыли пїэсу, принялись хлопать, кричать, указывать на него пальцами! *Дѣдушка* безпрестанно спрашивалъ: *что такое? что сдѣлалось?* . . . . Пѣвица Фель вошла къ нему въ ложу съ зеркаломъ, и онъ узналъ причину всеобщаго смѣха.

*

Нынѣ, такого-то числа и года — говорилъ одинъ мой знакомецъ — я сдѣлалъ необыкновенное доброе дѣло: утѣшилъ человѣка, любезнаго, рѣдкихъ добродѣтелей, чрезвычайно богатаго, знатной фамилїи, умнаго и совершенно здороваго; а самъ я — бѣднякъ, незнатенъ и болѣнъ.

*

Дюкло говорилъ объ одномъ низкомъ бездѣльникѣ: плюнь ему въ лицо, утри его ногою, и онъ еще останется благодаренъ.

*

Одинъ человѣкъ въ продолженїи цѣлыхъ тридцати лѣтъ проводилъ каждый вечеръ у Гжи. N. Жена его умерла: ему совѣтуютъ жениться на Гжѣ. N., но онъ отказывается. Кудажь прикажете мнѣ — говоритъ онъ — ѣздить по вечерамъ?

*

Нѣкто, увидя своего пріятеля въ глубокомъ траурѣ, съ *слерезами*, съ непудреною головою, спрашиваетъ: конечно имѣли вы нещастіе кого-нибудь лишиться? — Никого; я овдовѣлъ! отвечаетъ печальный.

Характеры и портреты.

Лоримонъ, не имѣя отмѣннаго ума, не будучи ни пріятенъ, ни любезенъ, не можетъ обращать на себя вниманія въ свѣтѣ. Онъ небогатъ, и въ обществѣ совсѣмъ не играетъ блестящей роли; имѣетъ доброе сердце, но тонкости чувства и нѣжность обхожденія для него непонятны; не будучи никому опасенъ, онъ не имѣетъ враговъ; не знаетъ ненависти, и не умѣя ни къ кому привязаться сильно, почитаетъ дружбу одною благосклонностію добраго сердца. Онъ здоровъ, имѣетъ всегда цвѣтущее лицо: наружность его показываетъ щастіе. Лоримонъ не любитъ ни карточной игры, ни охоты — единственная страсть его хорошій, вкусный обѣдъ во многолюдной компаніи. Понятія Лоримона объ удовольствіяхъ общества очень просты: ему не нуженъ *выборъ* людей, онъ ищетъ *множества* мужчинъ и женщинъ въ прекрасной, ярко освѣщенной залѣ. Ему пятьдесятъ лѣтъ, но я увѣ-

ренъ, что еще ни разу въ жизни онъ не былъ и не хотѣлъ быть принятъ въ тѣсный кругъ знакомства. Зная, что его не замѣтятъ, онъ не боится *пропасть* въ толпѣ; напротивъ онъ ищетъ въ ней убѣжища и, благодаря щастливому расположенію своему, въ ней *одной* находитъ лучшія свои удовольствія. Лоримонъ знатнаго рода; всѣ знатные домы для него отворены, и жизнь его наполнена такими только произшествіями, которыя *обыкновенно* случаются въ свѣтѣ. Извѣстный человѣкъ женится — онъ ѣдетъ на свадьбу, и радъ безъ памяти. Къ нему присылаютъ сказать, что Госпожа N. N. благополучно разрѣшилась отъ бремени — онъ щастливъ: надобно ѣхать поздравлять, встрѣтиться съ людьми, увидѣть большую компанію! Знакомый его умираетъ — онъ готовъ плакать! будетъ на выносѣ: вотъ утѣшеніе! но домъ затворится на нѣсколько недѣль, можетъ быть, на нѣсколько мѣсяцовъ: вотъ горе! Болѣе всего не терпитъ онъ годовыхъ трауровъ. Двадцать лѣтъ, какъ онъ въ отставкѣ, но всякое новое производство есть для него важное государственное произшествіе. Нѣтъ ни одного новаго Полковника и Бригадира, котораго не поздравилъ бы онъ отъ всего сердца; и радость его соразмѣрна важно-

сти чина: Фельдмаршала поздравляетъ онъ съ изступленіемъ.

*

Въ обществѣ Гжи. Жоффрень самый живой, самый веселый, самый пріятный своею веселостію человѣкъ былъ *Даланберъ.* Проведя цѣлое утро надъ вычисленіями Алгебры, или за трудными задачами Динамики и Астрономіи, выходилъ онъ изъ своего ученаго кабинета, какъ ученикъ изъ школы, единственно для удовольствія и отдыха. Ясный, обширный, глубокій умъ его оживлялся пріятностію, шутливостію, остротою: забывали Философа и Математика, видѣли одного добраго, привлекательнаго человѣка. Источникомъ такой натуральной любезности была мирная душа, свободная отъ страстей, довольная собою, и каждый день награждаемая за трудъ открытіемъ какой-нибудь новой истины: привиллегія, изключительно данная однѣмъ математическимъ наукамъ.

*

Мариво (*), которому хотѣлось быть также забавнымъ, имѣлъ всегда въ головѣ заботу, казался безпокойнымъ и скучнымъ. Будучи по сочиненіямъ своимъ

(*) Сочинитель многихъ Комедій и прекраснаго романа *Маріанна.* Ж.

извѣстенъ какъ человѣкъ проницательнаго и тонкаго ума, онъ почиталъ себя обязаннымъ во всякое время имѣть *при себѣ* свой умъ; безпрестанно искалъ такихъ идей, которыя легко бы можно было представить въ противуположности, раздробить или смѣшать, и соглашаясь, что такая-то вещь справедлива, прибавлялъ всегда: до *нѣкоторой степени*, въ *нѣкоторомъ смыслѣ*; всегда находилъ изключенія, отличія, оттѣнки, ему одному примѣтныя. Такая работа вниманія была затруднительна и для него и для другихъ; за то не рѣдко производила онѣ щастливыя мысли, яркіе, быстрые лучи свѣта. Безпокойные взгляды *Мариво* заставляли думать, что онъ не былъ увѣренъ въ своихъ успѣхахъ и пріобрѣтенныхъ и ожидаемыхъ. Не льзя вообразить самолюбія подозрительнѣе и щекотливѣе — но онъ щадилъ другихъ, и его оставлялъ въ покоѣ.

*

Геснеръ — говоритъ Гж. Жанлисъ — есть *добрый* великій человѣкъ; которому удивляешься безъ замѣшательства; съ которымъ говоришь свободно; съ которымъ можешь забыться, котораго въ первую минуту знакомства полюбишь отъ всего сердца, какъ милаго, стариннаго друга. Онъ гулялъ вмѣстѣ со мною по берегамъ

Лимматы. „Здѣсь, говорилъ онъ, мечталъ я о своихъ пастухахъ и пастушкахъ; здѣсь родились мои Идиллїи.“ Я не забыла спросить, какое изъ сочиненїй своихъ почитаетъ онъ лучшимъ — вопросъ, который обыкновенно дѣлаютъ великому Писателю, надѣясь имѣть удовольствїе съ нимъ не согласиться, что бы онъ впрочемъ ни отвѣчалъ; но Геснеръ связалъ мнѣ языкъ своимъ отвѣтомъ. Болѣе другихъ, сказалъ онъ, люблю я *Перваго Мореплавателя*; я писалъ его для жены, будучи истинно щастливъ, въ то время, когда любовь моя къ ней только оначиналась. — Теперь и я предпочитаю Перваго Мореплавателя *Смерти Авеля*. Геснеръ съ любезнымъ добродушїемъ пригласилъ меня къ себѣ, и я, признаться, очень была любопытна видѣть ту женщину, которая могла воспламенить Германскаго Теокрита; воображенїе представляло мнѣ ее въ видѣ пастушки, а жилище Геснера прелестнымъ шалашемъ, на берегу ручья, въ тѣнистой долинѣ, гдѣ слышалось пѣнїе соловья, воркованїе горлицъ, и подъ ногами разцвѣтали розы. — Прїѣзжаю къ нему, иду черезъ огородъ, и вижу на грядахъ капусту, рѣпу, морковь: это разстроило нѣсколько мою эклогу. Вхожу въ домъ: облака табашнаго дыму меня окружаютъ; вижу Геснера въ *туманѣ*;

за столомъ, съ кружкою пива, и подлѣ него добрую женщину, очень пріятнаго лица, въ простомъ казакинѣ, въ чепчикѣ, съ чулкомъ: это была Гж. Геснеръ. Но ласковый, добросердечный ихъ пріемъ, согласіе, нѣжность къ дѣтямъ, простота, невинная веселость могутъ служить образцемъ тѣхъ чистыхъ нравовъ, которые описаны въ Идиллїяхъ Геснера. Я видѣла передъ собою картину золотаго вѣка, не пышную, не блестящую, но истинную и простую. Минуты, которыя такъ быстро пролетѣли для меня въ благословенномъ жилищѣ Соломона-Геснера, причисляю къ щастливѣйшимъ и самымъ невиннымъ минутамъ моей жизни.

V.

Къ друзьямъ.

(Писано въ 1803.)

Повсюду и всегда, о братья! смерть за нами:
Безпечной юности на щастливыхъ лугахъ
Таится хитрая межь дѣтскими играми;
Насъ ловитъ, спутанныхъ суетъ земныхъ въ сѣтяхъ;

И каждый быстрый мигъ всемощныя посланникъ,
„Готовься! онъ гласитъ, готовься: смерть съ тобой!“ —
Не знаетъ человѣкъ, сей жалкій, бѣдный странникъ,
Гдѣ долженъ положить дорожный посохъ свой!

*

Почто же мучиться въ послѣдній часъ тоскою?
О милые! почто смущать великій часъ,
Къ которому добро и зло готовятъ насъ? —
О томъ, о томъ скорби душою,
Чего не думалъ ты лишиться никогда!
Конецъ живущаго чреда!
Господь беретъ, что далъ — свой даръ заимообразной! . . .
Лишь буйственной душѣ, порокомъ безобразной,
Прилично Сильнаго за то одно судить,
Что бренность вѣчностью для ней не можетъ быть,
Что онъ съ безсмертіемъ намъ не далъ бѣдъ безсмертныхъ.

*

Смотри — въ дорогахъ неизсчетныхъ
Съ тобой, и предъ тобой, и за тобой идутъ
Всѣ сродники твои, все, что для сердца мило;
Но, ахъ! коль многихъ нѣтъ! . . . тамъ другъ твой, тамъ отецъ!

Зовутъ тебя, зовутъ! а ты . . . . съ тоской унылой
Срѣтаешь радостный конецъ
Разлуки — съ горестью борьбы уединенной!

*

О вы, хранимые рукою сокровенной!
Ѳ вы, которые со мной
Несете общій крестъ, сражаясь со врагами:
Нещастьемъ, суетами,
И злобой, и собой!
Ужель прольете токи слезны,
Коль другъ утраченный, коль спутникъ вашъ любезный
Отъ бѣдствій сихъ найдетъ спасенье прежде васъ? —
Хотите ли, чтобъ вашъ знакомый, скорбный гласъ,
Проникнувъ въ райскую обитель,
Мое блаженство отравлялъ,
Чтобъ я средь радостей и тамъ о васъ рыдалъ?
Нѣтъ! нѣтъ! — „Рыдай о злыхъ!“ велитъ земли Спаситель.
О спутники! тогда не пожалѣйте слезъ,
Когда, забвенный отъ Небесъ,
Поправъ и честь, и долгъ, и истину святую,
Униженный душей, узнаю плѣнъ страстей;
И волей уклонясь отъ праведныхъ путей,
Имъ въ буйствѣ предпочту стезю порока злую —

Забуду и себя и незабвенныхъ васъ. . . .
Вотъ смерть ужасная, разлука невозвратна!
Тогда оплачте вы стократно
Не смерть, но моего рожденья лютый часъ!

Мрзлкв.

VI.

Три сестры.

(*Видѣніе Минваны*).

Вся наша жизнь была бы однимъ послѣдствіемъ несвязныхъ и скучныхъ сновидѣній, когда бы съ настоящимъ не соединялись тѣсно ни будущее, ни прошедшее — три неразлучныя эпохи: одна украшаетъ другую, одна отъ другой заимствуетъ прелесть.

Нынѣ минуло мнѣ пятнадцать лѣтъ, я гуляла по берегу рѣки: пріятное, меланхолическое воспоминаніе о прошедшемъ наполняло мою душу — тогда была я щастлива, я щастлива и теперь, и въ будущемъ предчувствую одно щастіе! Прошедшее, настоящее и будущее сливаются для меня въ одно пріятное чувство!

Солнце спокойно склонялось къ голубымъ холмамъ, вечерніе лучи его

золотили поверхность озера, мѣлкіе острова на немъ разсѣянные, будучи осыпаны розовымъ блескомъ запада, казались воспламененными и прозрачными. Вечерній вѣтерокъ разливалъ прохладу; все успокоивалось; стада бѣжали съ полей, пастушій рогъ вторилъ отдаленному соловью, и пѣсня рыбака, который одинъ плылъ на маленькой лодкѣ посреди озера, неслась ко мнѣ по гладкой поверхности водъ.

Я шла задумавшись, — нечувствительно очутилась у входа зеленой дубовой рощи, растущей на полугорѣ, и вдругъ вижу передъ собою трехъ молодыхъ дѣвушекъ, совершенно сходныхъ лицемъ, прекрасныхъ, цвѣтущихъ какъ Майскій день. Одна сидѣла подъ старымъ дубомъ, облокотившись на урну, обвитую лиліями, незабудками и кипарисомъ; другая лежала небрежно на травѣ подъ розовымъ кустомъ, а третья смотрѣла на заходящее солнце: въ глазахъ ея блистало какое-то сверхъестественное пламя; величественное лице, озаренное лучами солнца, казалось божественнымъ. Я удивилась, не знала, идти ли къ нимъ, или удалиться; но одна изъ нихъ — та, которая лежала подъ розовымъ кустомъ — подлетѣла ко мнѣ какъ легкой вѣтерокъ

и улыбаясь сказала: милый другъ! не удаляйся, пойдемъ со мною; я познакомлю тебя съ сестрами. Сядь подъ этотъ розовый кустъ: розы мои такъ же чисты и нѣжны, какъ твоя красота; ихъ сладкій запахъ такъ же привлекателенъ, какъ непорочность твоей души, и самая жизнь твоя не иное что, какъ распускающаяся роза! Да сохранятся вѣчно ея пріятность, ароматы и свѣжесть!

Мы взялись за руки и побѣжали; новая знакомка моя, подавая мнѣ розу, сказала: подарокъ въ день твоего рожденія! Старшая сестра — та, которая сидѣла подъ дубомъ, облокотившись на урну — устремила на меня задумчивый взглядъ, и душа моя невольно наполнилась уныніемъ, когда я всмотрѣлась въ черты ея лица, веселаго, но вмѣстѣ и прискорбнаго: тайная сила влекла меня къ ея сердцу, но я не смѣла приближиться и молчала.

„Ты насъ не знаешь, мой милый другъ! сказала она мнѣ ласково: мы сестры. Я называюсь *Прошедшее*; имя средней моей сестры, которая подарила тебѣ розу, *Настоящее*, а младшей *Будущее*. Простолюдимы называютъ насъ: *Вчера*, *Нынѣ*, *Завтра*. Мы неразлучны: тотъ, кого полюбитъ одна, становится любе-

зенъ и другимъ; противный одной, необходимо долженъ быть противенъ и прочимъ.

„Милая Минвана, прекрасное созданіе Природы! ты будешь, будешь намъ любезна — ты рождена для щастія: Святое Провидѣніе сохранитъ тебя на пути жизни.

„Теперь, начиная только жить, ты можешь и должна любить одну сестру мою *Нынѣ*, пріятную, живую. Другъ мой! играй душистыми розами, которыя она даритъ тебѣ съ веселою улыбкою; знай, о Минвана! что свѣжесть и ароматы ихъ не изчезнутъ, доколѣ въ сердцѣ твоемъ, еще спокойномъ и чистомъ, сохранится невинность.

„Дружась съ сестрою моею *Нынѣ*, ты приготовишься любить и меня и сестру мою *Завтра*; наступитъ, наступитъ время, когда почувствуешь, что дружба наша для тебя необходима, — желанія и надежды откроются въ безмятежной твоей душѣ, а розы *настоящаго* - - - - : не всегда родятся безъ шиповъ.

„Тогда, мой другъ, моя привлекательная, тихая Минвана, веселая *Завтра* да-

будетъ твоимъ прибѣжищемъ! Смотри... она указываетъ тебѣ на отдаленный западъ: тамъ сїяетъ величественное солнце, тамъ ясный закатъ напоминаетъ о ясномъ утрѣ!

„Мой другъ! наслаждаясь непорочно розами *Настоящаго*, ты будешь съ веселїемъ чистымъ, съ надеждою безмятежною смотрѣть на сїю привлекательную отдаленность *Будущаго*: Веселїе и Надежда сопутницы Непорочности!

„И тогда, мой другъ, когда, обманутая красотою розы, уколешься ея шипомъ, спокойная довѣренность къ сестрѣ моей *Завтра*, единый взглядъ на очаровательные предметы, которые она открываетъ въ дали, должны усладить твое страданїе. Но такое услажденїе получаетъ одна непорочность!

„Иногда — о, сохрани тебя Творецъ, моя невинная Минвана! — иногда непрїязненный жребїй затмѣваетъ утѣшительный блескъ отдаленнаго; *Будущее* скрывается; самое *Настоящее*, утративъ свою веселость, облекаетъ себя покровомъ печали. . . . . Минвана! сестры мои, привлекательныя лицемъ, непостоянны: люби ихъ, но берегись измѣны!

„Въ сіи минуты испытанія, минуты одиночества души я буду съ тобою . . . . во мнѣ ищи утѣшителя и друга. Я твоя; *Прошедшее* съ тобою неразлучно! Близь урны моей оживетъ для тебя утраченное въ *Настоящемъ* и замѣнятся веселые призраки *Будущаго*; близь урны моей, подъ сумракомъ кипариса, обитаетъ *Воспоминаніе*, которое говоритъ о томъ, что было и чего уже нѣтъ; задумчивая *Меланхолія*, которая наслаждается скорбію, любитъ одно минувшее, носится мыслію надъ гробами, и въ сѣтованіи о мертвыхъ находитъ сладость. Съ Невинностію, твоею подругою, приди подъ сумракъ моего кипариса: въ бесѣдѣ ихъ найдешь отраду! близь урны моей ты будешь наслаждаться сама собою, и нечувствительно съ лица *Настоящаго* спадетъ печальной покровъ; прискорбная *Нынѣ* опять улыбнется, и вѣтреная *Завтра* опять прилетитъ къ тебѣ съ своими мечтами.

„О мой другъ! придетъ время оставить цвѣтущую долину жизни: тогда ни горестныя моленія дружбы помедлитъ, не удаляться, ни тщетная привязанность къ прелестному бытію, которое угасаетъ, ни что не удержитъ тебя посреди милыхъ, покидаемыхъ навѣки!

„Тогда явимся передъ тобою вмѣстѣ, въ новомъ сіяніи, преображенныя, навсегда неразлучныя! Какимъ восхитительнымъ блескомъ озарится для тебя отдаленіе будущаго! Безсмертіе, оправданіе надеждъ и вѣры, награда . . . . о Минвана! вся твоя жизнь: да будетъ приготовленіемъ къ сей минутѣ!

„Иди, мой другъ, иди не опасаясь той неизвѣстности, которою покрыты пути сей жизни: небесное Провидѣніе твой хранитель! вѣрь Его присутствію, вѣрь Его наградамъ! Щастіе неотъемлемый удѣлъ непорочности! Но гдѣ и когда? . . . . это тайна."

Она замолчала. Въ эту минуту закатилось солнце, и небо, и воды, и поля померкли; ищу глазами прелестныхъ Богинь, но привидѣніе изчезло . . . . чувствую одно вѣяніе вѣтерка, благовоніе лилій и розъ, слышу одну гармонію источника, тихо лїющагося у ногъ моихъ по камнямъ.

Съ новыми чувствами, съ новыми мыслями возвращаюсь домой — нынѣшній вечеръ никогда не загладится въ моей памяти!

ПОЛИТИКА.

VII.

О политическихъ поступкахъ Англіи.

Британскіе Министры въ началѣ нынѣшняго года не имѣли времени думать ни о внутреннемъ состояніи своего отечества, ни о союзникахъ Англіи, ни о Политикѣ Европы; важнѣйшія заботы занимали ихъ дѣятельность: заботы о сохраненіи первыхъ государственныхъ мѣстъ для себя и доставленіи выгодныхъ людямъ, приверженнымъ къ ихъ пользѣ. Давно не видали между Министрами Британскими такихъ интригъ, соединенныхъ съ такимъ безстыднымъ пренебреженіемъ обязанностей Патріота, съ такимъ возмутительнымъ эгоизмомъ. Отечество, Европа и цѣлый міръ были забыты.

Нападеніе на южную Америку было столь же неосновательно обдумано, какъ и нападеніе на Неаполь, Константинополь и Египетъ. Не только въ нынѣшнемъ положеніи вещей, но въ самыхъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ Англія не

могла бы долго сохранить завоеваній своихъ въ Испанской Америкѣ: Буэносъ-Айресъ, какъ всѣ предсказывали, былъ скоро потерянъ.

Щастіе открывало Правительству Британскому вѣрный случай укоренить свою власть въ сей части міра: Генералъ Миранда готовилъ всеобщее возмущеніе, и нѣкоторый успѣхъ уже увѣнчалъ его дѣйствія. Въ такихъ обстоятельствахъ Англія могла бы предпринять и исполнить нѣчто великое; но Министры ея, чуждые великимъ идеямъ, и тутъ не измѣнили своему характеру: оставленный Миранда, не сдѣлавъ еще ничего важнаго, имѣлъ нещастіе видѣть погибель своихъ сообщниковъ; Ангелъ хранитель Испаніи, разпространивъ между врагами ея ужасъ, умертвилъ возмущеніе въ самомъ зародышѣ; возмущеніе, которое для Англіи, владѣвшей Буэносъ-Айресомъ, могло бы имѣть важнѣйшія послѣдствія.

Исторія Британніи съ 1790 года вообще представляетъ однѣ ошибки или неудачи. Сильный духъ Націи, могущество ея флотовъ, искусство и смѣлость ея мореходцевъ, познанія и опытность Адмираловъ ея оставались безъ дѣйствія, или употребляемы были въ однихъ предпріятіяхъ ничтожныхъ. Для всѣхъ наро-

довъ мореплаванїе сдѣлалось опасно; система блокады разпространилась: блокадою пристаней неутральныхъ — которая вредила и самой Англїи, возбуждая противъ нее негодованїе мирныхъ нацїй, во всяное время опасное для торгующаго народа — хотѣли положить препону, слишкомъ неважную сильному непрїятелю. Наполеонъ смѣялся такимъ безполезнымъ напряженїямъ, которыя причиняли одну частныя безпокойства побѣдителю, но не могли удержать его въ быстромъ теченїи. Ужасный флотъ, подобный Британскому, можетъ сдѣлать много; но для порабощенїя, сохраненїя и преобразованїя обширныхъ областей нужны великїя армїи, которыя могли бы дѣйствовать на землѣ: онѣ одне производятъ рѣшительный перевѣсъ въ дѣлахъ политическихъ; флоты зависятъ отъ моря и острововъ — мѣль, защищающая низкїй берегъ, можетъ положить имъ преграду.

Амїенскїй трактатъ былъ *сносенъ* для Англїи; и никогда Британскїй народъ не желалъ такъ сильно прекращенїя войны, какъ въ то время; въ Журналахъ называли его *ненарушимымъ*; добрые Филантропы, чувствуя необходимость покоя, радовались напередъ общему согласїю нацїй: но дальновидные люди пред-

сказывали, что миръ не продолжится, и не ошиблись — Англія сама бросила перчатку, и кто же былъ начинщикомъ войны? Аддингтонъ, миролюбивый, прямодушный, расположенный къ добру! но имъ управляли честолюбивые люди, обольщаемые одною надеждою корысти, и война возгорѣлась.

Франція не хотѣла нарушать мира; Наполеонъ настоялъ на томъ, чтобы очистили Мальту, но онъ не имѣлъ намѣренія напасть на этотъ островъ, огражденный Британскимъ флотомъ — Аддингтонъ, забывъ о Ганноверѣ и мечтая побѣдить сильнаго Бонапарте одними кораблями, поспѣшилъ вызвать Англійскаго Посланника изъ Парижа.

И теперь, по прошествіи четырехъ лѣтъ, когда намѣренія и средства открылись, и теперь еще поспѣшность сего Министра для насъ непостижима! Первыми слѣдствіями объявленной имъ войны были: потеря Ганновера, отданнаго, можно сказать, добровольно; кровопролитія на островѣ С. Доминго, гдѣ скоро явилась новая Имперія Негровъ и общее вооруженіе Британской націи, которой грозила высадка — военный обманъ, причинившій великой вредъ ея промыш-

ленности и торговлѣ, чрезмѣрные разходы и совершенный во всѣхъ частяхъ безпорядокъ.

Гордые Англичане имѣли безразсудность желать не только покушенія Французовъ сдѣлать высадку, опаснаго для сихъ послѣднихъ по причинѣ сильнаго Британскаго флота; но самой высадки, въ надеждѣ — которая оживляла большихъ и малыхъ — въ надеждѣ, что побѣдителем Европы найдутъ на берегахъ Британіи свою могилу. Щастливы они, что гордое, и, можно сказать, великодушное желаніе ихъ не исполнилось; люди, которымъ положеніе вещей извѣстно, съ математическою точностію предсказывали развязку.

Провидѣніе отвратило сіе безпримѣрное нещастіе отъ Англіи ..... какія же слѣдствія? Многія прекрасныя провинціи Австріи, многія прежде цвѣтущія и мирныя земли, половина Прусскаго Королевства и самая конституція Германіи принесены въ жертву спасенію Англіи! Но Англія благодарна ли за сіи пожертвованія? перемѣнилась ли ея морская система? укрощено ли ея самовластіе на Океанѣ, которымъ многіе миролюбивые города Германіи были утѣсняемы? Нимало! на-

противъ! Безчисленное множество Нѣмецкихъ купцовъ лишились своего имущества на моряхъ: корабли и товары ихъ взяты, подъ самыми ничтожными предлогами отведены въ Англїю, и тамъ, подъ эгидою Британскаго правосудїя, причислены къ собственности Англичанъ. Англїя, которая превозносится правотою и уваженїемъ къ человѣчеству, рѣшилась послѣдовать жестокой системѣ уничтоженїя: города, прежде цвѣтущїе и щастливые, Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Альтона, Глинштатъ разорены безпрестанными, совершенно безполезными Англїйскими блокадами; благосостоянїе ихъ потрясено въ своемъ корнѣ; какую замѣну ни приготовила бы для нихъ судьба, не скоро возвратятъ они утраченное въ первомъ его блескѣ: настоящее поколѣнїе должно отказаться отъ сей надежды.

Въ Англїи давно привыкли пренебрегать уваженїемъ Европейскихъ Державъ и ихъ желанїемъ сохранить согласїе съ Правительствомъ Британскимъ; она не избѣгала, но, можно сказать, всегда искала разрыва. Несогласїя, одно за другимъ, произходили между ею и сѣверными Американскими областями — что обыкновенно подавало къ нимъ поводъ? Морской дес-

потизмъ Британцевъ, который Правительство Англіи, съ нарушеніемъ всѣхъ правъ и условій, всегда старалось поддерживать. Новое, недавно открывшееся, такого же роду несогласіе съ Американцами можетъ, въ нынѣшнее время, имѣть самыя непріятныя послѣдствія для Англіи.

Въ началѣ 1807 года многіе изъ Членовъ Парламента порицали Министръ въ, возбудившихъ справедливую ненависть противъ Англіи во всѣхъ народахъ Европы — напрасно! Министры въ тоже самое время умышляли о новомъ несправедливомъ и варварскомъ распространеніи власти ея: жребій палъ на Данію, мирную, невинную Данію, которая, безпечно и не предвидя опасности, смотрѣла на отдаленное пламя военнаго пожара.

Рѣшительное намѣреніе Наполеона, запереть для Англичанъ всѣ пристани Европы — намѣреніе, которому надлежало исполниться по заключеніи Тильзитскаго мира — воспламенило всю ярость владѣтелей Океана! они хотѣли сберечь для себя по крайней мѣрѣ Зундъ, сберечь какимъ бы то ни было средствомъ, и самымъ несправедливымъ и самымъ жестокимъ, хотя оставалось одно и совершенно неви-

ное, котораго не уважили; именно: наблюдательнымъ флотомъ могли бы они сохранить свободное плаваніе черезъ проливъ, и тогда достигли бы своей цѣли, не оскорбивъ ни человѣческихъ, ни народныхъ правъ. — Но что мы видѣли напротивъ? Данія даетъ свободный пропускъ Англійскому флоту, снабжаетъ его съѣстными припасами; Англичане выходятъ на берега Зеланда, и бомбами своими обращаютъ въ пепелъ Копенгагенъ.

Могло ли надѣяться Правительство Британніи, чтобъ благородный Датскій Кронъ-Принцъ согласился отдать морскую силу свою на произволъ ея власти? Въ Сенъ-Джемсѣ объ этомъ не думали; и для сего-то Англійскіе корабли нагружены были такимъ множествомъ ракетъ и бомбъ, для сего дано было повелѣніе Адмиралу не щадить Копенгагена, естьли Датскій Монархъ откажется, въ угодность Англіи, унизить себя принятіемъ оскорбительныхъ для сана его условій. Сожженіе Копенгагена приводитъ въ ужасъ! Какая Сатира на нашъ просвѣщенный вѣкъ! и какое пятно въ Исторіи Британскаго народа! Слѣдствія сего возмутительнаго поступка должны быть важны! — можетъ быть это по-

слѣднїй ударъ надменному могуществу Британцевъ!

Но Англїя не сохранила владычества надъ Зундомъ! Навѣрно предсказывали, что флотъ ея оставитъ берега Зеланда, и предсказанїе сбылось; думать надобно, что будущею весною опять увидимъ его на водахъ Балтїйскихъ. Какой успѣхъ ни имѣли бы сїи упорныя сраженїя за одинъ морскїй проливъ; но слѣдствїя ихъ будутъ, вѣроятно, имѣть великое влїянїе на миръ и его условїя! Одинъ ослѣпленный можетъ не желать, чтобы унизили наконецъ высокомѣрїе и морскїй деспотизмъ Англїи; время ей доказать, что мало однихъ флотовъ для укорененїя власти; что въ однихъ многочисленныхъ армїяхъ заключается сила Державъ; что ими только можетъ рѣшиться жребїй народовъ.

Не должно отчаяваться въ мирѣ. Всѣ Государства болѣе или менѣе изнурены войною, и въ настоящемъ положенїи дѣлъ для всѣхъ должны быть очевидны ея невыгоды. Однимъ продолжительнымъ спокойствїемъ загладятся приключенныя ею бѣдствїя. Но Англїя не можетъ надѣяться славнаго мира; и самое спокойствїе Францїи будетъ для нее опасно; дѣятельность Наполеона вооружитъ

флоты, ужасная сила его на землѣ подкрѣпится равно ужасною на водахъ: вообразитежь Французскій флотъ, соединенный съ Испанскимъ, Голландскимъ, Италіанскимъ и Греческимъ! Что будетъ тогда единовластіе на моряхъ, похищенное народомъ Британніи?

Архенгольцъ.

VIII.

Георгій Петровичъ Черный, предводитель Сербовъ.

Храбрые Сербы давно обратили на себя глаза Европы. До нынѣшняго времени были они смирный, совсѣмъ невоинственный народъ; теперь непобѣдимы, презираютъ опасности, приводятъ въ трепетъ сильнаго непріятеля.

Сербія земля плодородная; жители ея обыкновенно питаются землепашествомъ и скотоводствомъ; доселѣ вели они тихую жизнь, но тяжесть Турецкаго деспотизма наконецъ превзошла мѣру ихъ терпѣнія: они вооружились, выгнали изъ своей земли Турецкихъ начальниковъ; загорѣлась война, въ которой почти

всегда удача была на сторонѣ Сербовъ, дѣятельныхъ, быстрыхъ, искусныхъ, одушевленныхъ мщеніемъ и патріотизмомъ. Ихъ полководецъ есть Черный Георгъ, или Георгій Петровичь, прозванный Чернымъ (Czerni, сага), котораго Турки еще до возмущенія Сербовъ нѣсколько разъ покушались умертвить. Мужествомъ и щастіемъ пріобрѣлъ онъ важное достоинство Предводителя, и теперь — такъ сказано въ одномъ письмѣ изъ Презбурга — Сербы наименовали его своимъ Княземъ.

Черный Георгъ — человѣкъ грубый, необразованный, несвѣдущій — имѣетъ дѣятельный и благородный духъ. Судьба Сербіи лежитъ на его сердцѣ; онъ не пощадитъ жизни для блага своей націи. Георгъ, получивъ самое дурное воспитаніе, не умѣетъ ни читать, ни писать; но взоръ его дальновидѣнъ, разсудокъ чрезвычайно гибокъ и ясенъ: съ перваго разу открываетъ онъ выгодную сторону вещей, и видитъ лучшее средство достигнуть своей цѣли. Опасности его не ужасаютъ; обдумавъ свои намѣренія хладнокровно, онъ исполняетъ ихъ съ живостію, смѣло и быстро. Онъ не скрываетъ своего невѣжества, и часто въ разговорахъ

жалуется на худое воспитанїе, полученное имъ во младенчествѣ. Ненависть его къ Туркамъ безпредѣльна: онъ лучше сто разъ потеряетъ жизнь, нежели согласится подвергнуть своихъ соотечественниковъ деспотизму Дѣевъ (Турецкихъ начальниковъ); но онъ признается внутренно, что Сербамъ *однимъ* не льзя долго противиться могуществу страшнаго непрїятеля. Сербы его обожаютъ за храбрость и прямодушїе: Георгїй Петровичь Черный кажется имъ выше человѣка; съ нимъ готовы они на всякую опасность и даже на вѣрную смерть. Непрїятели Георга обвиняютъ его въ пьянствѣ.

Онъ съ уваженїемъ говоритъ о Нѣмцахъ, и завидуетъ имъ въ образованїи умственномъ, котораго не могъ получить, имѣвъ бѣдныхъ родителей и будучи произхожденїя низкаго. Прежде всеобщаго возмущенїя жилъ онъ въ деревенькѣ *Раменини*, поблизости Бѣлграда. Зять его, Станоэ Главако, прекрасный, веселый молодой человѣкъ, не уступаетъ Георгу въ воинственномъ мужествѣ, и также одаренъ умомъ необыкновеннымъ.

Во всей Сербїи считается 900,000 жителей; но одна Сербская армїя заключаетъ въ себѣ отъ 80 до 100,000 солдатъ: слѣ-

довательно всякой взрослый человѣкъ, могущій носить оружіе, долженъ непремѣнно идти въ поле.

Черный Георгъ обыкновенно ходитъ въ солдатской курткѣ, съ саблею, двумя пистолетами за поясомъ и маленькимъ ружьемъ; на лицѣ его написано прямодушіе; глаза отмѣнно выразительны и быстры.

(*Изъ Нѣм. Журнала.*)

IX.

Извѣстія и замѣчанія.

Участь Португаліи рѣшилась. Генералъ Жюно и 20,000 Французовъ въ Лиссабонѣ. Россійскіе корабли, подъ командою Синявина, овладѣвъ — такъ пишутъ въ газетахъ — Португальскимъ флотомъ, находившимся въ пристани, заняли устье Тага и спокойно стоятъ подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей, которыя не подпускаютъ къ нимъ непріятеля. Принцъ Бразильскій оставилъ свое отечество. Сиръ Сидней Шмитъ, который съ сильною эскадрою блокировалъ Лиссабонскую гавань, принялъ на корабли свои Правителя Португаліи съ супругою, дѣтьми и многими знатными, въ числѣ которыхъ

находятся Герцогъ Кадовалъ, Министръ Араїо и Маркизъ Помбалъ. За ними слѣдуютъ всѣ Офицеры морскаго и сухопутнаго войска, питомцы военной школы, и еще нѣкоторыя изъ богатѣйшихъ Лиссабонскихъ фамилій; 7000 отборныхъ Португальскихъ солдатъ, находившихся въ крѣпости Пенихе, которая, какъ извѣстно, равняется съ Гибралтаромъ, сдавъ ее Англичанамъ, сѣли на корабли и соединились съ эскадрою Сиръ Сиднея Шмита. „Я хотѣлъ вступить въ союзъ съ Державами Европы — такъ говоритъ Принцъ-Регентъ въ оставленной имъ прокламаціи — предлагалъ одно условіе: чтобы иностранныя войска не занимали предѣловъ Португаліи; оно не принято, и я, не будучи увѣренъ въ собственной безопасности, принужденъ оставить свою резиденцію, ѣду въ Бразилію; мѣстомъ своего пребыванія, до заключенія общаго мира, избираю Санъ-Себастіанъ. Разлучаясь съ отечествомъ, прошу моихъ подданныхъ съ терпѣніемъ и покорностію сносить постигшій ихъ жребій: еще не теряю надежды опять съ ними соединиться!" — Передъ отъѣздомъ Принцъ-Регентъ велѣлъ загвоздить всѣ пушки, находившіяся на укрѣпленіяхъ Белема. Сиръ Сидней съ шестью кораблями и 6000 войска провожаетъ его въ Бразилію: думаютъ на-

добно, что южная Америка скоро будетъ театромъ важныхъ произшествій: 13000 Португальскихъ и Англійскихъ союзныхъ войскъ съ 23 тысячами Бразильскихъ нападутъ на Испанскія владѣнія, находящіяся въ сей части свѣта — но храбрый Сиднейй найдетъ тамъ противника не менѣе храбраго: Линье, освободитель Буэносъ-Айреса, нынѣ Фельдмаршалъ Испанскій и Вицерой Парагвая, защищаетъ южную Америку. Очевидно, что нещастный экс-Регентъ есть орудіе властолюбивой Англіи: принужденный выбирать одно изъ двухъ — или зависимость отъ Французовъ, или зависимость отъ Англичанъ — онъ выбралъ послѣднее, и теперь добровольно открываетъ Британскому войску дорогу во внутренность Бразиліи; скоро узнаемъ послѣдствія сего рѣшительнаго поступка. Между тѣмъ, въ Лиссабонѣ все спокойно, довѣренность къ Французамъ неограниченна; въ самой день вступленія Французскихъ войскъ ни одна городская лавка не запиралась. Посѣтители наблюдаютъ порядокъ и тишину; одни Офицеры помѣщены въ домахъ гражданъ, солдаты живутъ въ монастыряхъ и казармахъ. Не знаемъ еще, на кого падетъ жребій носить Португальскую корону.

*

Наполеонъ, какъ извѣстно, еще не возвратился изъ Италїи; онъ путешествуетъ съ обыкновенною своею быстротою; страшные снѣга Цениса, въ которыхъ пропалъ одинъ изъ Императорскихъ экипажей, не могли его задержать: отдохнувъ нѣсколько часовъ въ гошпиталѣ, построенной имъ на сей горѣ, поѣхалъ онъ въ Миланъ, потомъ, чрезъ Верону, Виченцу, Фузино, въ Венецїю, въ которую прибылъ 29 Ноября, сопутствуемый Королемъ, Королевою и Кронъ-Принцемъ Баварскими, Италїйскимъ Вицероемъ, Великимъ Герцогомъ Бергскимъ и Принцемъ Нёшательскимъ. Въѣздъ его имѣлъ видъ трїумфа: тысячи гондолъ провожали великолѣпную Императорскую пэотту; военная музыка гремѣла, со всѣхъ крѣпостныхъ бастїоновъ стрѣляли изъ пушекъ; смѣшанныя восклицанїя народа наполняли воздухъ; всѣ стѣны домовъ завѣшены были коврами, богатыми матерїями, и на большемъ Каналѣ — такъ называемой главной улицѣ Венецїанской — сооружена была трїумфальная арка, въ которую въѣхало Наполеоново судно. Императоръ остановился въ бывшемъ Прокураторскомъ замкѣ; 1 го Декабря осматривалъ гавань Маламокко, и въ его присутствїи, при громѣ пушекъ, спущены были два корабля на воду. Декабря 2 го

дана была такъ называемая Венеціанская *Регатта*, или ристаніе гондолъ: зрѣлище великолѣпное, которое ошъ множества зрителей, Венеціанъ и чужестранцевъ, привлеченныхъ въ Венецію любопытствомъ видѣть Французскаго Императора, было еще великолѣпнѣе. Наполеонъ, въ присутствіи своемъ въ Венеціи, наименовалъ ее свободною пристанью, подарилъ на исправленіе гавани знатную сумму денегъ и распространилъ городовой ея округъ. — Думаютъ, что изъ Венеціи поѣдетъ онъ на границы Австрійскія и посѣтитъ Далмацію; между тѣмъ 10,000 Императорской Французской гвардіи идутъ черезъ Байонну во внутренность Испаніи; дорожные экипажи ожидаютъ Наполеона на границахъ Испанскихъ. Увѣряютъ, что, осмотрѣвъ армію, назначенную дѣйствовать въ Турціи, отправится онъ въ южную Испанію, гдѣ все съ великою поспѣшностію приготовляется къ осадѣ Гибральтара: вѣроятно, что самъ Наполеонъ будетъ распоряжать движеніями осаждающей арміи. — Въ средней Италіи все предвѣщаетъ важныя перемѣны. Папа, какъ слышно, готовится сложить съ себя достоинство Первосвященника Римской Церкви и выѣхать изъ Рима; но онъ рѣшительно отказался избрать убѣжищемъ своимъ Францію. Этрурія, Церковныя владѣнія и еще нѣсколько

мѣлкихъ областей составятъ одно такъ, называемое *Латинское* Королевство. Этрурская Королева простилась съ жителями Флоренціи, и ѣдетъ въ Испанію вмѣстѣ съ малолѣтнымъ Инфантомъ, который въ замѣну Этруріи, по договору Наполеона съ Испанскимъ Королемъ, получитъ нѣкоторыя земли на югозападѣ Европы. Люціанъ не имѣлъ свиданія съ Наполеономъ; онъ только проводилъ Іосифа, ѣхавшаго изъ Неаполя въ Венецію, до Понто - Мало, откуда, простившись съ нимъ, возвратился въ Римъ; но всѣ увѣряютъ, что Люціану дана будетъ Латинская корона. — Республика семи острововъ приведена Французами въ ужасное оборонительное состояніе. — Гессенъ Филлисталь, пришедшій въ немилость у Сицилійскаго Короля послѣ неудачной высадки на берега Неаполя, уѣхалъ въ Америку.

*

Вторая запасная Французская армія, подъ предводительствомъ Генерала Дюпона, двинулась отъ Байоны въ Испанію; въ скоромъ времени соберется на мѣстѣ ея третья. — Извѣстіе о прибытіи Лорда Мойры въ Парижъ, которымъ всѣ были обрадованы, и которое оживило надежду на скорый миръ, есть ложный слухъ, разпущенный съ намѣреніемъ нѣкоторыми разсчетливыми людьми; Парижская

Полиція старается отыскать выдумщиковъ, взволновавшихъ умы такою вѣстію.

*

Во Франціи опять начинаютъ говорить о соединеніи Религій. Въ Парижѣ напечатана книга, достойная замѣчанія: Отвѣтъ ученаго юриста Бофора Безансонскому Архіепископу, который недавно приглашалъ Протестантовъ возвратиться въ обьятія Церкви. Сочинитель старается доказать, что глава Великой Имперіи, для сохраненія единства власти, долженъ быть признанъ и *главою* Церкви; что свѣтскимъ и духовнымъ властямъ необходимо нужно дѣйствовать совокупно, дабы произвести благодѣтельную реформу въ Религіи Католической, дабы очистить ее отъ всего, противнаго Протестантамъ. Тогда, говоритъ онъ, соединеніе Религій послѣдуетъ неминуемо и будетъ *всеобщимъ*. Самые Іудеи примутъ Христіанскую вѣру: *въ лицѣ Наполеона исполнились для нихъ всѣ предсказанія Пророковъ* (!!). И Протестанты — продолжаетъ господинъ ученый юристъ Бофоръ — имѣли своего Пророка. Павелъ Рабо, отецъ нещастнаго Рабо де Сентъ-Этьеня, давно, *какъ многимъ извѣстно* (не худо бы было сказать, кто эти *многіе*), предсказывалъ слѣдующее: родится на островѣ Корсикѣ человѣкъ великій, любимецъ Божій! онъ бу-

детъ возстановителемъ Религіи Христовой и наименуетъ себя Императоромъ Французовъ: сіи необычайныя произшествія удивятъ вселенную въ 1802 году! Въ нашемъ вѣкѣ, богатомъ чудесами всякаго рода, ни что не можетъ быть удивительно, даже и пророчества, которыя — сбываются!

*

Скоро Имперія Оттоманская должна скончаться отъ дряхлости и безсилія. Политики-предсказатели назначаютъ уже минуту ея кончины; вездѣ говорятъ о союзѣ трехъ великихъ Европейскихъ Державъ, союзѣ гибельномъ для Оттоманской Порты. Страшная туча угрожаетъ Византійскому трону: 60 тысячь Французовъ идутъ въ Морею, займутъ Архипелагъ, можетъ быть, и древнюю столицу Константина . . Руская армія двинулась впередъ; Австрійская спѣшитъ на границы Турціи; 50,000 Венгровъ вооружаются. Въ Журналахъ и Газетахъ пророчествуютъ, что Греція должна возродиться: съ любопытствомъ ожидаемъ сего явленія, которое займетъ не послѣднее мѣсто между чрезвычайностями нашего времени. Древніе Греки будутъ *новымъ* народомъ въ Европѣ: утѣсняемые жестокостію Оттоманскаго ига, они были незамѣтны и не могли дѣйствовать на

ряду съ просвѣщенными Европейскими націями — вступленіе на политическую сцену откроетъ пространное поле ихъ дѣятельности и духу. Кто знаетъ! можетъ быть древній характеръ Грековъ сохранился во всей своей чистотѣ подъ бременемъ Оттоманскаго угнѣтенія; быть можетъ, самая сія недѣятельность, препятствовавшая съ одной стороны развитію ихъ силы, съ другой предохранила ихъ отъ *смѣшенія* и совершенной потери собственныхъ, національныхъ качествъ. Турки не Римляне, которые порабощали не одни народы но вмѣстѣ и характеры и нравы народовъ. Турки имѣютъ однихъ невольниковъ: Греки, притѣсняемые варварскимъ невѣжествомъ своихъ побѣдителей. но отдѣленные отъ нихъ Религіею, обычаями, слѣдственно ограниченные собою, можетъ быть, хотя отчасти сохранили древнюю, привлекательную физіономію: угнетеніе производитъ одно принужденное, такъ сказать, *внѣшнее* бездѣйствіе; но будучи всегда ощутительно — подобно болѣзни, которая безпрестанно мучитъ, и въ которой потому именно безпрестанно сохраняешь непріятное чувство бытія — оно противится усыпленію силъ и питаетъ въ нихъ нѣкоторую внутреннюю дѣятельность, которая при случаѣ должна обнаружиться и тѣмъ съ большею быстротою, чѣмъ угне-

тенїе было продолжительнѣе и скорбное чувство его жестокости живѣе. — Естьли бы Греки, вмѣстѣ съ другими народами, не преставали дѣйствовать на открытомъ театрѣ мїра, тогда случилось бы съ ними тоже, что видимъ въ Италїи и Германїи: найдете ли хотя малѣйшее сходство между нынѣшними обитателями Рима и древними республиканцами, покорившими цѣлый свѣтъ? и нынѣшнїе потомки Арминїя напоминаютъ ли о древнихъ разрушителяхъ Римской власти? Народы сїи отъ смѣшенїя съ другими народами, отъ множества политическихъ революцїй утратили свой первобытный характеръ. Но Греки . . . почему знать! быть можетъ, сїе невольничество было въ нѣкоторомъ смыслѣ ихъ спасенїемъ: древнїя сѣверныя нацїи Германїи, покоривъ могуществу своему разслабленные народы Римской Имперїи, сообщили имъ нѣкоторую часть собственной силы, которая нынѣ почти вездѣ истощилась — Турки напротивъ, наводнивши Грецїю, отдѣлили ее отъ Европы своимъ невѣжествомъ, и тѣмъ избавили отъ вреднаго смѣшенїя: временное бездѣйствїе было для Грековъ *спокойствїемъ*, и можетъ быть спокойствїемъ благодѣтельнымъ слабые, ничтожные подъ державою Императоровъ Востока, они имѣли

нужду въ переворотѣ, который возобновилъ бы истощенную энергію ихъ духа: быть можетъ, Турецкое иго было одно средство Провидѣнія! Характеръ Грековъ, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ принужденнаго покоя, имѣлъ время возвратить первобытную свою простоту; пріобрѣтенная, слѣдовательно неестественная испорченность отдѣлилась сама собою отъ качествъ природныхъ и неотъемлемыхъ, и теперь, быть можетъ, Греки возвратились на ту же степень моральнаго образованія, которую занимали до временъ Солона и Аристида, тогда, когда имѣли всю дикость и простоту народовъ грубыхъ, одаренныхъ великими качествами, но ожидающихъ творческой власти обстоятельствъ и генія необыкновенныхъ людей, чтобы разкрыться во всей обширности своего могущества! И теперь Греки, сбросивъ съ себя унизительное иго Оттомановъ, испытанные, обновленные, должны явиться посреди просвѣщенныхъ націй Европы, какъ новый и свѣжій еще народъ, полный физическихъ и моральныхъ силъ, и долговременнымъ покоемъ приготовленный къ дѣятельности, для него необходимой, ожидаемой имъ съ восторгомъ и нетерпѣніемъ. Сколько пищи для пылкаго, пробуждающагося духа ихъ! Надъ ними то же самое небо,

окрестъ ихъ тѣ же поля, очарованныя рѣки, горы и лѣса, которые видѣли Аристиды, Периклы, Платоны и Софоклы; ихъ геній, какъ и сама Природа, не могъ измѣниться въ своемъ затмѣніи: опытный взоръ Архитектора всегда узнаетъ величественный Пантеонъ въ сей безобразной грудѣ камней, которую покрываетъ дикая трава, и на которой сидитъ нечувствительный Музульманинъ, внимая съ спокойнымъ равнодушіемъ однообразнымъ звукамъ бубна! — Вліяніе, какое можетъ имѣть на Грецію новое, человѣколюбивое, просвѣщенное правленіе, неописанно! Конечно, посреди образованныхъ народовъ Европы, Греція никогда не будетъ играть той важной роли, какую играла прежде, окруженная съ одной стороны грубыми варварами Запада и Сѣвера, съ другой изнѣженными и пышными варварами Востока; но вѣрно займетъ она между ими видное мѣсто и скоро настигнетъ ихъ въ образованности и просвѣщеніи. Пусть будетъ въ Греціи Правитель, одушевленный любовію къ человѣчеству и любовію къ высокому, дайте Грекамъ согласную съ извѣстнымъ характеромъ ихъ конституцію, и Греція какъ фениксъ воскреснетъ изъ своего пепла: настоящее оживится прошедшимъ, и мрачный промежутокъ, ихъ раздѣляющій, изчезнетъ! Скоро,

скоро можетъ быть услышимъ о Спартѣ и Аѳинахъ; величественное имя Пелопонеза изгладитъ изъ памяти унизительное имя Мореи; Пирей и Фалера, возникнувъ изъ развалинъ, наполнятся безчисленными кораблями; путешественникъ, смотря на развалины Юпитерова Храма, не будетъ съ прискорбіемъ сравнивать прошедшаго съ настоящимъ, и давно погибшаго величія съ возмутительнымъ зрѣлищемъ неволи, запустѣнія, невѣжества: взорамъ его представятся великолѣпныя поля, подъ сѣнію лавровъ и миртовъ спокойныя села; на берегахъ Илиса услышитъ онъ мелодическіе звуки языка Платоновъ, и можетъ быть нынѣшніе Майноты возобновятъ предъ глазами его чудесное явленіе древней Лакедемонской Республики. Благодѣтельное возрожденіе Греціи прославитъ нашъ вѣкъ, ознаменованный въ запискахъ Исторіи кровопролитіями, возмущеніями, упадкомъ правленій и гибелью троновъ.

*

Наполеонъ угрожаетъ Британцамъ другою *высадкою*, столь же смѣлою и, можетъ быть, невѣрною въ успѣхѣ своемъ, какъ и первая. Слухъ носится, что сильная Французская армія назначена въ Остъ-Индію, и что Императоръ Австрійскій даетъ вспомогатель-

ное войско Наполеону: слишкомъ великая жертва, приносимая его могуществу. Не смѣемъ рѣшительно сомнѣваться — въ наше время ни что чрезвычайное не можетъ быть подвержено сомнѣнію! но сіе намѣреніе, быть можетъ, не иное что, какъ одна великая мечта предпріимчиваго духа, которому ни что не кажется невозможнымъ. Время откроетъ намъ тайныя мысли Французскаго Императора! Между тѣмъ Англичане *на всякій случай* хотятъ запастись (благодаря слабому характеру Португальскаго Регента) владѣніями въ южной Америкѣ, снова готовятся напасть на Египетъ, и на берегахъ Швеціи хотятъ сыграть такую же трагедію, какую недавно сыграли на берегахъ Зеланда. Адмиралъ Гудъ, явившись съ эскадрою передъ Марштрандомъ, требуетъ, чтобы немедленно были сданы ему и крѣпость и военные корабли; еще неизвѣстно, чѣмъ отвѣчали Шведы — пушечными выстрѣлами, или капитуляціею? — Въ Парламентѣ, который долженъ быть созванъ 21 Января, образуется новая партія такъ называемыхъ *посредниковъ* между Министрами и Оппозиціею; но для Министровъ, которые не любятъ ничего неутральнаго, такая новость весьма непріятна. 16 *Января.*

Пл. Адмиралтейства.

Б. Ф. Стерн

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ, 1808.

No 3.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О назначеніи человѣка.

(Отрывокъ.)

Человѣкъ! ты ищешь мѣста своего на землѣ, ты хочешь знать свое опредѣленіе? Вопроси разсудокъ и опытъ; разсмотри человѣчество; узнай, каковъ человѣкъ — бытъ долженъ и есть; взгляни на дикаго и образованнаго, Монарха, нищаго, мудреца, невѣжду, Абозиша, Вольтера, самаго себя, и Гренландца, дремлющаго въ дымной хижинѣ — всѣхъ, произведенныхъ съ одинакою цѣлію — собери голоса, уклонись подъ тѣнь Сократова явора, и сравнивай!

Мѣсто и званіе твое на землѣ — уже ли неизвѣстны онѣ тебѣ, о смертный? Неизмѣримая вселенная исполняетъ нас-

ренія Творца; Природа есть выраженіе великой мысли Его, и твари — единые знаки сего таинственнаго языка. При каждомъ новомъ пріемлемомъ ею видѣ, новая мысль Безконечнаго приходитъ въ исполненіе; животное движется и чувствуетъ согласно съ законами Создателя, и самая непокорность человѣка не можетъ ихъ нарушить; его упорство и слѣпота, переходя чудесными путями въ совершенную гармонію, удовлетворяютъ намѣреніямъ Всевышняго. Покорствовать имъ есть назначеніе всѣхъ тварей вообще и твое собственное, о смертный!

Но ты имѣешь нѣчто особенное, принадлежащее тебѣ, какъ человѣку: можешь искать совершенства и къ нему приближаться. Жизнь твоя есть непрерывное усиліе раскрыть таящіяся въ тебѣ свойства; силы твои въ безпрестанномъ стремленіи къ образованію. Умри младенцемъ или старцемъ: уже ты несравненно совершеннѣе въ минуту конца, нежели въ минуту начала, и разстояніе отъ зародыша до младенца, быть можетъ, гораздо болѣе, нежели отъ школьника до Невтона.

Не имѣя ни книгъ, ни училищъ, ни законовъ, Гренландцы проводятъ печальную, однообразную зиму свою въ тишинѣ

и семейственныхъ удовольствіяхъ, и видя просвѣщенныхъ Колонистовъ, которые безпрерывно возмущаютъ другъ друга враждою, говорятъ: конечно эти люди забыли, что они люди! Человѣкъ — чѣмъ бы онъ ни питался, хлѣбомъ, морскою рыбою, кореньями — собираетъ на землѣ безчисленное множество понятій, мнѣній, чувствъ, познаній; дикарь, разсматривающій дерево и составляющій объ немъ ясную идею, чувствуетъ, раздробляетъ, сравниваетъ, судитъ, мыслитъ, заключаетъ, словомъ, приводитъ въ движеніе всѣ душевныя силы и слѣдственно совершенствуетъ ихъ.

Мятежи, убійства, гоненія, сумасшествіе не препятствуютъ погибающимъ или служащимъ орудіями гибели пріобрѣтать на землѣ умственныя понятія. Какая малость! ты скажешь. Но знаешь ли, о человѣкъ! сколь много принадлежитъ къ одному умственному понятію? Отъ темнаго чувства въ матернемъ чревѣ до первой ясной и опредѣленной мысли — какой переходъ! какое разстояніе!

Истинное назначеніе человѣка на землѣ, общее мудрецу и невѣждѣ — хотя въ различной мѣрѣ для того и друга-

то — есть совершенство душевныхъ качествъ, согласное съ Творческими видами: высокая, благородная цѣль, искони указанная ему Провидѣнїемъ.

Совершенство! . . . . но душевныя силы человѣка способны ли безпрестанно къ нему возвышаться? Конечно! есть ли только сохранять равновѣсїе между собою и съ чувственными, тѣлесными силами — условїе необходимое. Горе тому, кто разрушаетъ сей порядокъ! Ты хочешь *изключительно* усовершенствовать единую память; но ты приводишь ее въ излишнее напряженїе, и долженъ наконецъ потерять разсудокъ.

А качества Верховнаго Правителя? . . . . О! въ какомъ блескѣ являются сїи качества, достойныя любви, достойныя обожанїя! Премудрость! Благость! — Сей несказанно мудрый, несказанно благодѣтельный Создатель человѣка, послалъ его на землю, да совершенствуетъ силы свои безпрестанною дѣятельностїю: намѣренїе, которое обнаруживается въ самой натурѣ нашихъ склонностей, желанїй, страстей, въ нашихъ удовольствїяхъ, неудовольствїяхъ, прихотяхъ и самой суетности! Человѣкъ необразованный чувствуетъ силу сихъ побужденїй, хотя не можетъ опредѣ-

лишь ее словами; образованный разбираетъ ее и тѣмъ щастливѣе, чѣмъ согласнѣе свободная воля его съ истиннымъ опредѣленіемъ склонностей, данныхъ ему натурою, съ верховною цѣлію Вседержителя.

Но сей благотворный Создатель имѣетъ ли вразсужденіи насъ еще другія намѣренія, которыя должны мы исполнить здѣсь, въ предѣлахъ земной нашей жизни? Конечно; ни единая сущность не гибнетъ; доколѣ продолжается ея бытіе, до тѣхъ поръ исполняетъ она намѣренія Неизповѣдимаго — вездѣ, на всякомъ мѣстѣ!

Но будущее состояніе человѣка соединено ли съ настоящимъ? — Такъ тѣсно, какъ всѣ намѣренія Творца, единую, неразрывную цѣпь составляющія; какъ мысли, выливающіяся одна изъ другой въ порядкѣ пространнаго, философическаго разсужденія; ни что послѣдующее не можетъ существовать безъ предыдущаго: цвѣтокъ, опадающій отъ дуновенія сѣвернаго вѣтра, сѣмя, недающее плода, тлѣютъ и разрушаются; но части ихъ, пріемля новый образъ, въ семъ новомъ образованіи своемъ не менѣе согласуются съ предначертаніемъ Создателя, и для сего — одному необходимо надлежало быть цвѣткомъ, другому сѣмянемъ.

И тамъ, о человѣкъ! и тамъ будешь служить Божеству; но силы твои должны напередъ пріобрѣсть нѣкоторую степень развитія такъ точно, какъ и начала твоего бытія напередъ хранится въ крови родителя, чтобы со временемъ ты могъ сдѣлаться человѣкомъ. Въ Божественномъ планѣ царствуетъ единство цѣли: всякая второстепенная цѣль есть въ то же время и средство; каждое средство должно быть вмѣстѣ и цѣлію. Не мысли, чтобы настоящая жизнь была одно приготовленіе, а будущая только цѣль ея, та и другая суть цѣль и средство: намѣренія Творца и измѣненія каждой сущности равно простираются до безконечности.

Смотри: небесныя врата отверзлись, голубоокая дщерь Юпитера является, сопутствуемая духомъ великаго Лейбница, ея любимца. Внимай, о человѣкъ!

„Знайте, безсмертныя чада земли! — говоритъ она — вашъ жребій во всѣхъ возможныхъ порядкахъ вещей *одинаковъ* со *всѣми* гражданами духовнаго міра. Возносенный на самую верхнюю степень и ползающій на самой низкой стремятся къ одному и тому же назначенію. Не будь, о человѣкъ! презрѣннымъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, хотя кажешься непри-

мѣтнымъ червемъ на сей пылинкѣ, изчезающей въ неограниченной обширности вселенныя. Какъ членъ духовнаго общества, какъ будущій гражданинъ Божія града, принадлежишь ты къ благороднѣйшей части творенія; что произходишь съ тобою, то равномѣрно должно произходить со всемъ необъятнымъ духовнымъ міромъ.

„Когда Всевышній Отецъ рѣшился творить міры, тогда представились очамъ моимъ возможные чертежи ихъ: надлежало избрать достойный Создателя. Я отвергла оный безпорядочный хаосъ, въ которомъ выгоды міра духовнаго приносились въ жертву инымъ намѣреніямъ; ни что высокое не должно уступать низшему; отвратила взоры при видѣ начертанія, по которому духовнымъ силамъ надлежало уничтожаться *вдругъ*; отринула чертежъ, въ которомъ силы сіи нѣсколько времени совершенствовались и потомъ опять утрачивали пріобрѣтенное — работа Сизифа! ни что не должно оставаться безплоднымъ! добро уступишь ли злу, всегда приносящему плоды свои? — Во всякомъ новомъ состояніи, вопросила я самое себя, должно ли воспоминаніе о прошедшемъ быть принадлежностію духа? Сомнѣніе мое изчезло,

когда я помыслила, что переходъ къ понятіямъ высшимъ отъ низшихъ естественно соединенъ съ воспоминаніемъ: немного случаевъ, въ которыхъ оно быть можетъ уничтожаемо. Далѣе открылось мнѣ, что воспоминаніе сіе благодѣтельно для безсмертнаго духа въ моральномъ его совершенствѣ; одно оно удовлетворяетъ строжайшему правосудію, одно оно обнаруживаетъ въ другой жизни всё темное и непонятное въ настоящей.

„Приближся, мой сынъ — продолжала Богиня, обратясь къ своему любимцу — ты мыслишь, полагаясь на вѣру чувства, что нѣтъ безпорядка ни въ какомъ начертаніи Творческомъ, что все устроено въ совершенствѣ и не имѣетъ нужды въ развитіи; но *ясность* сего увѣренія, которая озаритъ твой разсудокъ въ будущей жизни, увѣренія, что все устроено въ совершенствѣ, что многое, не будучи безпорядочнымъ, имѣло единую наружность безпорядка — не есть ли само по себѣ *развитіе*? Отецъ мой откроется каждому духу, и каждый духъ оправдаетъ Отца моего.

„Помысли еще, мой сынъ: Сократъ, сей щастливый и высокій духъ, не надѣясь и не желая награды *внѣшней*, быть можетъ, находилъ ее въ высокомъ, *внутреннемъ* чувствѣ добродѣтели — и такъ на

землѣ, въ кругу самыхъ убійцъ и клеветниковъ, ни что не казалось ему неизъясниимымъ и темнымъ. Великая душа не жаждала мщенія! Но состояніе губителей... уже ли и для нихъ не было мрака? уже ли сіи нещастные никогда не должны узнать, что мучить непорочность, терзать въ оковахъ добродѣтель, укоренять суевѣріе и быть губителями правосудія, есть гнусное злодѣйство? и души ихъ уже ли на вѣки должны сохранить свою испорченность и заблужденіе?

„И такъ, мой сынъ, ты видишь, что въ нравственномъ мірѣ не все находилось бы на своемъ мѣстѣ, когда бы настоящая жизнь не была объясняема будущею. То же самое и въ физическомъ — и вся натура твоя не возмущается ли при одной мысли, что сіи злодѣянія порочнаго и сіи горести добродѣтельнаго должны изчезнуть, какъ сновидѣнія? Гдѣжь будетъ устройство и правосудіе, когда невинно утѣсненный долженъ издыхать отъ голода на трупахъ своихъ дѣтей для того, чтобы изчезнуть и уничтожиться на вѣки? Чтожь, естьли онъ будетъ существовать и муки сіи сдѣлаются сладкими въ воспоминаніи? . . . . О божественная, усмиряющая надежда!

„Ты не одобряешь такого необоримаго желанія, такой нетерпѣливой жажды правосудія; ты сравниваешь ихъ съ низкою мстительностію черни! О мой сынъ! и самыя испорченныя склонности должны имѣть натуральный источникъ, чистый и вліянный въ душу самимъ Создателемъ. Также невозможно искусственной склонности родиться безъ помощи натуральной, какъ и посредствомъ навыка или усилій сообщить движеніе такой части тѣла, которая не имѣетъ мускуловъ. Мстительность грубой черни имѣетъ въ основаніи тайную склонность: *обнаруживать моральную злобу физическимъ зломъ*; привычка и воспитаніе, исказивъ сію невинную склонность, преобращаютъ ее въ низкую мстительность: но по сему должны ли мы смотрѣть на нее предубѣжденнымъ окомъ?“

Такъ говорила Богиня — слова ея и тихая благость, сіявшая въ небесныхъ очахъ, наполнили радостію мою душу: чувствую силу и мужество! готовъ отражать сомнѣнія, унизительныя для человѣка и его Создателя!

Какое назначеніе человѣка? вопрошаютъ меня опять. Отвѣтствую: назначеніе высокое и благородное, въ состояніи разумномъ и свободномъ исполнять

намѣренія Творца, жить, совершенствоваться, и въ совершенствѣ своемъ находить прямое щастіе.

Но въ чемъ же состоитъ назначеніе сего множества ограниченныхъ, сихъ бѣдныхъ слѣпцовъ, неспособныхъ постигнуть его силою мысли? — Въ покорномъ стремленіи къ нему безъ дальняго умствованія и разбора: тѣла небесныя не повинуются ли вѣчнымъ законамъ, для нихъ невѣдомымъ и тайнымъ?

Но сколько младенцевъ умираетъ у самыхъ сосцевъ матернихъ? — И каждый болѣе или менѣе успѣлъ образоваться, хотя бы то было посредствомъ способности чувствовать, начинающей дѣйствовать въ самой утробѣ матери. Какое множество перемѣнъ! — удивляюсь, когда помыслю! — сколько развитія до той минуты, какъ сѣмя животной твари, пріявши образъ, начнетъ ощущать голодъ, теплоту и внѣшнія впечатлѣнія! И можно ли вообразить чтобы оно, переходя изъ низшаго состоянія въ высшее, не дѣлалось способнѣе соотвѣтствовать мыслямъ Создателя? И сѣмя, недающее плода, ужели гибнетъ? О, нѣтъ! оно только отклоняется отъ обыкновеннаго пути своего, и самое сіе отклоненіе соотвѣтствуетъ Божескимъ видамъ.

Для чего же находимъ такое безчисленное множество способностей, которыя здѣсь на землѣ не получаютъ возможнаго имъ образованія? — Здѣсь на землѣ! возможнаго имъ образованія! Но развѣ Премудрость верховная не можетъ имѣть намѣреній тайныхъ? Осмѣлься отвѣчать рѣшительно! И въ настоящемъ порядкѣ вещей, сіе безчисленное множество способностей уже ли не могутъ въ новомъ состояніи соотвѣтствовать намѣреніямъ Творчимъ, не перешедши всѣхъ степеней возможнаго земнаго образованія?

Для чего же нѣкоторыя? для чего не всѣ? — Колеса въ часовой машинѣ, различныя величиною и формою, собраны съ одинакимъ намѣреніемъ: одно движется быстро, другое медленно, въ третьемъ движенія совсемъ незамѣтно. Для чего же, когда всѣ они соединены съ одинакою цѣлію, не всѣ обращаются съ одинакою быстротою или одинакою медленностію? Но таковы непремѣнные законы: единство цѣли требуетъ разнообразія въ назначеніи частей! . . .

О человѣкъ! утѣшительная вѣра да будетъ прибѣжищемъ твоимъ въ сомнѣніи!

Мендельзонъ.

II.

Бомарше въ Испаніи (*).

Я имѣлъ щастіе быть подпорою моего семейства: домашнее согласіе, тихіе, безмятежные дни, благодарность старика отца, были моею наградою за всѣ пожертвованія, сопряженныя съ обязанностію семьянина. Въ кругу родныхъ забывалъ я несправедливость людей и злобу моихъ ожесточенныхъ гонителей.

Я имѣлъ пятерыхъ сестеръ — двѣ находились въ Испаніи, въ домѣ одного изъ нашихъ корреспондентовъ; я очень мало ихъ помнилъ, почти не зналъ въ лице,

---

(*) Мнѣ показалось, что этотъ отрывокъ можетъ быть пріятенъ для Читателей Вѣстника. Бомарше, остроумный Сочинитель Комедіи: *Фигарова женидьба*, обратившій на себя въ 1780 году глаза Европы смѣшною тяжбою съ Гёзманомъ, самъ описываетъ случившееся съ нимъ въ Испаніи. Повѣсть сія, имѣющая пріятность Романа, но истинная во всѣхъ подробностяхъ, помѣщена въ одномъ изъ его *Memoires*, которые и теперь читаемъ съ великимъ удовольствіемъ, хотя они потеряли уже свою новость и не могутъ нравиться своимъ содержаніемъ. Ж.

любилъ по слуху: родственная наша связь заключена была въ одной перепискѣ.

Въ Февралѣ, 1764 года, батюшка получаетъ отъ старшей письмо слѣдующаго содержанія:

„Бѣдная моя сестра въ отчаяніи: она оскорблена опаснымъ, имѣющимъ великій кредитъ человѣкомъ, который два раза предлагалъ ей руку, два раза былъ принятъ благосклонно, и два раза оставлялъ ее не объяснившись, безъ всякаго со стороны ея повода; горесть и чувство обиды разстроили здоровье сестры моей, нервы ея ослабѣли, нѣсколько дней лежитъ безъ движенія, не можетъ говорить и только дышетъ: состояніе, близкое къ смерти, и мы боимся навсегда ея лишиться!

„Это печальное происшествіе надѣлало много шуму въ Мадритѣ; невинность сестры моей всѣмъ извѣстна, всѣ вообще уважаютъ ее; но вѣроломный человѣкъ, который умѣлъ такъ хитро обольстить ея сердце, занимаетъ видное мѣсто въ свѣтѣ — конечно большая часть публики перейдетъ на его сторону; мы скрываемся, молчимъ, и я должна еще утѣшать бѣдную, больную сестру, утѣшать

тогда, когда сама имѣю нужду въ утѣшеніи и подпорѣ.

„Не можетъ ли братецъ найти случай рекомендовать насъ Французскому Посланнику? его покровительство могло бы служить намъ прибѣжищемъ и избавить насъ отъ многихъ непріятностей, а можетъ быть и притѣсненій: коварный обманщикъ, вредя намъ клеветами, осмѣливается еще дѣлать и угрозы.“

Я находился въ то время въ Версали; батюшка пріѣзжаетъ ко мнѣ, показываетъ со слезами полученное имъ письмо и говоритъ: Мой другъ! подумай, имѣешь ли какое-нибудь средство помочь этимъ нещастнымъ? онѣ также твои сестры, какъ и другія.

Тронутый несказанно печальнымъ положеніемъ моихъ сестеръ, я отвѣчалъ батюшкѣ: Какого покровительства для нихъ искать? почему знать, что не сами онѣ причиною своего нещастія? быть можетъ заслужили его неосторожностью своего поведенія. Чего мнѣ для нихъ требовать, и что я долженъ говорить объ нихъ въ свѣтѣ? — Нѣтъ, мой сынъ! отвѣчалъ батюшка, я имѣю доказательства ихъ невинности: вотъ

письма Посланника къ старшей твоей сестрѣ; онъ выражается съ глубокимъ уваженіемъ къ обѣимъ.

Прочитавъ письма, я успокоился. Выраженіе: *онѣ также твои сестры, какъ и другія*, сильно потрясло мою душу; я сказалъ: не мучьте себя напрасною горестію, батюшка! ввѣрьте судьбу ихъ моей дружбѣ. Намѣреніе мое должно васъ удивить, но оно благоразумно; по крайней мѣрѣ не могу ничего лучшаго придумать; теперь же увижусь съ нѣкоторыми людьми, которые, какъ пишетъ Эмилія (старшая моя сестра), бывъ очевидцами произшествія, могутъ засвидѣтельствовать невинность Лоры (младшей сестры) и, естьли буду доволенъ ихъ словами, беру отпускъ, ѣду въ Испанію, наказываю обманщика; вы увидите ихъ здѣсь, спокойныхъ, щастливыхъ, довольныхъ своимъ состояніемъ въ обѣтіяхъ отца и брата.

Успѣхъ освѣдомленій моихъ разгорячилъ мнѣ сердце; лечу въ Версаль, сказываю Принцессамъ (*), что горестныя,

(*) Сестры Лудовика XV, Mesdames de France. Бомарше, искусный музыкантъ, училъ ихъ на гитарѣ и арфѣ. Принцессы были

важныя обстоятельства, принуждающія меня отказаться отъ всѣхъ обязанностей по службѣ, требуютъ моего присутствія въ Мадритѣ, и прошу отпуска.

Принцессы удивились, съ милостивымъ участіемъ разспрашивали о моихъ обстоятельствахъ. Я показалъ имъ письмо сестры. Поѣзжайте, Господинъ Бомарше! сказали онѣ, будьте благоразумны! ваше намѣреніе дѣлаетъ вамъ честь. Увѣряемъ васъ, что вы найдете покровителей въ Испаніи: мы съ своей стороны будемъ съ удовольствіемъ рекомендовать васъ Посланнику.

Я не терялъ ни минуты; образъ умирающей сестры, которую надлежало спасти, мучилъ мое воображеніе. Министръ поручаетъ мнѣ вести нѣкоторые переговоры въ Испаніи о дѣлѣ весьма важномъ для торговли Французской; а покровитель мой, Г. Дюверне, прощаясь со мною, говоритъ мнѣ почти со слезами: „Бомарше, другъ мой! желаю тебѣ успѣха! спаси свою сестру! Чтожь при-

---

къ нему отмѣнно благосклонны, и рекомендовала его Г. Дюверне, котораго привязалъ онъ къ себѣ любезнымъ и добрымъ своимъ характеромъ. Ж.

надлежитъ до поручаемаго тебѣ дѣла, то будь исправенъ и помни, что я тебѣ подпора; во всемъ полагаюсь на твои свѣдѣнія, расторопность и усердіе. Вотъ ассигнаціи на двѣсте тысячь франковъ: знаю, что деньги будутъ тебѣ нужны. Поѣзжай и будь щастливъ!

Оставляю Парижъ, ѣду безъ отдыха день и ночь. Французской купецъ, котораго батюшка и сестры, тайно отъ меня, просили за мною слѣдовать, занимаетъ мѣсто въ моей каретѣ, сказавъ, что имѣетъ дѣла въ Байоннѣ.

Пріѣзжаю въ Мадритъ 18 Мая 1764 года въ одиннадцать часовъ утра; меня ждали. Нахожу у сестеръ нѣсколькихъ пріятелей, которые, услышавъ о близкомъ моемъ пріѣздѣ, собрались къ нимъ, желая увидѣть меня и узнать. Эмилія и Лора, вышедъ ко мнѣ на встрѣчу заплакали; я прижалъ ихъ къ сердцу, и въ эту минуту живо почувствовалъ, какъ сладостно быть защитникомъ твореній любезныхъ и слабыхъ!

Давши успокоиться первымъ движеніямъ чувства, я сказалъ сестрамъ: не удивляйтесь моей поспѣшности; желаю, чтобы сію же минуту, въ присутствіи почтен-

мыхъ людей, которыхъ имѣю удовольствіе здѣсь видѣть и которыхъ смѣло называю друзьями, потому что они друзья и вамъ, вы разсказали мнѣ всѣ подробности печальнаго вашего приключенія. Хочу знать истину; въ противномъ случаѣ, намѣренія мои не могутъ быть исполнены съ успѣхомъ.

Повѣсть была продолжительна, и ни малѣйшая подробность не забыта. Мой другъ, сказалъ я Лорѣ, будь спокойна! съ удовольствіемъ замѣчаю, что ты не имѣешь никакой привязанности къ этому вѣроломному человѣку: слѣдовательно могу дѣйствовать свободно. Скажите, гдѣ его найти? — Всѣ въ одинъ голосъ закричали, что я не долженъ ничего начинать, не видавшись прежде съ Посланникомъ, человѣкомъ благоразумнымъ и осторожнымъ; что я имѣю дѣло съ соперникомъ опаснымъ, который извѣстенъ съ хорошей стороны Публикѣ и въ силѣ при Дворѣ; что надобно непремѣнно какъ можно скорѣе ѣхать въ Аранжуецъ къ Маркизу д'Осеню (Посланнику); что прежде не долженъ я никому показываться въ Мадритѣ.

Ваши совѣты очень благоразумны, друзья мои, отвѣчалъ я; найдите мнѣ дорожную карету, завтра въ десять часовъ

утра я у Посланника. Единственное мое требованіе: не разглашайте ничего до возвращенія моего изъ Аранжуеца.

Одѣваюсь на скорую руку, иду со двора, спрашиваю, гдѣ живетъ Донъ Іосифъ Клавиго, Хранитель Государственнаго Архива; мнѣ указываютъ его домъ; прихожу; говорятъ, что онъ вышелъ, что я могу найти его у Гжи. N N; спѣшу туда, нахожу Господина Клавиго окруженнаго Дамами; сказываю, что я пріѣзжій Французъ, что мнѣ поручено важное касающееся до него дѣло, что я желаю какъ можно скорѣе переговорить съ нимъ наединѣ — онъ приглашаетъ меня къ себѣ на другой день въ девять часовъ утра, и я даю слово пить у него шоколадъ, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, Французскимъ купцомъ.

На другой день, въ половинѣ девятаго, являюсь къ Донъ Іосифу Клавиго; онъ принимаетъ меня въ великолѣпномъ кабинетѣ, и сказываетъ, что домъ принадлежитъ не ему, но доброму его пріятелю Донъ Антоніо Португуэцу, Правителю Канцеляріи Министра.

Государь мой! я путешественникъ — говорю ему — общество Литтераторовъ по-

ручило мнѣ завести ученую переписку между имъ и тѣми знаменитыми Писателями, которыхъ буду имѣть случай увидѣть въ моемъ путешествіи. Въ Испаніи никто лучше не пишетъ Издателя публичныхъ листовъ, называемыхъ Le Pensador (Размышляющій), съ которымъ имѣю честь говорить, и я увѣренъ, что заслужу благодарность моихъ сотрудниковъ, когда познакомлю ихъ съ человѣкомъ вашихъ достоинствъ.

Глаза Донъ Іосифа Клавиго сверкали отъ удовольствія. Желая узнать, съ какимъ человѣкомъ имѣю дѣло, даю ему свободу витійствовать о выгодахъ, которыя могли бы имѣть просвѣщенныя Государства отъ тѣснаго сообщенія Писателей. Онъ былъ до крайности привѣтливъ, ласкалъ меня взглядомъ, осыпалъ учтивствами, говорилъ какъ Ангелъ, блисталъ удовольствіемъ и славою.

Теперь позвольте спросить, сказалъ онъ наконецъ, что заставило васъ пріѣхать въ Испанію, любопытство или дѣла? и можно ли надѣяться быть вамъ полезнымъ? — Любезный Донъ Іосифъ! — отвѣчалъ я — предложеніе ваше очень лестно; воспользуюсь имъ, и буду говорить съ вами безъ всякой скрытности; но прежде

позвольте еще разъ представить вамъ моего друга (Французскаго купца, моего спутника): онъ имѣетъ нѣкоторое участіе въ моемъ дѣлѣ и долженъ остаться при нашемъ разговорѣ. — Клавиго посмотрѣлъ на моего товарища съ любопытствомъ; я продолжалъ:

„Одинъ Французскій купецъ, обремененный большимъ семействомъ, бѣдный состояніемъ, имѣлъ нѣсколькихъ корреспондентовъ въ Испаніи, изъ которыхъ одинъ, честный человѣкъ, истинный ему пріятель, и чрезвычайно богатый, будучи десять или одиннадцать лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ, сказалъ ему слѣдующее: отпусти со мною двухъ дочерей въ Мадритъ, пускай онѣ помогаютъ мнѣ въ торговлѣ; я холостъ, уже въ лѣтахъ, не имѣю родныхъ: онѣ будутъ моимъ утѣшеніемъ при старости, а когда умру, получатъ одно изъ богатѣйшихъ наслѣдствъ въ Испаніи.

„Отецъ согласился, отдалъ ему двухъ дочерей: старшую, которая была уже за мужемъ, и младшую, дѣвушку пятнадцати лѣтъ; въ замѣнужь важной услуги его обязался поддерживать новую торговую компанію присылкою Французскихъ товаровъ, которые могли бы быть для нее нужны.

„Года черезъ два корреспондентъ умираетъ, Француженки остаются однѣ, безъ всякаго устроеннаго состоянія, съ заботами о важной торговлѣ, которую надлежало стараться не уронить, и въ самомъ дѣлѣ хорошимъ своимъ поведеніемъ, любезнымъ характеромъ привязываютъ къ себѣ многихъ друзей: кредитъ ихъ укоренился, способы сдѣлались многочисленнѣе и вѣрнѣе, дѣла получили хорошій оборотъ. — (здѣсь я замѣтилъ, что мой Клавиго удвоилъ вниманіе.)

„Почти въ тоже время явился въ Мадритъ молодой человѣкъ, родомъ изъ Канарійскихъ острововъ. Онъ познакомился съ молодыми Француженками, былъ принятъ въ ихъ домъ какъ родный, обласканъ, осыпанъ услугами. (при сихъ обличающихъ словахъ вся прежняя веселость его изчезла.) Этотъ молодой человѣкъ, имѣвшій великіе таланты, но бѣдный состояніемъ, страстно желалъ учиться. Француженки помогали ему, сколько могли: онъ очень скоро выучился по Французски и сдѣлалъ большіе успѣхи въ Наукахъ.

„Горя благороднымъ желаніемъ славы, располагается онъ выдавать Журналъ въ родѣ *Англійскаго Зрителя*; сообщаетъ своимъ пріятельницамъ планъ: его обо-

дряютъ, предсказываютъ ему несомнѣнный успѣхъ. — Оживляемый надеждою пріобрѣсть имя и состояніе, молодой человѣкъ осмѣливается предложить руку младшей; старшая отвѣчаетъ ему слѣдующее: прежде всего сдѣлайте себя извѣстнымъ, заслужите какую нибудь награду, словомъ, найдите вѣрное средство жить безъ нужды: тогда позволю вамъ думать о моей сестрѣ; тогда, естьли получите ея согласіе, не буду препятствовать вашему союзу. — (Клавиго страннымъ образомъ ворочался на стулѣ; я продолжалъ хладнокровно:)

„Младшая, тронутая достоинствами молодаго человѣка, отказываетъ многимъ хорошимъ женихамъ, предпочитая вѣрному щастію надежду, что милый сердцу ея человѣкъ, который болѣе четырехъ лѣтъ питалъ къ ней искреннюю любовь, оправдаетъ выборъ ея своимъ успѣхомъ. Поддерживаемый, одушевляемый ожиданіемъ награды, молодой человѣкъ является на сцену съ званіемъ Журналиста, украшенный великолѣпнымъ именемъ: Le Pensador. — (здѣсь моему Клавиго едва не сдѣлалась дурнота.)

„Листы его — продолжалъ я съ холоднымъ видомъ — имѣли чрезвычайный успѣхъ. Король, плѣненный остроуміемъ но-

ваго Автора, желалъ узнать его лично; ему обѣщали первое выгодное упразднившееся мѣсто, и съ той минуты перестал онъ скрывать свои намѣренія вразсужденіи молодой Француженки, публично называлъ ее невѣстою; въ самомъ дѣлѣ почти никакого препятствія не оставалось, ожидали одного обѣщаннаго мѣста — наконецъ, по прошествіи шести лѣтъ терпѣнія и надежды съ одной стороны, угожденій и доказательствъ любви съ другой; мѣсто открылось, но угодникъ изчезъ! — (здѣсь мнѣ послышалось, что онъ вздохнулъ; я продолжалъ:)

„Обстоятельства были слишкомъ извѣстны въ публикѣ — сестры наняли домъ, помѣстительный для двухъ семействъ; объявленія были читаны по церквамъ; никто не ожидалъ такой развязки: она оскорбила общихъ друзей, которые согласились отмстить обманщику, и Французской Посланникъ далъ слово имъ помогать; но хитрый Канаріецъ, почувствовавъ, что сила его противниковъ могла разстроить всѣ пышные планы будущей его фортуны, бросился къ ногамъ оскорбленной любовницы, притворнымъ раскаяніемъ выманилъ ея прощеніе: все забыто! новыя приготовленія къ свадьбѣ! новыя объ-

явленія по церквамъ! положили черезъ три дни подписать контрактъ: примиреніе надѣлало столько же шуму, сколько и разрывъ. Женихъ ѣдетъ въ С. Ильдефонзъ къ Министру, просить позволенія жениться, и при отъѣздѣ говоритъ: друзья мои! боюсь, чтобы разлука не перемѣнила колеблющагося сердца моей невѣсты! будьте моими защитниками; въ самую минуту возвращенія веду ее къ Олтарю."

Клавиго былъ въ ужасномъ положеніи; еще не зная, какое участіе принималъ я въ этомъ произшествіи, онъ съ безпокойнымъ любопытствомъ поглядывалъ на моего товарища, котораго хладнокровіе, также какъ и мое, было непроницаемо. Здѣсь я возвысилъ голосъ, устремилъ на него глаза и продолжалъ:

„И подлинно, на другой день возвращается онъ изъ Циттіо-Реаля; но вмѣсто того, чтобы вести жертву свою къ Олтарю, приказываетъ ей сказать, что онъ вторично перемѣнилъ свои мысли, что онъ раздумалъ жениться. Оскорбленные друзья бѣгутъ къ нему въ домъ, осыпаютъ его упреками, стараются усовѣстить; но онъ перемѣняетъ тонъ, говоритъ грубости; наконецъ совѣтуетъ имъ, *какъ добрый пріятель*, оставить

его въ покоѣ, а Француженкамъ напомнить, что онѣ въ чужой землѣ, что ихъ подпоры очень слабы, что онѣ должны замолчать, или, въ противномъ случаѣ, могутъ раскаяться, и очень скоро, въ своемъ упрямствѣ.

„Получивъ такой отвѣтъ, младшая Француженка упала безъ памяти, опасно занемогла, боялись ее лишиться; старшая написала во Францїю. Горестное состоянїе сестеръ такъ сильно тронуло ихъ брата, что онъ немедленно взялъ отпускъ, сѣлъ въ почтовую карету, оставилъ Парижъ, вмигъ очутился въ Мадритѣ, и этотъ братъ, государь мой — *я*! я, который все бросилъ — отечество, обязанности, семейство, заботы о состоянїи, удовольствїя, для того чтобы отмстить въ Испанїи за бѣдную, невинную, обманутую сестру — я, который рѣшился, вооруженный твердостїю и правомъ справедливости, обличить предателя, на лицѣ его изобразить кровавыми чертами его душу, и этотъ предатель — *вы*!“

Вообразите этого человѣка, изумленнаго, убитаго моею рѣчью, съ открытымъ ртомъ, безгласнаго отъ удивленїя; представьте его лице, прежде веселое, блестящее, одушевленное моими похвалами, потомъ обезображенное сты-

домъ, унылое, мрачное; угасшіе глаза, измѣнившіяся черты, характеръ униженія во всей наружности. Онъ хотѣлъ сказать нѣсколько словъ, но я продолжалъ: Не перебивайте меня, государь мой! вамъ нечего мнѣ говорить, но много надобно отъ меня выслушать. Прежде всего прошу объявить, въ присутствіи моего пріятеля, чѣмъ заслужила моя сестра двукратное оскорбленіе, полученное отъ васъ передъ глазами цѣлаго свѣта? какимъ порокомъ, слабостію, вѣтренностію, дурнымъ поступкомъ? — „Милостивый Государь! я признаю Донну Лору дѣвицею любезнаго характера, умною, пріятною, добродѣтельною!“ — Со времени вашего съ нею знакомства подала ли она хотя однажды вамъ поводъ къ неудовольствію, къ справедливому упреку? — „Никогда, никогда!“ — Безчестный, безжалостный человѣкъ! воскликнулъ я вскочивъ со стула, и ты лишаешь ее жизни только за то, что она предпочла тебя десяти другимъ достойнѣйшимъ, богатымъ! — „Ахъ, Государь мой! совѣты, хитрыя убѣжденія! когда бы вы знали...“ — Довольно, мой другъ! сказалъ я моему товарищу; вы увѣрены въ невинности моей сестры; позволяю вамъ разсказать, кому разсудите, о томъ, что слышали и видѣли; оставьте насъ, теперь

не имѣю надобности въ свидѣтелѣ. — Прїятель мой уходитъ. Клавиго встаетъ, я беру его за руку и принуждаю сѣсть. Теперь мы одни, государь мой; прошу васъ меня выслушать и, естьли можете, со мною согласиться.

Я не позволю вамъ, и вы не имѣете права думать о моей сестрѣ; не думайте, чтобы я хотѣлъ играть ролю комическаго брата, который требуетъ только того, чтобы сестра его вышла за мужъ; но вы оскорбили благородную женщину, воспользовавшись беззащитнымъ ея состоянїемъ въ чужой землѣ: поступокъ человѣка безчестнаго и подлеца! Вотъ мое требованїе: вы должны сїю же минуту своеручно, безъ всякаго принужденїя, въ присутствїи вашихъ людей, которые не поймутъ насъ, потому что мы будемъ говорить по Французски, написать признанїе, что вы негодный человѣкъ, что вы обманули, оскорбили, предательски бросили мою сестру безъ всякой со стороны ея причины! Я беру ваше признанїе, показываю Французскому Посланнику, печатаю, раздаю по рукамъ, дни черезъ два будутъ его читать при Дворѣ и въ городѣ! Имѣю покровителей, деньги, свободное время: все употреблю на то, чтобы лишить васъ мѣста! буду васъ преслѣдовать, мучить до

тѣхъ поръ, пока сестра моя не согласится забыть своей обиды и не скажетъ: довольно! — „Никогда не напишу такого признанія!“ воскликнулъ Клавиго. — Вѣрю! можетъ быть и я на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы не иначе. Выслушайте далѣе: оставляю вамъ на волю писать или не писать, но съ этой минуты я вашъ спутникъ — гдѣ вы, тамъ и я; бѣгаю за вами какъ тѣнь, и естьли товарищество мое вамъ наскучитъ, то можете избавиться отъ меня за стѣнами Буэнретиро (*); щастіе рѣшитъ нашу тяжбу! Естьли оно будетъ благосклонно ко мнѣ, то, не видавшись съ Посланникомъ, не говоря никому ни слова въ Мадритѣ, кладу умирающую сестру въ карету, скачу во Францію; когда же, напротивъ, щастіе поможетъ вамъ, то дѣло рѣшено: моя духовная написана, торжествуйте! смѣйтесь, дѣлайте, что вамъ угодно! Я кончилъ; прикажите подать завтракъ.

Звоню въ колокольчикъ: приносятъ шоколадъ, пью; между тѣмъ Донъ Іосифъ Клавиго прохаживается по комнатѣ въ размышленіи — наконецъ говоритъ:

Выслушайте меня, Господинъ Бомарше: ни чѣмъ не могу оправдаться въ глазахъ

(*) Старый Королевскій замокъ въ Мадритѣ.

Донны Лоры — честолюбіе меня погубило! Но естьли бы я зналъ, что дѣвица Бомарше имѣетъ такого брата, какъ вы, то никогда не помыслилъ бы отказаться отъ руки ея. Чувствую искреннее къ вамъ почтеніе! на колѣняхъ прошу: возвратите мнѣ, естьли можно, потерянное сердце Лоры, забудьте мои нещастныя заблужденія, примирите меня съ самимъ собою, отдайте мнѣ мою супругу! — „Поздно, господинъ Клавиго! сестра моя не можетъ васъ любить: я требую признанія, признанія! пишите, и дайте мнѣ волю дѣйствовать, какъ должно оскорбленному и мстителю.“

Онъ долго противился; я спорилъ и требовалъ. Тайное предчувствіе говорило ему, что гнѣвъ чувствительной женщины не можетъ быть продолжителенъ; убѣжденный симъ внутреннимъ голосомъ, онъ соглашается на все, отворяетъ по требованію моему двери, кличетъ слугъ; я сказываю, онъ пишетъ:

Признаніе Іосифа Клавиго, Хранителя Королевскихъ Архивъ, писанное собственною его рукою.

„Будучи благосклонно принятъ въ домѣ Госпожи Гильбертъ, я обманулъ сестру ея, дѣвицу Лору Бомарше, много-

кратными обѣщаніями на ней жениться — обѣщаніями, которыхъ не исполнилъ, хотя ничто, кромѣ собственнаго моего непостоянства, не могло побудить меня къ такому поступку. Дѣвица Лора достойна уваженія, любезна и въ поведеніи своемъ совершенно безпорочна. Вѣроломство мое и неосновательность моихъ словъ могутъ вредить ея честному имени въ свѣтѣ: повергаюсь передъ нею на колѣна, хотя признаю себя недостойнымъ ея прощенія! Пускай эта бумага, которую пишу добровольно, въ присутствіи брата ея, будетъ доказательствомъ моего раскаянія — доказательствомъ моей готовности загладить обиду какимъ бы то ни было образомъ, удовлетворительнымъ для дѣвицы Лоры. Мадритъ, 19 Мая 1764. *Іосифъ Клавиго.*"

Я беру бумагу и прощаясь говорю: Государь мой! вы имѣете дѣло не съ подлымъ человѣкомъ. Я напередъ сказалъ, что буду мстить за сестру свою безъ пощады. Средство въ рукахъ моихъ: увѣряю васъ, что воспользуюсь имъ безъ всякаго къ вамъ снизхожденія. — „Господинъ Бомарше! вы человѣкъ оскорбленный, но въ то же время и великодушный: прошу васъ, не будьте поспѣшны, позвольте мнѣ увидѣть Лору! Естьли бы я не имѣлъ на-

дежды возвратить ея сердце, то никто не согласился бы написать такого признанія — будьте моимъ предстателемъ!" — Ни за что на свѣтѣ! — „По крайней мѣрѣ изобразите ей мое раскаяніе! ради Бога, Господинъ Бомарше, не откажитесь исполнить этой просьбы; въ противномъ случаѣ принудите меня прибѣгнуть къ людямъ постороннимъ." — Я согласился и вышелъ.

Нахожу домашнихъ въ ужасномъ волненіи: женщинъ въ слезахъ, мущинъ въ безпокойствѣ. Меня окружаютъ, спрашиваютъ, всѣ говорятъ въ одинъ голосъ; разсказываю о случившемся, читаю бумагу, радость заступаетъ мѣсто печали, восклицанія! поздравленія! разсуждаютъ о томъ, что дѣлать: одни согласны погубить Клавиго, другіе простить, всѣ кричатъ, никто никого не слышитъ; наконецъ слова Лоры прекращаютъ споръ: нѣтъ, друзья мои! говоритъ она, никогда не соглашусь его увидѣть! Поѣзжайте, братецъ, въ Аранжуэцъ, отдайте эту бумагу Посланнику: всего благоразуднѣе послѣдовать его совѣтамъ.

Передъ отъѣздомъ пишу записку къ Клавиго, увѣдомляю его, что Лора не

хочетъ объ немъ и слышать, что я рѣшился исполнить свое намѣренїе, что буду всѣми способами искать его погибели. Получаю въ отвѣтъ покорное приглашенїе посѣтить его передъ отъѣздомъ въ Аранжуэцъ. Прїѣзжаю, нахожу его въ унынїи; говоритъ со слезами, что онъ злодѣй, убїйца невинности; что жизнь ему несносна, и тому подобное. — „Будьте великодушны, Господинъ Бомарше, помедлите! Въ отсутствїе ваше увижу Лору: вы возвратитесь и будете свободны, естьли не найдете насъ примиренными, обнаружить передъ глазами свѣта безчестный мой поступокъ!“ — Оставляю его и ѣду въ Аранжуэцъ.

Маркизъ д' Оссень, Французскїй Посланникъ, почтенный, ласковый, услужливый человѣкъ, принялъ меня благосклонно, прочелъ ракомендательныя письма Принцессъ, и пожимая съ участїемъ руку мою, сказалъ: любезный Господинъ Бомарше! въ доказательство моей къ вамъ дружбы, хочу говорить искренно: намѣренїе ваше отмстить за обиду сестры не можетъ имѣть никакого успѣха — вы имѣете дѣло съ такимъ человѣкомъ, который въ силѣ, и который, не имѣвши твердыхъ подпоръ, никакъ не отважился бы на такой

поступокъ. Чего вы хотите? принудить его жениться? — „Нѣтъ, милостивый Государь! хочу лишить его чести!“ — Но какъ? — Я сказываю о своемъ свиданіи съ Клавиго и читаю признаніе — „Теперь, Господинъ Бомарше, я долженъ перемѣнить мысли: вы столько успѣли сдѣлать въ два часа, что я рѣшительно предсказываю вамъ успѣхъ. Честолюбіе удалило Клавиго — честолюбіе, страхъ, или любовь приводятъ его къ ногамъ дѣвицы Лоры — не упускайте благопріятнаго случая! какъ можно менѣе шуму, Господинъ Бомарше, какъ можно менѣе! Клавиго, искренно сказать, способенъ на все, и въ этомъ отношеніи весьма выгодно вступить съ нимъ въ родство: на вашемъ мѣстѣ я постарался бы уговорить дѣвицу Лору, воспользовался раскаяніемъ Клавиго и отдалъ за него сестру безъ всякаго противорѣчія. — „Какъ, милостивый Государь? онъ подлецъ! — Подлецъ, естьли поступаетъ не искренно; въ противномъ случаѣ онъ только раскаявающійся любовникъ. Словомъ, Государь мой, я сказалъ свое мнѣніе; въ вашей волѣ принять его или не принять, хотя первое, признаться откровенно, было бы для меня пріятнѣе по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ говорить безполезно и теперь не время.“

Слова Маркиза д' Оссеня привели меня въ замѣшательство. Возвращаюсь въ Мадритъ; мнѣ сказываютъ, что Клавиго вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ общихъ приятелей былъ у сестеръ; что Лора не могла видѣть его, убѣжала, заперлась въ своей спальнѣ и ни за что не согласилась выдти; что, наконецъ, онъ оставилъ ихъ съ надеждою, болѣе обрадованный, нежели опечаленный живымъ гнѣвомъ Лоры: этотъ коварный человѣкъ зналъ женщинъ, тихихъ, чувствительныхъ твореній, которыхъ дерзость мущины, смѣшанная съ раскаяніемъ, всегда приводитъ въ замѣшательство, но которыя въ сердцѣ своемъ невольно защищаютъ дерзкаго, съ покорностію простертаго у ногъ ихъ и умоляющимъ голосомъ предписывающаго имъ законы.

По возвращеніи моемъ изъ Аранжуеца Клавиго почти всякой день видался со мною: восхищенный пріятнымъ его умомъ, познаніями, довѣренностію къ моему прямодушію, наконецъ я рѣшился, съ нѣкоторыми изъ общихъ друзей, помогать ему въ примиреніи съ сестрою, хотя безпредѣльная покорность ея мнѣніямъ совѣтамъ дѣлала меня осторожнымъ: я искалъ для моей Лоры не фортуны, а щастія; хотѣлъ побѣдить ея сердце, а не руку.

Черезъ нѣсколько дней слышу, что Клавиго оставилъ домъ Португуэца и нанялъ другой въ отдаленномъ кварталѣ Мадрита, называющимся *Инвалиднымъ*: это меня удивило, хотя я не подозрѣвалъ ничего дурнаго. Ѣду къ нему; онъ сказываетъ о причинѣ внезапнаго своего переселенія: Португуэцъ болѣе другихъ противился его женитьбѣ, и онъ, чтобы доказать мнѣ, какъ непритворно желалъ возвратить привязанность моей сестры, поспѣшилъ выѣхать изъ дому своего знакомца. Что можетъ быть благоразумнѣе! подумалъ я, вѣря отъ искренняго сердца его словамъ.

На другой день получаю отъ него письмо, въ которомъ опять предлагаетъ Лорѣ свою руку, прося меня быть его предстателемъ; увѣряетъ въ своей любви, своемъ раскаяніи, въ чрезмѣрности своего желанія загладить нѣжною привязанностію прошедшее. Между прочимъ, не смѣя безъ воли Начальства отлучиться изъ Мадрита, проситъ меня, естьли удастся мнѣ смягчить оскорбленное сердце Лоры, ѣхать въ Аранжуэцъ и выходить ему позволеніе жениться.

Читаю письмо вслухъ обѣимъ сестрамъ; Лора залилась слезами, я поцѣловалъ ее съ нѣжностію и сказалъ: мой

милой другъ! ты еще его любишь, и тебѣ очень стыдно, какъ я вижу. Будь спокойна! я не почитаю этого преступленіемъ; скажу болѣе: искренно желаю, чтобы ты забыла свою досаду и согласилась простить виноватаго. Этотъ Клавиго — злодѣй, разбойникъ, зажигатель! что дѣлать, милая! всѣ мущины ему подобны. Послѣдуй совѣту Маркиза д' Осеня: выдь за него замужъ. Исправить грѣшника дѣло богоугодное! я съ своей стороны очень радъ, что онъ не захотѣлъ со мною драться; тебѣ же бы плакать, моя добросердечная Лора! — Она улыбнулась сквозь слезы: милое, робкое согласіе любви, которая сама себя стыдится, но измѣняетъ себѣ невольно. Бѣгу къ Клавиго; сказываю, что онъ щастливъ, хотя не заслуживаетъ своего щастія — онъ соглашается съ любезнымъ простосердечіемъ, которое всѣхъ насъ плѣнило. Мы идемъ къ Лорѣ; на нее нападаютъ со всѣхъ сторонъ; бѣдная краснѣетъ, не знаетъ куда дѣвать глаза; наконецъ, съ видимымъ замѣшательствомъ и съ тайною радостію вздохнувъ изъ глубины сердца, произноситъ унылымъ, пріятнымъ голосомъ: соглашаюсь! Клавиго внѣ себя отъ восхищенія! бросается къ письменному столику, беретъ перо и бумагу, пи-

шетъ, бѣжитъ къ Лорѣ, падаетъ на колѣна и проситъ ее подписать:

„Вѣчно любить другъ друга; жить „единственно для общаго нашего щастія; „хранить свои узы, и запечатлѣть ихъ „клятвою передъ Олтаремъ Божіимъ: обѣ„ты сіи подтверждаемъ съ восхищеніемъ, „въ присутствіи общихъ нашихъ друзей. „*Іосифъ Клавиго.*“

Лора упрямилась; къ ней приступили; я насильно вложилъ въ ея руку перо: она подписала, и бросилась ко мнѣ на шею въ слезахъ, говоря, что я несносный, безжалостный человѣкъ. Всѣ остались у насъ ужинать; вечеръ прошелъ очень весело, между тѣмъ приготовили мнѣ почтовую карету: Клавиго проводилъ меня съ крыльца, помогъ мнѣ сѣсть, мы дружески обнялись и я поскакалъ въ Аранжуэцъ — пріѣзжаю, являюсь къ Посланнику, который, осыпавъ меня похвалами, совѣтуетъ не сказывать Господину Гримальди о главныхъ обстоятельствахъ нашего дѣла, чтобы не повредить будущему моему зятю. Иду къ Министру, подаю ему письмо; онъ соглашается на требованіе Клавиго, желаетъ щастія моей сестрѣ, но — говоритъ: Клавиго напрасно заставилъ васъ безпо-

коиться; онъ могъ бы объясниться со мною о такомъ дѣлѣ черезъ письмо. Я все беру на свой счетъ; увѣряю Министра, что, получивъ особенное отъ Французскаго Двора къ нему препорученіе, сначала желалъ представиться ему лично; мы разстаемся хорошими пріятелями; скачу въ Мадритъ, и нахожу дома слѣдующую записку отъ Клавиго:

„Посылаю вамъ письмо, которое у всѣхъ въ рукахъ при Дворѣ и въ городѣ: меня мараютъ, и я не смѣю показаться въ общество — тамъ всѣ получили ужасное мнѣніе о моемъ характерѣ! Прошу васъ, какъ можно скорѣе раздать списки съ подлиннаго признанія, написаннаго моею рукою. Между тѣмъ необходимость требуетъ, чтобы мы, уступивъ силѣ предубѣжденія, нѣсколько дней не видались: могутъ заключить, что пасквиль не выдумка, и что настоящая бумага написана послѣ, съ общаго нашего согласія. Войдите, любезный Бомарше, въ мое положеніе, и вѣрьте искренности вашего — *Клавиго.*“

При запискѣ была приложена копія съ ложнаго признанія, грубаго, низкаго, написанная собственною его рукою.

Искренно сказать; странное заключеніе, которое выводилъ Клавиго изъ этого пасквиля, меня разсердило. Иду къ

нему, желая объясниться — онъ лежалъ въ постелѣ. Большая часть пожитковъ его находилась еще въ домѣ Португуэца; посылаю ему множество разнаго бѣлья, и въ утѣшенїе даю слово, какъ скоро можно ему будетъ встать съ постели, ѣздить съ нимъ вмѣстѣ во всѣ публичныя мѣста, ко всѣмъ ближайшимъ его знакомымъ, которые безъ сомнѣнїя повѣрятъ моему свидѣтельству, моей искренней, почтительной къ нему привязанности. Мы назначаемъ день брака, и послѣ обѣда увидѣлся я, по просьбѣ Клавиго, съ Великимъ Винарїемъ, Нотарїусомъ и другими нужными людьми: все исполнялось благополучно, все отвѣчало моимъ желанїямъ! Возвратясь обнимаю его и говорю: Мой другъ! теперешнїя наши сношенїя позволяютъ мнѣ быть свободнымъ въ моихъ поступкахъ; знаю, что ты не имѣешь денегъ: вотъ кошелекъ съ девятью тысячами ливровъ — пошли нѣкоторую часть ихъ сестрѣ моей на ленты! вотъ золотыя вещи и Французскїя кружева — подари ими Лору! получить подарокъ изъ рукъ твоихъ будетъ для нее прїятнѣе, нежели отъ меня. — Клавиго согласился взять кружева и вещи, не надѣясь найти ничего подобнаго въ Мадритѣ; но возвратилъ мнѣ кошелекъ, увѣривъ, что не имѣетъ никакой нужды въ деньгахъ.

На другой день случилась со мною непрїятность: наемный слуга, котораго привезъ я изъ Байонны, укралъ мои вещи и деньги — всего на пятнадцать тысячь ливровъ — и скрылся. Лечу съ жалобою къ Коммендантту; холодный его прїемъ удивляетъ меня чрезвычайно. Терпѣнїе, Читатель! загадка чрезъ минуту объяснится.

Обстоятельства не препятствуютъ мнѣ заботиться о больномъ другѣ. Я съ нѣжною укоризною называю его причиною моего убытка: естьли бы ты — говорю ему — не поупрямился принять кошелька, то и теперь деньги мои были бы цѣлы. Клавиго жалѣлъ о моемъ нещастїи, тѣмъ болѣе, что потеря моя по всѣмъ обстоятельствамъ казалась ему невозвратною: похититель конечно бѣжалъ въ Кадиксъ и уѣхалъ на кораблѣ. Я написалъ о моемъ приключенїи къ Посланнику и болѣе имъ не занимался.

Прошло нѣсколько дней — мы были почти неразлучны; Клавиго осыпалъ меня ласками и привѣтствїями. Пятаго Іюня прихожу въ обыкновенное время къ нему, и узнаю, къ удивленїю, что онъ переселился въ другой домъ. Перемѣнить квартиру, не давши напередъ мнѣ знать, показалось мнѣ страннымъ. Я велѣлъ искать его по всѣмъ общественнымъ до-

мамъ Мадрита: узнаю новую квартиру его, иду, дѣлаю ему упреки выразительнѣе прежнихъ. Клавиго извиняется: пріятеля, у котораго я жилъ, говоритъ онъ, бранили за то, что онъ осмѣлился пустить постояльца въ казенный домъ, и я, узнавши объ этомъ, въ ту же минуту, не взирая на время, болѣзнь и безпокойство, рѣшился искать другаго жилища. Надобно было согласиться на его причины; но я пенялъ ему дружески за то, что онъ не переѣхалъ прямо къ сестрамъ, и звалъ его съ собою: онъ отказался, говоря, что принималъ лѣкарство и принужденъ, по обычаю Испанцевъ, сидѣть дома. На другой день тотъ же отказъ и тѣ же причины. Друзья наши начали задумываться, подозрѣвать; но для меня сомнѣнія ихъ казались обидными и смѣшными. Какая польза въ притворствѣ! думалъ я, и былъ спокоенъ. Контрактъ, приготовленный давно, не могъ быть подписанъ: господинъ Клавиго всякой день пилъ микстуры, а въ Испаніи закономъ запрещалось совершать условіе, принимая лѣкарство: — что земля, то обычай!

Лора трепетала, предчувствуя измѣну; я спорилъ, сердился, но тайное сомнѣніе меня безпокоило. 7 го Іюня — день назначенный для подписанія кон-

тракта — посылаю за Нотаріусомъ. Вообразите, какъ долженъ былъ я удивиться, когда онъ сказалъ мнѣ, что на канунѣ того дня получилъ отъ одной молодой женщины бумагу, въ которой она оспоривала женитьбу Клавиго, утверждая, будто еще въ 1755 году, то есть назадъ тому девять лѣтъ, получила отъ него обѣщаніе на ней жениться! Спрашиваю объ имени соперницы; Нотаріусъ сказываетъ, что она горничная дѣвушка (Дуэнна). Въ бѣшенствѣ лечу къ безсовѣстному Клавиго.

Эта бумага написана тобою — говорю ему — обѣщаніе выдумано вчера! ты низкій обманщикъ, которому ни за какія сокровища на свѣтѣ не соглашусь отдать моей сестры. Сего же вечера ѣду въ Аранжуэцъ, разсказываю обо всемъ Господину Гримальди, и вмѣсто того, чтобы противиться требованіямъ твоей Дуэнны, настоятельно прошу, чтобы тебя на ней женили; помогаю ей кошелькомъ и кредитомъ, даю приданое, провожаю васъ къ Олтарю, желаніе твое исполнится, и мы всѣ останемся довольны!

„Бомарше, мой другъ! — отвѣчалъ Клавиго — Бога ради не будь опрометливъ! За чемъ тебѣ ѣхать въ Аранжуэцъ?

По крайней мѣрѣ отложи отъѣздъ свой до завтрашняго утра: я докажу, что не имѣю никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Правда, была нѣкоторая связь между мною и Дуэнною Гж. Португуэцъ, которая мнѣ нравилась . . . но мы давно, очень давно разстались, и съ самаго того времени я не слыхалъ объ ней ни разу. Повѣрь, что непріятели Донны Лоры хотятъ насъ разстроить. Нѣсколько пистолей заставятъ молчать Дуэнну. Нынѣшнимъ вечеромъ отведу тебя къ славному Адвокату: онъ дастъ намъ полезный совѣтъ. Будь спокоенъ, мой другъ! и не пугайся привидѣній. Въ восемь часовъ вечера буду тебя ожидать!"

Горесть терзала мое сердце; я не зналъ, что дѣлать; еще не вѣрилъ ужаснымъ предвѣщаніямъ, которыя со всѣхъ сторонъ приготовляли насъ къ нещастію. Для чего меня обманывать? съ какою цѣлію? Можетъ ли онъ надѣяться ослѣпить Публику, которой всякую минуту могу открыть глаза? Въ восемь часовъ вечера ѣду съ нѣкоторыми пріятелями къ этому непонятному человѣку; на крыльцѣ встрѣчаю хозяйку, которая говоритъ: „Господинъ Клавиго перемѣнилъ квартиру и гдѣ находится, неизвѣстно." Не вѣря словамъ ея, бѣгу на лѣсницу: комнаты пусты,

всѣ вещи вывезены — сердце мое стѣснилось! Посылаю его искать по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. Предательство было очевидно, хотя намѣренїе предателя непостижимо. Къ чему все это можетъ клониться? думалъ я возвращаясь домой. Посланный отъ Маркиза д'Оссеня, который за полчаса до меня прїѣхалъ изъ Аранжуеца, подаетъ мнѣ слѣдующее письмо:

„Сїю минуту былъ у меня Мадритскїй Коммендантъ и сказывалъ, что Клавиго въ тотъ самой день, въ который съѣхалъ съ квартиры, жаловался ему на ваши притѣсненїя и утверждалъ, что вы, насильно ворвавшись къ нему въ домъ, съ пистолетомъ въ рукахъ, принудили его подписать бумагу: обѣщанїе жениться на вашей сестрѣ. Не надобно увѣрять, что я почитаю все это гнусною клеветою, но публикѣ обстоятельства неизвѣстны. Слѣдствїя могутъ быть для васъ непрїятны, или вредны — остерегитесь! Намъ надобно какъ можно скорѣе увидѣться; прїѣзжайте въ Аранжуэцъ. *Д'Оссень.*"

Не льзя описать моего изумленїя. Боже мой! думалъ я; человѣкъ, который при каждомъ словѣ меня обнималъ; который словесно и письменно называлъ меня другомъ, благодѣтелемъ, братомъ; который передъ цѣлымъ Мадритомъ лежалъ у ногъ моей

сестры*, умоляя, чтобы она забыла его вѣроломство и возвратила ему сердце — этотъ человѣкъ теперь обвиняетъ меня въ насилїи и тайно ищетъ моей погибели! Бѣшенство горѣло въ моемъ сердцѣ — я самъ себя не помнилъ.

Въ эту самую минуту является одинъ мой прїятель и говоритъ: спасайтесь, Господинъ Бомарше! спасайтесь не теряя времени. Завтра поутру вы будете взяты подъ стражу — приказъ отданъ. Вашъ Клавиго истинный злодѣй: обольщая васъ притворною дружбою и лестными обѣщанїями, онъ только старается выиграть время, дабы овладѣть умами, вооружить за себя цѣлую Публику, и наконецъ обвиняетъ васъ въ судѣ какъ преступника. Бѣгите, ради Бога, и сїю же минуту! Завтра вы будете брошены въ тюрьму, покинуты, забыты; не останется для васъ ни оправданїя, ни покрова!

Мнѣ бѣжать? мнѣ спасаться? Скорѣе погибнуть! Друзья мои, найдите почтовую карету: въ три часа утра ѣду въ Аранжуэцъ. Между тѣмъ дайте мнѣ успокоиться и собраться съ мыслями.

Запираюсь въ кабинетѣ; голова моя въ безпорядкѣ, сердце сжато, не могу ни

о чемъ думать, нѣсколько часовъ не чувствую самаго себя — утомительное, болѣзненное спокойствіе! Наконецъ прихожу въ память; мысленно пробѣгаю все то, что случилось со мною въ Мадритѣ; электрическій ударъ потрясаетъ мою душу: я вспомнилъ, что Клавиго въ тотъ самый день, въ который донесъ на меня въ судѣ, ѣздилъ со мною по городу въ каретѣ, писалъ ко мнѣ дружескую записку, самъ просилъ меня, въ присутствіи множества свидѣтелей, выходить ему у Министра позволеніе жениться — сколько обстоятельствъ и всѣ въ мою пользу! Бросаюсь къ письменному столу, въ горячкѣ пишу подробный журналъ моего пребыванія въ Мадритѣ: имена, слова, числа, все оживляется въ моей памяти, все льется на бумагу; — бьетъ три часа, я еще пишу, карета уже у крыльца, друзья мои насильно принуждаютъ меня кончить. Беру свой журналъ, не спрашиваю, кто со мною, имѣю ли нужное для того, чтобы показаться съ пристойностію къ Послу и при Дворѣ, но все уже приготовлено! Нѣкоторые изъ друзей хотятъ меня провожать; я не соглашаюсь, хочу быть одинъ, думать, приводить мысли въ порядокъ, бросаюсь въ карету, лечу въ Аранжуэцъ.

Посланникъ былъ во Дворцѣ, и я принужденъ дожидаться до одиннадцати часовъ вечера. Наконецъ онъ возвращается и говоритъ мнѣ: Хорошо сдѣлали, Г. Бомарше, что не замѣшкались пріѣхать — я очень безпокоился; вашъ непріятель вооружилъ за себя весь Дворъ: безъ меня были бы вы теперь взяты, быть можетъ, брошены въ Prezidio (*), надолго или навсегда лишены свободы. Я видѣлся съ Г. Гримальди, отвѣчалъ за васъ честію. Бомарше, говорилъ я ему, человѣкъ благородный! его приказано арестовать — истинная несправедливость, которую прошу васъ предупредить! Клавиго предатель, и вы погубите невиннаго! „Вѣрю вамъ охотно, отвѣчалъ мнѣ Гримальди; но дѣло сдѣлано: вся Публика обвиняетъ Г. Бомарше; приказъ отданъ, я могу только остановить на время его исполненіе. Присовѣтуйте ему какъ можно скорѣе уѣхать во Францію; даю слово, что не будутъ препятствовать его бѣгству.“ Нечего дѣлать, Г. Бомарше! поѣзжайте; вы имѣете готовыхъ лошадей, а ваши пожитки будутъ доставлены вамъ послѣ и въ цѣлости. Могу ли подать помощь, когда всѣ умы въ возмущеніи? Поѣзжайте, не медлите ни часу: для меня будетъ крайне горестно, естьли какое-нибудь нещастіе случится съ вами въ Испаніи!

(*) Тюрьма въ Цеутѣ, на берегахъ Африки.

Я слушалъ, не говоря ни слова; не плакалъ, но крупныя капли слезъ одна за другою катились по щекамъ моимъ. Маркизъ д'Оссень смотрѣлъ на меня съ чувствомъ, пожималъ мою руку, просилъ меня уступить необходимости, не подвергаться вѣрному нещастїю. Я стоялъ какъ вкопанный, смотрѣлъ ему въ глаза, наконецъ воскликнулъ горестно: за что же хотятъ наказать меня? Вы сами называете меня правымъ! Король погубитъ ли праваго, оскорбленнаго человѣка? рѣшится ли быть несправедливымъ, когда легко можетъ быть правосуднымъ? — „Господинъ Бомарше! самый справедливый Государь бываетъ окруженъ пронырливыми интриганами. Приговоръ подписанъ и вмигъ исполненъ; истина открывается, но все уже кончано и дѣло безъ поправки. Не рѣдко самый низкїй интересъ, или самая низкая личность, сокрытыя, но дѣйствующїя сильно, бываютъ причиною того зла, которое въ глазахъ нашихъ происходитъ. Любезный Господинъ Бомарше! послушайтесь благоразумнаго совѣта, поѣзжайте! Потерявъ свободу, вы будете оставлены; ваше наказанїе увѣритъ всѣхъ, что вы заслужили какимъ нибудь его преступленїемъ, и скоро перестанутъ вами заниматься — вѣтренность Публики во всякой землѣ служитъ подпорою неправосудїю. Поѣзжайте

говорю вамъ, нечего медлить!" — Но, милостивый Государь, вы видите мое положеніе! Куда ѣхать? — „Образумьтесь, Господинъ Бомарше! вамъ надобно оставить Испанію, ѣхать во Францію, и сію же минуту!" — Но что подумаютъ Принцессы, мои покровительницы? — „Я напишу къ нимъ: моему свидѣтельству повѣрятъ!" — Но бѣдная, притѣсненная, невинная моя сестра? — „Думайте объ одномъ себѣ! Сестрица ваша имѣетъ защитника во мнѣ; положитесь на мое слово!" — Боже мой! за тѣмъ ли я пріѣзжалъ въ Испанію? — „Надобно ѣхать, говорю вамъ, ѣхать! Естьли имѣете нужду въ деньгахъ, вотъ мой кошелекъ!" — Милостивый Государь! у меня довольно денегъ: тысяча луидоровъ въ карманѣ и на десять тысячь франковъ векселей; о! съ такими деньгами еще можно отмстить безчестному оскорбителю! — „Нѣтъ, Господинъ Бомарше, никакъ не могу на это согласиться. Вы поручены мнѣ, и я за васъ отвѣчаю'. Прошу, требую, чтобы вы ѣхали! рѣшусь употребить усиліе!" — Не могу! воскликнулъ я, побѣжалъ въ садъ и цѣлую ночь бродилъ по темнымъ алеямъ Аранжуэца.

На другой день, поутру рано, рѣшившись на все, готовый погибнуть, естьли не удастся отмстить, иду къ Министру Гримальди — нахожу въ пріемной большое

общество, прячусь въ толпу, въ ожиданіи выхода — произносятъ имя Гна. Валя! вслушиваюсь, узнаю, что этотъ добродѣтельный человѣкъ, оставя службу и наслаждаясь покоемъ въ послѣдніе годы жизни, живетъ въ домѣ Министра. Щастливая идея озарила мой разсудокъ; бѣгу на его половину, приказываю о себѣ доложить, меня впускаютъ, вижу передъ собою старика привлекательной, величественной наружности, котораго ясные взоры вливали въ душу довѣренность и любовь; приближаюсь къ нему съ благоговѣніемъ, съ надеждою и говорю: Милостивый Государь! я Французъ и обиженъ — въ этомъ заключено мое право требовать отъ васъ защиты! Вы родились во Франціи; тамъ открылось для васъ славное поприще службы, здѣсь великія качества возвели васъ на высочайшую степень чести; но одинъ титулъ Министра никогда не поселилъ бы въ душѣ моей довѣренности: я прибѣгаю къ добродѣтельному человѣку, который чистыми руками сложилъ съ себя начальство надъ колоніями Америки, приносящее другимъ миліоны; къ любимцу благородной націи, къ истинному другу ея Монарха, чувствительному, сострадательному! Подать руку помощи притѣсненному и обиженному человѣку, есть дѣло достойное необыкновенной души Валя! — „Успокойтесь,

Государь мой! сядьте, вы блѣдны и дрожите; смотря на лице ваше, увѣряюсь, что вы нещастны; скажите, что съ вами сдѣлалось, и чемъ могу быть для васъ полезенъ?" — Онъ кличетъ слугу, велитъ всѣмъ отказывать, садится подлѣ меня на стулъ, беретъ меня за руку, смотритъ мнѣ въ глаза съ трогательнымъ участіемъ и ждетъ, чтобы я началъ говорить. Вынимаю свой журналъ, прошу позволенія читать, читаю. Господинъ Валь слушаетъ внимательно, иногда останавливаетъ меня, прося, чтобы я успокоился и читалъ тише, потому что онъ не хочетъ упустить ни одного обстоятельства; по мѣрѣ того, какъ произшествія одно за другимъ слѣдуютъ, подаю ему оригинальныя бумаги и письма, наконецъ приступаю къ доносу моего противника, къ несправедливому повелѣнію взять меня подъ стражу, бросить въ тюрьму, повелѣнію, которое только по просьбѣ Посланника отложили исполнить, и заключаю тѣмъ, что я рѣшился на все: остаться, погибнуть, или найти правосудіе у Трона. Я замолчалъ. Господинъ Валь вскочилъ со стула, бросился меня обнимать и воскликнулъ: ободритесь, Господинъ Бомарше! Король будетъ правосуденъ, вотъ вамъ моя рука! Маркизъ д'Оссень, какъ Посланникъ, обязанъ былъ наблюдать въ своихъ поступкахъ осторож-

ность; но я, какъ человѣкъ частный, могу дѣйствовать свободно и дать полную волю своему негодованію. Берусь отмстить за вашу обиду! Нѣтъ, никогда не скажутъ, чтобы Французъ, оставившій для бѣдной, невинной, притѣсненной сестры отечество, службу, удовольствія, покровителей, не могъ найти правосудія въ Испаніи, и долженъ былъ изъ нее бѣжать, проклиная въ душѣ несправедливость Правительства и неприступность ея Государя! Господинъ Бомарше! вы были отцемъ дѣвицы Лоры: теперь найдете отца во мнѣ. Я представилъ Королю предателя Клавиго, и всѣ его преступленія долженъ принять на свой счетъ. Боже мой! какъ нещастны люди, обремененные важнымъ Государственнымъ саномъ! не рѣдко привязываютъ они къ себѣ недостойныхъ, которыхъ не имѣютъ времени узнать, которые гнусными дѣлами безсовѣстно помрачаютъ ихъ имя. Клавиго близокъ къ Министру; онъ можетъ со временемъ сдѣлаться человѣкомъ сильнымъ — и дорога открыта ему мною. Не могу быть спокоенъ въ совѣсти, пока не исправлю своей ошибки. Министру легко ошибиться въ выборѣ человѣка; но естьли этотъ человѣкъ безчестнымъ поступкомъ замаралъ себя въ глазахъ свѣта, то первое дѣло покровителя, для собственнаго оправданія, не-

медленно его отринуть: и я готовъ показать собою примѣръ всѣмъ будущимъ Министрамъ Испанїи!

Онъ звонитъ, приказываетъ заложить карету, ѣдетъ со мною во Дворецъ, велитъ мнѣ дожидаться Гна. Гримальди, а самъ идетъ въ кабинетъ Короля, обвиняетъ себя въ злодѣйствѣ моего соперника, великодушно проситъ прощенїя у своего Монарха, и требуетъ настоятельно, чтобы Клавиго, безъ всякаго отлагательства, лишенъ былъ своего мѣста. Господинъ Гримальди прїѣзжаетъ; меня представляютъ Королю; бросаюсь на колѣна — читайте вашу бумагу! говоритъ съ жаромъ Господинъ Валь, не льзя не тронуться такимъ горестнымъ положенїемъ! Незапный, животворный восторгъ наполнилъ мое сердце; я чувствовалъ, что оно пылало; предаюсь высокому вдохновенїю минуты, изъясняюсь краснорѣчиво, съ жаромъ, и — Государь, тронутый, разгнѣванный, произноситъ приговоръ правосудїя: Клавиго лишенъ своего мѣста, и навсегда выгнанъ изъ Канцелярїи Министра.

Добрыя, чувствительныя сердца! можете ли требовать, чтобы я описалъ словами тогдашнее состоянїе моего духа? Безпорядочныя выраженїя, благодарность, великодушїе, правосудїе, срывались съ моего языка; въ душѣ своей — за минуту

ожесточенный и полный ненависти — благословлялъ я недостойнаго человѣка, принудившаго меня идти къ подножію Трона, передъ которымъ толь сладостныя, неизъяснимыя, незабвенныя чувства меня восхитили! —

Возвращаюсь къ Посланнику — онъ изумленъ быстрымъ переворотомъ моихъ обстоятельствъ, радуется, оставляетъ меня обѣдать. Прямо изъ застола бросаюсь въ карету и скачу въ Мадритъ. Бѣдныя сестры мои страдали; нахожу ихъ въ слезахъ; мое возвращеніе и неожиданный успѣхъ путешествія ихъ оживили! Лора цѣловала руку мою и плакала; милое, непорочное твореніе, какъ трогательно выражала она свою благодарность! Я чувствовалъ, что новыя, сильнѣйшія узы привязывали къ ней мое сердце. Клавиго занемогъ отъ горя и досады; написалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ жаловался на мою поспѣшность, называлъ себя невиннымъ, требовалъ отъ меня состраданія, и ни слова не говорилъ о доносѣ. Я замѣтилъ хитрость, но мщеніе уже утихло въ моемъ сердцѣ! Искренно желая облегчить судьбу этого нещастнаго человѣка, который тѣмъ болѣе достоинъ былъ сожалѣнія, что самъ навленъ на себя нещастіе, прошу Министра Гримальди его пощадить, но получаю рѣшительный отказъ. Не будучи

занятъ никакимъ дѣломъ въ Испаніи (переговоры мои съ Министромъ коммерціи не имѣли успѣха), готовлюсь къ отъѣзду во Францію. Лора ни за что не захотѣла со мною разстаться: Испанія была ей противна. Мы беремъ почтовыхъ лошадей, прощаемся съ Эмиліею, оставляемъ Мадритъ, и черезъ нѣсколько дней нашъ добрый старый отецъ съ радостными слезами прижимаетъ дѣтей своихъ къ сердцу.

Бомарше.

III.

Къ Элизѣ.

Когдабъ я былъ любимъ, о милая! тобою . . . .
Мечта предестная! завидный даръ небесъ:
Съ подругой нѣжною дѣлиться ввѣкъ судьбою,
Дѣлиться сладостью и радости и слезъ! —

*

Когдабъ я былъ любимъ . . . пѣвецъ, ещезею правой,
Завистниковъ презрѣвъ, къ безсмертью бъ воспарилъ;
Элизою любимъ, стремился бы за славой,
Элизу бы воспѣлъ, и славу заслужилъ!

*

Когдабъ я былъ любимъ . . . гонимый съ сиротою
Спасителя во мнѣ и брата бы сыскалъ!
И мнѣль недобрымъ быть, любимому тобою?
Мнѣль благости не знать, когда — тебя узналъ?

*

Когдабъ я былъ любимъ . . . сокройтесь сны златые:
Богатство, суеты, фортуна — міръ забытъ!
Свобода и любовь — Цари мои земные!
Въ нихъ щастье! а безъ нихъ и щастье . . . ложный видъ!

*

Но что, безумецъ, я! какой плѣненъ мечтою?
Надежда, удались! мнѣль радостей искать?
Другому быть твоимъ! другому жить тобою!
А мнѣ . . . о призракѣ погибшемъ унывать!

Мрзлкевъ.

IV.

Мысли.

Древо познанія добра и зла, причина смерти, представляетъ разсудку разительную истину: ты вникнулъ въ сущность вещей, и заблужденія твои изчезли, потеря ихъ умертвила душу —

то, что занимаетъ или трогаетъ другихъ, для нее уже не привлекательно и пусто.

*

Многіе знатные Господа напоминаютъ о предкахъ своихъ такъ точно, какъ Италіанской *Чичероне* о Цицеронѣ.

*

Человѣкъ, скучающій славою, похожъ на Министра, которому скучно, когда шумятъ у него въ передней.

*

Хорошо убранныхъ глупостей такъ же много, какъ и глупцовъ, хорошо одѣтыхъ.

*

Дурному человѣку желаешь лѣни, а глупому молчанія.

*

Мнѣ часто удавалось слышать въ свѣтѣ странное и, можно сказать, нелѣпое разсужденіе. Хвалю человѣка; мнѣ отвѣчаютъ: онъ вашъ другъ, не удивительно, что вы его хвалите. Сумасшедшіе люди! онъ потому и другъ мой, что похвалы мои справедливы, что я изображаю его сходно. Вы принимаете причину за дѣйствіе и дѣйствіе за причину. Какъ можете вообразить, чтобы я хвалилъ его только за то, что онъ мнѣ другъ? Не лучше ли вамъ подумать: онъ другъ ему потому, что можетъ его хвалить?

*

Нещастный, котораго не восхищаетъ священное присутствіе великаго человѣка, есть лишнее бремя земли — онъ недостоинъ жизни.

*

Душа стремится перелить себя въ другую душу! Но для чего же языкъ печали такъ изобиленъ, языкъ восторга и любви такъ бѣденъ? — Единую слезу, единую пожимающую руку, единый гармоническій звукъ голоса даровалъ намъ Геній любви и восторга, и сказалъ: *выражайтесь!* —

V.

Паденіе Ніагары (*).

Рѣка С. Лоранъ, орошающая сѣверную Америку, соединяетъ два озера, Эріе и Онтаріо, подъ именемъ Ніагары. Водопадъ, ею образуемый, есть зрѣлище неописанно великолѣпное! Ніагара до самаго озера Онтаріо бѣжитъ по наклоненію чрезвычайно быстро, и низвергаясь съ утеса вышиною въ полтораста футовъ, кажется въ минуту паденія не рѣкою, а моремъ,

---

(*) Смотри картинку.

котораго потоки съ громомъ и ревомъ стремятся въ бездну, усыпанную скалами, спираются въ ней и клокочутъ. Водопадъ составляетъ полукружіе, и раздѣленъ на двѣ отрасли: въ срединѣ находится островъ или, лучше сказать, гранитная скала, подрытая въ основаніи и висящая со всѣми своими камнями и деревьями надъ бездною водъ. Южная отрасль водопада представляетъ огромный цилиндръ, который развивается въ видѣ снѣжнаго ослѣпительной бѣлизны ковра, и при солнцѣ блистаетъ разноцвѣтными лучами: тогда кажется, что тысячи радугъ пересѣкаютъ одна другую надъ бездною. Восточная покрыта ужасною тѣнью: воображаешь грозныя волны потопа. Быстрая вода, ударяясь въ гранитный островъ, отражается пѣннымъ вихремъ, и облака паровъ носятся надъ лѣсами, подобно дыму обширнаго пожара. Сосны, дикій орѣшникъ, скалы разнаго вида, прямыя и наклоненныя, украшаютъ сію величественную сцену; орлы, увлекаемые быстрымъ порывомъ воздуха, кружатся и падаютъ въ бездну, и обезьяны, цѣпляясь длинными хвостами за сучья близкихъ къ волнамъ деревъ, ловятъ раздробленные трупы медвѣдей, влекомыхъ стремительнымъ потокомъ.

Шатобріянъ.

ПОЛИТИКА.

VI.

Взоръ на прошедшее, настоящее и будущее (*).

Доселѣ въ лѣтописяхъ міра блистали двѣ чрезвычайныя эпохи: возвышеніе и паденіе Рима. Историки будущихъ временъ причислятъ къ нимъ третью — сію разрушительную революцію, которая поколебала и Францію и всю Европу: эпоха, заключенная въ пространствѣ немногихъ лѣтъ, но тѣмъ ужаснѣйшая по слѣдствіямъ! Мы видѣли, надѣялись, угадывали, и болѣе или менѣе обманутыи въ надеждахъ и предсказаніяхъ. Еще не изгладились слѣды ужасной бури: въ послѣдніе два года

(*) Почтенный Авторъ сего Разсужденія, Г. *Шлецеръ*, Московскій Профессоръ, извѣстный въ ученомъ свѣтѣ по нѣкоторымъ полезнымъ классическимъ сочиненіямъ, и занимающійся теперь изданіемъ Историческаго Атласа Россійской Имперіи, обѣщаетъ, по дружбѣ своей къ Издателю, и впредь украшать своими произведеніями листы Вѣстника Европы. *Ж.*

свирѣпствовала она съ большею жестокостїю. Нѣкоторые Троны пали, нѣкоторые потрясены, и только мощною рукою Россїи поддержаны въ паденїи. Сколько перемѣнъ! .... Но что обѣщаетъ намъ наступающїй годъ, чего ожидать отъ слѣдующихъ, какая судьба приготовлена человѣчеству въ вѣкахъ грядущихъ? Окинувъ взоромъ прошедшїя времена, осмѣлимся приподнять таинственную завѣсу будущаго! Мы можемъ ошибиться въ своихъ заключенїяхъ, произшествїя не всегда оправдываютъ мнѣнїя Политика, — но тѣмъ лучше! Политикъ не всегда предсказываетъ одно хорошее.

Взглянемъ на Древность! Что представляется любопытному взору въ отдаленномъ сумракѣ прошедшаго? Множество народовъ въ состоянїи необразованности и неутонченности, совершенно дикихъ, раздѣленныхъ, можно сказать, на однѣ разсѣянныя, немноголюдныя *семейства*, подобныхъ симъ грубымъ, необузданнымъ нацїямъ, которыя и теперь находятся въ южной Индїи или новой Зеландїи. Съ успѣхами образованности раждаются общества, подчиненныя Демократическому или Монархическому, и рѣдко Аристократическому правленїямъ; повсюду обрѣтаемъ нацїи мѣлкїя, одна другой неподвласт-

ныя, но общею опасностїю соединенныя въ единый составъ — таковы народы Грецїи до Филиппа, народы Италїи, Испанїи, Галлїи до разпространенїя могущества Римлянъ. На сѣверѣ *Германскомъ*, не задолго до извѣстнаго странствїя племенъ, на сѣверѣ *Скандинавскомъ*, спустя восемь сотъ лѣтъ по Рождествѣ Христовѣ, могущество нѣсколькихъ предпрїимчивыхъ образуетъ болѣе обширные союзы народовъ. Извѣстно, что Норманны (Варяги) на сѣверѣ *Финскомъ*, Авары и прежде ихъ, быть можетъ, Гунны, на сѣверѣ *Славянскомъ*, были первые, которые власти единой покорили нѣсколько мѣлкихъ, отдѣльныхъ нацїй.

Азїя — мнѣ скажутъ — есть исключенїе изъ сего общаго правила: издревле находимъ въ ней однѣ Монархїи обширныя. Такъ можетъ казаться съ перваго взгляду; но кто проникнулъ во глубину мрака, покрывающаго начало Азїатскихъ народовъ? Азїя ранѣе другихъ частей свѣта разцвѣла и образовалась; многїе народы могли въ ней блистать и угаснуть, прежде нежели молва о нихъ достигла до отдаленнаго Запада. Кто знаетъ! быть можетъ и Азїю — при началѣ временъ — населяли свободныя, малочисленныя, одна отъ другой неза-

висящія, но соединенныя въ единый составъ націи; отъ нихъ проистекли въ послѣдствіи сіи обширныя царства, которыхъ изображеніе находимъ въ древнихъ Историкахъ.

Источникомъ сего первобытнаго общественнаго образованія народовъ почитаю неограниченное чувство свободы, избытокъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, которыя, въ свою очередь, имъ поддержаны, усилены, возвышены: въ примѣръ конституція Англіи, которая до нынѣшней войны была оживляема простымъ и благороднымъ духомъ древнихъ Германцевъ, была источникомъ и въ тоже время произведеніемъ необыкновенной высокости Британскаго духа, до нынѣшней войны, говорю, войны, въ которую Правительство Англіи посрамило себя поступками, унизительными для его характера, въ которую самая древняя свобода Британцовъ оскорблена во многихъ правахъ своихъ — въ примѣръ дикій обитатель сѣверной Америки, котораго воинственное мужество и гордый духъ возвышаются мыслію, что онъ выходитъ въ бой на ряду съ друзьями, дѣйствуетъ въ виду ровныхъ, имѣетъ враговъ, непримиримыхъ въ ненависти и мщеніи, что слава его неотъемлема, что никакое неправосудіе не похититъ

у него награды или не спасетъ его отъ посрамленія, что онъ будетъ судимъ безъ пристрастія и пощады; чувство собственной независимости даетъ ему неограниченную гордость и силу, а мысль, что вмѣстѣ съ нимъ и сограждане его воспламеняемы единымъ духомъ, единою волею, усиливаетъ въ немъ любовь къ отечеству — въ примѣръ древній Римлянинъ, обитатель необширной еще республики, который съ веселіемъ подвергался опасностямъ войны, объявляемой съ его согласія, въ величественномъ присутствіи народа — въ примѣръ Аѳинянинъ, который съ участіемъ патріота внималъ Оратору, гремящему въ собраніи гражданъ, и отвергалъ опасные замыслы Демагоговъ, не страшась изгнанія ни произвольнаго, ни принужденнаго: тысяча убѣжищъ были открыты для него въ Греціи; вездѣ находилъ онъ братій, свободу, знакомый языкъ, знакомые нравы — словомъ, причины, возвышающія духъ народный въ государствахъ *мѣлкихъ*, соединенныхъ, одно другому неподвластныхъ, безчисленны: простота нравовъ, личная независимость, незнаніе роскоши, воинственность, дѣятельность, соревнованіе, все вмѣстѣ, въ свободныхъ и необширныхъ государствахъ, непосредственно дѣйствуетъ на образованіе духа, на со-

вершенство нравовъ, на дарованія и добродѣтели; сіи добродѣтели возводятъ республиканца на верхнюю степень могущества, просвѣщенія и славы; онъ начинаетъ поприще, какъ дикій и предпріимчивый воинъ, и кончитъ, не рѣдко, какъ художникъ или ученый; сначала дѣйствуетъ въ тѣсномъ, потомъ въ обширномъ кругѣ — слѣдствіе натуральное: все великое получило свое начало въ государствахъ малыхъ; пространныя — Монархіи или Республики — собираютъ одинъ только плодъ насажденный мѣлкими, пользуются приготовленнымъ, нѣсколько времени сохраняютъ пріобрѣтенный характеръ, но сами, собственною силою, неспособны развиться и произвесть нѣчто великое: здѣсь на каждомъ шагу человѣческій геній встрѣчаетъ препоны! мнѣніе владычествующей партіи служитъ закономъ для всѣхъ, общій духъ стѣсняется по мѣрѣ распространенія владѣній, высокое наименованіе брата, которое въ малой землѣ есть собственность и перваго и послѣдняго изъ гражданъ, теряетъ силу, и должно уступить другимъ, принадлежащимъ нѣкоторому привиллегированному классу; подражаніе, передавая провинціямъ языкъ и обычаи столицы, отнимаетъ у нихъ оригинальность; съ возрастающими богатствами изчезаетъ равенство состояній, раждается

роскошь, которая наконецъ уничтожаетъ и самый характеръ. Конечно, для того чтобы изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ и необширныхъ Государствъ составить одно, обширное, могущее, потребно чрезвычайное напряженіе силы; но симъ напряженіемъ истощается и самая сила, скоро угасаетъ она; тогда перестаютъ удивлять насъ сіи ужасныя битвы не на животъ, а на смерть, сія плодотворная борьба противныхъ силъ, сей дѣятельный духъ соревнованія; воинственныя качества теряются, искуства, науки, торговля падаютъ, и мѣсто прежняго могущества заступаетъ разслабленіе совершенное.

Въ Греціи, раздѣленной на множество мѣлкихъ Республикъ и Монархій, человѣческій духъ былъ не только приготовленъ взойти, но точно возведенъ на высокую степень образованія. — Филиппъ Македонскій, подчинивъ отдѣльные Греческіе народы могуществу единой власти, унизилъ и усыпилъ геній республиканцовъ; высокія добродѣтели Грековъ изчезли — паденіе Македонскаго единоцарствія ихъ воскресило; но грозный, разрушительный духъ завоевателей. Римскихъ наконецъ сковалъ ихъ цѣпями вѣчной неволи: съ того времени уже не возраждались онѣ въ своей первобытной силѣ и живости.

Обыкновенное сужденіе толпы о частныхъ людяхъ и цѣлыхъ народахъ опредѣляется ихъ успѣхами, щастіемъ, славою: подвиги Римлянъ превозносимы до небесъ! Судьба — говорятъ и пишутъ — назначила Римлянъ быть властителями свѣта, и съ ихъ могуществомъ сопрягла величіе, образованіе, благоденствіе человѣческаго рода: осмѣлимся утверждать противное! Римляне въ своихъ натуральныхъ качествахъ не имѣли ничего такого, на чемъ бы могло быть основано ихъ мнимое право повелѣвать міромъ: нѣкоторые изъ народовъ Италіи могли съ ними равняться, другіе превосходили ихъ въ образованности, въ великости душевной, и благо человѣческаго рода могло ли быть соединено съ ихъ властію? Правда, они образовали, подчинили единому правленію, украсили множествомъ крѣпкихъ, великолѣпныхъ городовъ южную Европу; но кто не знаетъ, что всѣ другіе народы были нещастны подъ тягостнымъ бремянемъ ихъ ига? Отъ нихъ потеряли они личное свое достоинство, собственный свой характеръ — и какой характеръ! Читайте Исторію: вы узнаете, чего стоило Римлянамъ покорить обитателей Карѳагены, Коринѳа, Нуманціи, съ какимъ отчаяннымъ и въ наше время невѣроятнымъ напряженіемъ силъ защищали сіи народы свою не-

зависимость противъ разрушительнаго властолюбія гордыхъ Римлянъ! И кого не тронетъ картина паденія сихъ пышныхъ, цвѣтущихъ и щастливыхъ городовъ, въ которыхъ обитали свобода, любовь къ отечеству, искуства, науки! ... Но мало одной незамѣняемой утраты характера національнаго: успѣхи Римскаго властолюбія остановили успѣхи образованія, медленнаго, но постояннаго въ своемъ теченіи, и которому колыбелью служила Греція; скоро изсякнулъ въ ней его источникъ, и потомство справедливо называетъ Римлянъ убійцами Греціи, народовъ высокихъ духомъ, изобрѣтательныхъ, предпріимчивыхъ, которымъ Европа обязана большею частію своего просвѣщенія, и которые теперь унижены рабскою покорностію Варварамъ. — Но Греція не одна была образована: въ южной Италіи приморскіе Греческіе города вели обширную торговлю; на сѣверѣ, Этруски имѣли писменные законы — и теперь еще удивляемся прекраснымъ произведеніямъ ихъ искуства. Карѳагена, процвѣтавшая на берегахъ Африки, могуществомъ торговли соединяла отдаленнѣйшіе края земли; корабли ея достигали съ одной стороны до мыса Доброй Надежды, съ другой до береговъ восточнаго моря (Балтійскаго) — еще одинъ шагъ, и можетъ быть

и западная и восточная Индїя были бы открыты. Испанїя, обработанная превосходно, украшалась богатыми городами; народы ея были мужественны, характера великаго, и многїе изъ нихъ, напримѣръ обитатели Нуманцїи, имѣли писменные законы, хорошо образованное правленїе, пылали патрїотизмомъ. То же отчасти можно сказать о Галлахъ, Датчанахъ и обитателяхъ береговъ Британнїи; между первыми Арморики и Лигурїйцы особенно замѣтны были своею торговлею, морскою силою и знанїемъ искуства писать.

Римляне поработили южную Европу: успѣхи усыпили ихъ дѣятельность; безсилїе побѣжденныхъ сообщилось самимъ побѣдителямъ; все угасло — и мужество и любовь къ отечеству, и славолюбїе, и науки, и искуства! По щастїю на сѣверѣ, въ дремучихъ лѣсахъ, въ холодномъ климатѣ сохранились народы, одаренные силою и мужествомъ прежнихъ вѣковъ, народы, способные влить новую жизнь въ разслабленныя души обитателей юга — древнїе Германцы. Они для временъ послѣдовавшихъ были то же, что Греки и Римляне для временъ первобытныхъ, и съ разрушенїя западной Римской Имперїи начинается новая, великая эпоха Исторїи.

Ужасное варварство затмило Европу; Римская образованность изчезла; Италїя, лишенная великолѣпныхъ своихъ городовъ, покрылась болотами, густыми лѣсами, свирѣпые волки поселились въ опустѣвшихъ жилищахъ человѣка: но изъ сего мрака надлежало излиться новому свѣту — таково было опредѣленїе Промысла! Сѣверные пришельцы, мужественные, но грубые, не имѣли довольно искуства и знанїя для утвержденїя власти своей, распространенной единымъ оружїемъ: скоро упала та стѣна, которая отдѣляла завоевателей отъ порабощенныхъ ими народовъ, стѣна, воздвигнутая и въ продолженїе многихъ столѣтїй сохраняемая благоразумїемъ Римлянъ. Народы смѣшались, большїя массы раздробились на мѣлкїя: образовались Герцогства, Княжества, Графства, Маркграфства, Республики — независимыя владѣнїя, соединенныя однимъ только общимъ союзомъ; Европа возвратилась въ то первобытное состоянїе, изъ котораго могущество Римлянъ ее исторгло, состоянїе, въ которомъ надлежало воскреснуть и силѣ и мужеству народовъ! Рыцарство, крестовые походы, привилегїи данныя городамъ, торговля, введенїе Римскаго Права, положили начало новому и лучшему образованїю Европы.

По многимъ кровопролитнымъ войнамъ произошли въ ней изъ малыхъ отдѣльныхъ областей обширныя, составныя: соединенїе сїе произвело утонченность и роскошь, но прежняя сила не истощилась; соперничество и соревнованїе существовали; Государства, каждое слишкомъ привязанное къ собственному своему благу, наблюдали одно за другимъ: родилась система общаго политическаго равновѣсїя, въ которомъ каждая нацїя могла сохранить свой частный, независимый характеръ: Европа представляла прекрасное зрѣлище народовъ свободныхъ и щастливыхъ!

Бросаю покровъ на тѣ произшествїя, которыя совсѣмъ или отчасти разрушили сїе равновѣсїе: гибельныя слѣдствїя революцїи Французской всѣмъ извѣстны. Теперь Европа находится въ такомъ точно положенїи, въ какомъ была она за двѣ тысячи лѣтъ, когда могущество Римлянъ начинало еще распространяться; Францїя, въ отношенїи къ южнымъ и среднимъ Европейскимъ Государствамъ, играетъ ролю Рима, и должно ли удивляться ея успѣхамъ? Сочтите народы, подвластные державѣ ея, народы имѣющїе одинъ языкъ, одни обычаи, одни законы, оживленные единымъ дѣятельнымъ

духомъ завоеванія; сочтите неприступныя крѣпости, которыми осыпаны ея границы; вникните въ поступки могущественнаго ея правительства и благоразумной политики — и для васъ еще будетъ непостижимо, какъ могла Франція, при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, съ такою силою и дѣятельностію, такъ долго не овладѣть Диктатурою Европы!

Теперь, смотря на политическую сцену, видимъ Британнію сражающуюся съ цѣлымъ міромъ: ея могущество грозитъ уничтоженіемъ всемірной торговлѣ; но естьли и найдетъ она средство отразить соединенныя усилія всѣхъ народовъ, то будетъ ли ея внутреннее благосостояніе совершеннѣе и тверже? Напротивъ, оно увянетъ! цвѣтущее время Британскаго благоденствія изчезло; жители Британніи, прежде свободные и щастливые свободою, теряютъ довѣренность къ Правительству, бремя налоговъ становится часъ отчасу несноснѣе, конституція Англіи, сей древній памятникъ ея величія, разрушается, и скоро останутся однѣ печальныя его развалины.

И какой судьбы должна ожидать Европа? Ея благоденствіе видимо изчезаетъ; чрезмѣрное размноженіе жителей, и можетъ

быть недальновидная политика нѣкоторыхъ Германскихъ Государей, которые все желали бы заключить въ тѣсномъ кругѣ своихъ владѣнїй, которые ни одной изъ многочисленныхъ отраслей промышленности и торговли не даютъ произрасти свободно, суть главныя причины сего упадка, замѣченнаго въ теченїи нынѣшняго столѣтїя. Взгляните на Государства Европы: Голландїя, прежде цвѣтущая и богатая, скоро не будетъ въ состоянїи содержать своихъ плотинъ; Пруссїя, сама по себѣ неплодородная и бѣдная, во многихъ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствовала война, представляетъ ужасную степь; — ни слова о моемъ нещастномъ отечествѣ! (*) И самые нравы испорчены: вездѣ уже изчезли добродѣтели нашихъ праотцевъ; мѣсто ихъ заступаетъ низкїй эгоизмъ, всегда сопутствующїй роскоши и утонченности .... Повторяю: какой судьбы должна ожидать Европа?

Древняго благоденствїя, естьли возвращено ей будетъ политическое равновѣсїе; съ нимъ соединены величїе, могущество, устройство, науки, искусства, все благодѣтельное, святое для человѣчества!

(*) Авторъ родился въ Сѣверной Германїи.

Но естьли оно разрушилось на вѣки, естьли удастся одному какому нибудь народу овладѣть изключительно первенствомъ и силою, тогда и всѣ народныя добродѣтели погибли: все будетъ существовать только въ *отношеніи* къ сему единственному, царствующему народу; въ Европѣ увидимъ *единый* языкъ, *единые* нравы, *единые* законы; изчезнетъ сіе благотворное соревнованіе, которое усовершенствовало и умственныя и физическія силы народовъ, которое возвело на такую высоту науки, искуства и общежитіе; немногія поколѣнія будутъ наслаждаться его увядшими плодами: потомки наши, можетъ быть, найдутъ однѣ развалины погибшаго благоденствія. Самый царствующій народъ, который чудесами мужества пріобрѣлъ свое владычество, не видя вокругъ себя противниковъ, разслабнетъ и потеряетъ силу, для него уже безполезную; возвратится нещастный, сумрачный вѣкъ полупросвѣщенія; изъ всѣхъ великихъ произведеній человѣческаго духа останется одно то, что пріятно для грубаго, тѣлеснаго чувства, что раздражаетъ мертвую чувственность эгоиста; самая надежда, надежда: посредствомъ сообщенія съ дикими, неиспорченными народами, возвратить потерянную жи-

вость, освободить себя отъ тяжкаго ига и роскоши и пороковъ, и снова пріобрѣсть способность къ лучшему, благороднѣйшему образованію, сія надежда не можетъ казаться основательною... Гдѣ сіи неиспорченные, могущественные дикари? Нѣкоторые отлучены отъ насъ чрезмѣрною отдаленностію, другіе, напримѣръ Монголы и Татары, уже сыграли свою ролю. Но можетъ быть въ срединѣ Европы таятся народы, юные, вооруженные древнею силою! Почему знать? Тиролецъ, грубый обитатель Далекарліи, Черногоръ, Бискаецъ и воинственный житель Аппениновъ могутъ оставить горныя высоты, пробудить усыпленныхъ обитателей дола, и въ слабыя жилы ихъ влить снова юношеское, животворное пламя! Мечта несбыточная! Конечно, въ сію минуту глазамъ нашимъ представляются нѣкоторые неиспорченные народы, прямые сыны Натуры; но долго ли сохранятъ они свою неиспорченность? и всегда ли останутся сынами Натуры?

Послѣднимъ пристанищемъ образованности, изгнанной изъ Европы, должна быть Америка: тамъ существуетъ нація, наполненная древнимъ Германскимъ духомъ! внутри ея, на сѣверъ и югѣ, хранятся сокровища народовъ, которыхъ душевная сила и

тѣлесная крѣпость превосходятъ все, удивляющее насъ въ Исторіи человѣчества! И тогда, когда Европеецъ, переселенный въ Америку, впадетъ въ изнѣженность и разслабленіе своихъ предковъ, тогда грубый дикарь исторгнется изъ дремучихъ своихъ лѣсовъ, овладѣетъ остатками искуства и науки, и будетъ хранителемъ ихъ дотолѣ, пока Европа, дикая, обращенная въ пустыню и населяемая однѣми огрубѣвшими націями, снова не устремится на высоту потеряннаго ею образованія.

Мечты! мечты! Оставимъ Всевидящему Промыслу управлять судьбою народовъ. Спокойная довѣренность къ Его намѣреніямъ! она есть послѣднее прибѣжище человѣка, прибѣжище, необходимое всегда, но еще болѣе въ наше время, нещастное, мрачное, возмущаемое грозными, разрушительными бурями.

Шлецеръ.

VII.

Извѣстія.

Увѣряютъ, что Императоръ Наполеонъ возвратился въ Парижъ 31 Декабря. Декретъ, подписанный имъ въ пользу Венеціи,

состоитъ изъ 68 отдѣленій. Департаментъ л' Адріатико, въ которомъ Венеція главный городъ, распространится; къ нему присоединятъ нѣкоторые участки департаментовъ, расположенныхъ по берегамъ залива; каналъ Маламокко расширится для свободнаго плаванія большихъ кораблей купеческихъ и военныхъ; ежегодно 700,000 лировъ будутъ употребляемы на общественныя работы; кладбище перенесено на островъ С. Христофъ; вольная гавань должна находиться на островѣ С. Жоржѣ. Венеціане исполнены благодарности къ Императору: во все время его присутствія городъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи, каналы наполнены были гондолами, на площадяхъ толпился народъ, вездѣ хотѣли видѣть Наполеона, вездѣ встрѣчали его всеобщія громозвучныя восклицанія: evviva! evviva! Декабря 15 колокольный звонъ и пушечные выстрѣлы возвѣстили его возвращеніе въ Миланъ. Здѣсь наименовалъ онъ Принца Евгенія, наслѣдника Италіанской короны, Принцемъ *Италійскимъ*, а Канцлера — Хранителя Печати Мелси Герцогомъ *Лоди*. „Граждане Италіи! — сказалъ онъ Членамъ трехъ Коллегій, собравшимся въ большой дворцовой залѣ — я много для васъ сдѣлалъ, но сдѣлаю еще болѣе! Храните союзъ съ народами Фран-

ціи; Французы ваши старшіе братья! Доколѣ сія желѣзная корона пребудетъ нераздѣлима съ короною моей Имперіи, дотолѣ Италія спокойна, дотолѣ благоденствіе и независимость ея непотрясаемы!" — Декабря 25 Наполеонъ находился уже въ Александріи; равнина Маренго была освѣщена множествомъ факеловъ; наконецъ 29 въ 10 часовъ прибылъ онъ къ подошвѣ горы Ценисса. Увѣряютъ, что Люціанъ пріѣзжалъ инкогнито въ Мантую и тайно видѣлся съ Императоромъ. Но жребій Этруріи еще не рѣшился; не извѣстно, присоединится ли она къ Италіанскому Королевству, или вмѣстѣ съ другими областями Италіи составитъ особенную Монархію: политическіе прорицатели обѣщаютъ намъ рожденіе Лаціума. По выѣздѣ Инфанты изъ Флоренціи, Тосканскія войска, Совѣтъ и Сенаторы присягали Наполеону; Французскій гербъ явился на фронтонѣ стараго дворца, и Рель, дивизіонный Генералъ, Наполеоновъ Адъютантъ, объявилъ, что онъ отъ имени Императора Французовъ вступаетъ во владѣніе Королевства Этруріи.

*

Между Министрами Англіи замѣтно несогласіе. Гакесбури, открытый непрія-

тель Каннинга, Персиваля и Кастлерега, изъ которыхъ первый, какъ извѣстно, есть ревностный проповѣдникъ вѣчной войны, другой страшный фанатикъ, славный по ненависти своей къ нещастнымъ Ирляндскимъ Католикамъ, а третій человѣкъ отчаянный, которому обязана Европа ужасами нападенія на Копенгагенъ. Всѣ увѣрены, что Гекесбури, съ помощію отца своего Лорда Ливерпуля, имѣющаго великое вліяніе на тайный совѣтъ Королевы, сдѣлаетъ важный переворотъ въ Министеріи: тогда опять увидимъ на сценѣ и Гренвиля и Сидмута (Аддингтона). — Слухи, что Сиръ Сидней Шмитъ провожаетъ Португальскаго Регента въ Бразилію, не подтвердились: онъ здалъ эскадру свою, находящуюся передъ Лиссабономъ, Адмиралу Коттону, а самъ вмѣстѣ съ Генераломъ Спенсеромъ будетъ управлять особенною, важною экспедиціею, которой цѣль еще никому неизвѣстна. Многіе думаютъ, что Англичане сдѣлаютъ нападеніе на Константинополь; что флотъ ихъ прорвется сквозь Дарданеллы въ Черное море; всѣ острова Іоніійскаго моря и Архипелага, всѣ берега отъ Дарданельскаго пролива до самой Александріи окружены Британскими кораблями; торговля пресѣклась; въ Константинополѣ начинаютъ чувствовать

недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и новая сильная высадка угрожаетъ Египту. Сиръ Самуилъ Гудъ съ эскадрою своею займетъ Мадеру, въ слѣдствіе тайнаго приказанія, которое въ послѣднихъ еще числахъ Августа было дано Португальскимъ Регентомъ Губернатору сего острова, но донынѣ хранилось въ рукахъ Министровъ Британніи. — Шведскій Король рѣшительно объявилъ себя союзникомъ Англичанъ; онъ видѣлся, какъ увѣряютъ, въ Гельзингборгѣ съ Наслѣдникомъ Даніи, который старался отвлечь его отъ союза, могущаго имѣть гибельныя слѣдствія для націи Шведской и ея Монарха — упорный Густавъ отвергнулъ благоразумное предложеніе Фридриха.

*

Пруссія съ трудомъ приходитъ въ себя послѣ ужасныхъ переворотовъ, произведенныхъ прошедшею войною: вездѣ встрѣчаемъ въ ней опустошеніе и бѣдность. Россія снабжаетъ союзницу свою лошадьми, рогатымъ скотомъ и хлѣбомъ: изъ Курляндіи, Лифляндіи и другихъ провинцій позволенъ свободный вывозъ съѣстныхъ припасовъ въ восточную Прусоію. Теперь Королевская Фамилія находится въ Мемелѣ. Король безпрестанно занятъ Государственными дѣлами и неутомимо работаетъ съ Минист-

ромъ Штеиномъ. Вообще ведетъ онъ образъ жизни скромный. Жители города видятъ въ немъ болѣе отца, нежели Монарха; онъ ходитъ пѣшкомъ, въ самой простой одеждѣ, не рѣдко посѣщаетъ частныхъ людей, у иныхъ обѣдаетъ или пьетъ чай. Въ домѣ, который занимаетъ Дворъ, отведена ему одна только комната; въ нижнемъ этаже находится зала, для Государственнаго Совѣта, въ которой Король всякой день трудится съ Графомъ Гольцомъ, Министромъ Штеиномъ и Членами такъ называемой непосредственной Коммисіи. Придворныя издержки весьма ограничены: столъ обыкновенно состоитъ изъ трехъ блюдъ, и золотой столовой приборъ обращенъ въ деньги. Преобразованіе арміи продолжается съ живостію: Прусская конница, набранная изъ остатковъ прежней, совершенно разстроенной, будетъ состоять изъ 16000 человѣкъ, а пѣхота изъ 35000. Государственные доходы въ крайнемъ безпорядкѣ, по причинѣ долговременнаго пребыванія въ Пруссіи Французскихъ войскъ, и болѣе потому, что самая казна была въ расположеніи Французскихъ Чиновниковъ. Теперь Французы выходятъ, а можетъ быть уже и вышли изъ Прусскихъ владѣній; въ однѣхъ только крѣпостяхъ Штеттинѣ и Кистринѣ останутся ихъ гарнизоны.

Австрїйская армїя — пишутъ изъ Австрїи — не смотря на продолжительную войну и чрезвычайныя потери, не смотря на то, что болѣе половины плѣнниковъ не могли быть размѣнены, опять приведена въ первобытное состоянїе; полки укомплектованы, солдаты вооружены и прекрасно одѣты. Австрїя слѣдуетъ примѣру Францїи: Эрцгерцогъ Карлъ рѣшился принять систему Французской конскрипцїи, и нынѣ каждый Австрїецъ есть солдатъ; ни одно состоянїе не можетъ быть избавлено отъ общаго жребїя. Новая сила одушевляетъ Австрїйскихъ воиновъ; все перемѣнилось, и экзерциція и оружїе и одежда. Военный Совѣтъ, разпоряжавшїй до сего времени дѣйствїями армїи, долженъ уступить Генералиссимусу, Принцу крови, полновластному Полководцу, и этотъ Полководецъ есть Карлъ, обожаемый всѣми, отъ Генерала до послѣдняго рядоваго. Гдѣ онъ — говорятъ Австрїйцы — тамъ побѣда и слава! Эрцгерцогъ человѣкъ твердый, благороднаго духа, опытный, исполненный любви къ Отечеству. Онъ Президентъ Придворнаго Военнаго Совѣта Имперїи.

28 *Января.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ, 1808.

No 4.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письмо Ж. Ж. Руссо (*).

Сесилїя! начиная чувствовать необходимость любви, сердце узнаетъ и скуку жизни: обыкновенное слѣдствїе сего прїятнаго, восхитительнаго чувства, которое не даетъ намъ щастїя, но изнуряетъ насъ подъ бременемъ наслажденїя, превышающаго силы человѣка. Любовь отдѣляетъ насъ отъ всего: тогда бываемъ

(*) Переводъ съ манускрипта, который нигдѣ еще не былъ напечатанъ. Любопытно знать, кто эта Сесилїя? Быть можетъ, та самая Милади Говардъ, съ которою Ж. Жакъ познакомился въ старости и которой поручилъ судьбу Жюльетты, извѣстной Читателямъ Вѣстника. Надобно помнить, что это письмо писано шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Ж.

мертвы для самихъ себя, тогда существуемъ для милаго, единственнаго предмета; унылїе нечувствительно обвивается вокругъ нашего сердца, и наконецъ мало по малу запутываетъ его въ безчисленныхъ изгибахъ, изъ которыхъ никогда, никогда не могло оно освободиться.

Когда бы Творецъ захотѣлъ перенести на землю Свое небо, тогда населилъ бы ее существами, щастливыми любовїю, и отнялъ у нихъ способность предвидѣть будущее. Мысль сїя о будущемъ есть медленная отрава любви: чувствуешь противъ воли, какъ основанїя бытїя нашего ничтожны; чувствуешь, что прежде не можетъ оно укорениться, пока не перемѣнится сама Натура вещей, пока любезному существу не дана будетъ сїя неизмѣняемость, и нѣжнымъ симпатическимъ чувствамъ сїе вѣчное постоянство, которыя никогда не могутъ быть удѣломъ созданїя.

На предѣлахъ жизни мы видимъ гробъ: тамъ, говоритъ мнѣ сердце, соединишься съ *нею* на вѣки. Кто любитъ, тотъ вѣритъ безсмертїю! и какой любовникъ въ лучшїе дни свои бывалъ атеистомъ? Въ семъ отдаленїи, мрачномъ для взоровъ ума, но озаренномъ надеждою и мечтами для сердецъ нѣжныхъ, откры-

ваетсяѧ мнѣ щастїе безпредѣльное. Но щастїе сїе невообразимо безъ соединенїя съ тѣмъ, что намъ драгоцѣнно, что украшало нашу земную жизнь, безъ чего и самое бытїе кажется непонятнымъ. Сесилїя! небесный рай для души, воспламененной любовїю, не иное что, какъ сїе соединенїе.

О мой другъ! почувствуй сїю надежду, неописанно сладкую надежду, которая исполнится для любовниковъ при выходѣ изъ жизни! все, что ни имѣли они земнаго, сраженное смертїю, соединится въ единомъ гробѣ; но все, что въ нихъ безсмертно, будетъ неразлучно и навѣки. И ты удивляешься, что можешь желать смерти? и ты удивляешься, что любимый тобою человѣкъ объ ней мыслитъ? Ахъ! удивляюсь болѣе тому, что вы не летите къ ней на встрѣчу, и падаю ко стопамъ Вѣчнаго Существа, Которое наши надежды на будущее согласовало съ намѣренїями Своей мудрости. О! естьли бы всѣ могли ихъ чувствовать такъ живо, какъ я въ сїю минуту ихъ чувствую, тогда захотѣлъ ли бы кто-нибудь остаться жителемъ сего мїра?

Нѣтъ, Сесилїя! отвращенїе отъ жизни естественно, когда живемъ для одной любви; желаемъ умереть не для того,

чтобы другъ друга оставить, но для того, чтобы цѣною временнаго бытія купить любовь безконечную; желаемъ укрыть себя отъ опасностей перемѣны, страшимся мученій жизни, завидуемъ спокойствію и постоянству за гробомъ. Но почемужь, и въ другомъ положеніи, можетъ быть ужасна сія смерть, приводящая всякаго въ трепетъ? Пускай боится ее грубая чернь, которой чувствительность благодѣтельно притуплена мудростію Вѣчнаго; пускай она привязывается къ тѣлесной жизни: могу ли сему удивляться? Но существо, которое находитъ въ душѣ своей неизтощимое сокровище чувства, скажи, Сесилія, можетъ ли оно любить жизнь? Ахъ! сомнѣваюсь. Оно любитъ ее минутами, въ разное, раздѣленное промежутками время; и естьли бы возможно было положить на вѣсы съ одной стороны тѣ минуты, которыя провели мы желая смерти, а съ другой тѣ, въ которыя любили жизнь: тогда я увѣренъ, что перевѣсъ былъ бы на сторонѣ гроба. И для чего же безумными ужасами обезображивать прелестную надежду смерти? Что она, Сесилія? Спокойный сонъ человѣка тѣлеснаго; вѣчная жизнь существа духовнаго.

Молодость моя прошла въ безпрестанномъ приготовленіи къ разлукѣ съ жизнію: всякую минуту я видѣлъ передъ

собою могилу: о! какъ желалъ я тогда этой ужасной смерти! Но я не смѣлъ предупредить ее: благодарность Привязывала меня къ жизни; прочти мои признанія, узнаешь для чего я остался жить. Заведенный случаемъ на стезю Писателей, я нѣсколько минутъ принесъ въ жертву суетному самолюбію, но дорого, дорого заплатилъ за свою ошибку!

Я испыталъ наслажденія любви, но судьба никогда не хотѣла соединить для меня восторговъ душевныхъ съ удовольствіемъ чувственнымъ; сердце мое было наполнено романическими идеями, которыя всегда его терзали, но съ которыми ощущалъ я, въ самыхъ заблужденіяхъ истинное блаженство. Можетъ быть никто на свѣтѣ не читалъ такого множества романовъ, какъ я; но я читалъ ихъ съ такимъ живымъ, мучительнымъ участіемъ, которое едва не стоило мнѣ жизни. Теперь, на краю гроба, открываю тѣ книги, которыми плѣнялся въ молодыхъ лѣтахъ, читаю и нахожу въ нихъ свое сердце: оно волнуется, какъ и прежде; глаза мои, готовыя затвориться на вѣки, проливаютъ еще слезы.

Повѣрь, Сесилія! лишь тотъ, кто окружилъ себя подобными идеями, лишь тотъ способенъ насадить нѣсколько цвѣ-

товъ на пути своей жизни. Существенность въ чувствѣ есть гибель щастія; существенность прилична бытію тѣлесному, но бытіе духовное питается мечтами.

Гдѣ человѣкъ, который на зарѣ жизни, въ сіи лѣта щастія, когда живая душа растворяется любовію къ красотѣ идеальной, не испыталъ очарованія сихъ небесныхъ идей, представляющихъ душѣ, ими полной, любовь всегда невинною, чистою, раздѣляемою и постоянною, дружбу чуждою корысти, и всѣ привязанности сердца ясными, усладительными, на вѣки неизтощимыми? Сесилія! быть можетъ не найдемъ человѣка, которому бы неизвѣстна была сія первая минута щастія; но многіе ли продолжили ее? Мечты сіи умираютъ, и слишкомъ скоро въ обществѣ людей; безплодная истина уничтожаетъ въ самомъ зародышѣ милыя надежды и призраки, которые одни могли бы сдѣлать неизъяснимо прелестною жизнь человѣка.

Что остается тогда для бѣднаго, слишкомъ чувствительнаго творенія? Прилѣпиться къ своимъ мечтамъ, избрать самыя привлекательныя. Взоръ человѣка ихъ разрушаетъ — оно бѣжитъ въ уединеніе;

въ обществѣ попадаются ему однѣ отвратительныя твари — оно скрывается въ пустыню и населяетъ ее созданіями по своему сердцу: вотъ время романовъ, не сихъ чудовищныхъ произведеній, въ которыхъ чорствая душа изображаетъ нравы своего вѣка, но сихъ вдохновеній восторга, любви, добродѣтели. Въ нихъ чувствительное существо находитъ для себя новый міръ, въ который устремляется на крыліяхъ желанія и надежды; въ минуты изступленія оно признаетъ себя достойнымъ Элоизы, Юліи, Памелы и, отдавая себѣ справедливость, забываетъ жестокое неправосудіе человѣка.

Какъ щастливъ тотъ, кто можетъ до самой смерти сохранить чувствительность юношескихъ лѣтъ! Я сохранилъ ее, Сесилія, и симъ обязанъ романическимъ своимъ мыслямъ. Ахъ! я знаю, слишкомъ знаю: для развращеннаго сердца все романъ, и въ нашемъ развратномъ вѣкѣ любовь романъ, добродѣтель романъ, героизмъ древняго времени маска, Исторія Римлянъ училище лжи, или скопище однѣхъ басней. Но что же выиграли люди, изсушивъ свое сердце и похитивъ у себя все то, что нѣкогда возвышало ихъ къ небу? какая польза отъ сей убійственной философіи, которая за-

вела ихъ въ болота эгоизма? Сесилїя! вмѣстѣ съ заблужденїями угасли добродѣтели! Скажи мнѣ — говорю не сердцу твоему, но разсудку, хочу знать не собственно твое, но общее мнѣнїе Свѣта — скажи мнѣ, что почитаютъ любовїю въ наше время? Они искали удовольствїя, но отдѣливъ отъ него чистоту и непорочность, лишили его всѣхъ очарованїй, сдѣлали презрительнымъ и грубымъ. Мечты, прелестныя чада воображенїя, изчезли; мѣсто ихъ заступили желанїя, чада разврата — низкое удовольствїе, раздражающее чувства, но мертвое и недѣйствительное для сердца.

Сесилїя! наслажденїе истинной любви не есть ли нѣчто священное, скажу, небесное? Ужели искать въ немъ одного минутнаго удовлетворенїя чувственности? О Боже! какой обманъ! прелесть сихъ восхитительныхъ минутъ заключена единственно въ томъ чистомъ, непорочномъ пламени, которое животворитъ сердце; и какой любовникъ въ сїи минуты наслаждается собою? Нѣтъ! нѣтъ! тогда онъ существуетъ не въ себѣ, онъ упоенъ *ея* восторгомъ, онъ видитъ, онъ чувствуетъ одну *ее*. Сесилїя! найдутся выраженїя для удовольствїй грубыхъ; но кто, не будучи Богомъ, осмѣлится опи-

сать восторги истинной любви? кто способенъ сказать: таковы были твои чувства, здѣсь предѣлы твоего наслажденія! Нѣтъ! самое наше безсиліе изобразить сію сладость не есть ли доказательство ея превосходства? Творецъ, который хотѣлъ возвысить наше бытіе, позволилъ человѣку ее вкусить, но запретилъ опредѣлять словами. Описывая такое блаженство, мы уничтожили бы его очарованія.

Когда многократными, жестокими уроками люди научаютъ насъ познавать свою испорченность; тогда спѣшимъ возвратиться къ мечтамъ, которыя насъ трогаютъ, которыя питаютъ и берегутъ драгоцѣнную нѣжность нашего сердца. Сначала плѣняли меня романы: я ихъ оставилъ для людей; но познакомясь съ людьми, возвратился къ романамъ, и теперь никогда, никогда не оставлю ихъ. Въ романахъ болѣе всего трогаетъ меня участь женщины, которую нещастіе отвратило отъ жизни; я плачу съ такою сладостію, съ которою ни что на свѣтѣ не можетъ сравниться; увѣренъ, что, будучи женщиною въ такихъ же обстоятельствахъ, я также былъ бы обманутъ, имѣлъ такое же мужество и такъ же возненавидѣлъ жизнь свою.

Но для чего же ни къ кому не чувствовалъ я истинной любви? для чего плѣнялся однѣми мечтами? что причиною такого равнодушія? Самыя сіи мечты, Сесилія! онѣ отъ всего меня отвратили; сорокъ лѣтъ ношу во глубинѣ души, образъ *единственныя*; люблю ее постоянно, съ наслажденіемъ неизъяснимымъ .... Но гдѣ она? могу ли дать ей бытіе? Нѣтъ, Небеса не одарили меня такою властію! я уже отказался отъ надежды найти неизвѣстную, пересталъ за нею стремиться, и вдругъ — увидѣлъ передъ собою Сесилію. Называй меня смѣшнымъ, ребенкомъ, безумцемъ, но я смотрѣлъ на тебя съ упоеніемъ, и сердце мое не могло не сказать разсудку: это она!

И никакая женщина не производила во мнѣ такого чувства! я слушалъ тебя, и мнѣніе мое не перемѣнилось. Что мыслило существо, избранное моемъ сердцемъ, то говорила мнѣ Сесилія; не знаю, кому отдать преимущество — тебѣ, или моему призраку; но ты оживила его въ глазахъ моихъ; увѣренъ, что похвала сія имѣетъ свою цѣну. Сказать ли, что меня въ тебѣ восхищаетъ? Сія щастливая смѣсь благородства и тихости, сіе соединеніе важнаго вида съ милою непринужденностію дружбы . . . когда величественныя взоры

твои, которые каждому говорятъ: пади на землю и обожай! омрачаются меланхолическимъ унынїемъ, и слезы медленно катятся съ прелестныхъ твоихъ рѣсницъ, чистыя, какъ утренняя роса: тогда, Сесилїя, тогда желалъ бы умереть, въ надеждѣ, что за предѣлами Вселенныя любовники не имѣютъ уже лѣтъ.

Боже! какимъ блаженствомъ я наслаждался близь тебя, Сесилїя! Воспоминанїе о немъ наполнитъ остатокъ моихъ дней! Такъ, мой другъ! для всякой эпохи жизни есть щастїе, и любовь старика воспламеняютъ не тѣ награды, которыя предоставлены цвѣтущимъ юношескимъ лѣтамъ.

О! какъ гордился я самимъ собою, когда Сесилїя хвалила мои сочиненїя! Помнишь ли, когда я читалъ тебѣ Элоизу, когда ты мнѣ сказала, указывая на сердце: Жанъ Жакъ! написанное тобою было здѣсь! Небо! съ какимъ восхищенїемъ смотрѣлъ я тогда на эту книгу; я боготворилъ ее, чувствовалъ, что она несравненна; мнѣ хотѣлось забыть, что я ея творецъ, чтобы оправдать передъ самимъ собою чрезмѣрность своего восторга! А портретъ Софїи, который читалъ я передъ тобою на колѣняхъ! конечно ты

не забыла объ этомъ, Сесилїя? Твой любовникъ, мой сынъ, поднялъ меня, посадилъ, и въ эту минуту вы оба у ногъ моихъ; мнѣ послышалось, что ты сказала: человѣкъ божественный! Ахъ, Сесилїя! ты не обманулась! въ эту минуту совершился мой апотеозъ!

Вотъ девятая страница, а я еще не думалъ тебѣ отвѣчать. — Тѣмъ лучше: напишу другое письмо. Теперь прибавлю одно слово: Сесилїя! скажи щастливому твоему другу, чтобы онъ не слишкомъ предавался разсматриванїю любви! Мнѣ, старику, искать утѣшенїя въ сихъ животворныхъ, небесныхъ идеяхъ; но онъ пускай одушевляетъ ихъ, пускай даетъ имъ бытїе, не думаетъ о томъ, какъ можно быть любимымъ или нещастнымъ отъ любви; но любитъ тебя, забываетъ все личное, существуетъ въ одной Сесилїи. Прости! надобно кончить. Дѣвица Левассеръ увѣряетъ, что я слишкомъ многорѣчивъ, что болѣе четырехъ часовъ сижу за письменнымъ столикомъ, и еще не сказалъ ей ни одного слова: это меня разсмѣшило.

Ж. Ж. Руссо.

II.

Георгъ II, Англійскій Король, и Министры его, описанные Кантемиромъ (*).

Прежде отъѣзду моего должностію своею почитаю Вашему Императорскому Величеству кратко и всенижайше донесть, въ какомъ состояніи оставляю Дворъ здѣшній, каковы его главнѣйшіе Министры, и какія настоящія дѣла.

Его Королевское Величество, какъ я многожды Вашему Императорскому Величеству честь имѣлъ доносить, Государь весьма честнаго характера и въ словѣ своемъ примѣрнаго постоянства, естьли бы нужда здѣшнихъ законовъ, и часто

(*) Вѣроятно, что этотъ отрывокъ, нигдѣ еще не напечатанный, будетъ пріятенъ для Читателей Вѣстника. Князь Кантемиръ, остроумный Стихотворецъ, имѣлъ и дарованія Политика, былъ тонкій, глубокомысленный Наблюдатель. Кто знаетъ Сатиры его, тотъ съ удовольствіемъ прочтетъ и слѣдующія страницы, не многимъ извѣстныя: Донесеніе, присланное имъ изъ Лондона въ 1738 году, въ Императрицѣ АННѣ, въ то самое время, когда онъ готовился оставить Англію и ѣхать въ Парижъ въ качествѣ Полномочнаго Министра. Издатель не осмѣлился ничего перемѣнить въ слогѣ.

совѣты Министровъ къ противному Его Величество не понуждали. Вспыльчивый Его Величества нравъ причину подалъ къ несогласію съ сыномъ, который съ своей стороны, можетъ быть больше нежели прилично, съ противниками Его Величества сообщается, и пока Его Высочества поступокъ въ семъ не оправится, мало согласія съ отцомъ ожидать можно.

Господа Вальполи безсумнительно всю силу здѣшняго правленія въ своихъ рукахъ имѣютъ. Большой братъ Робертъ, человѣкъ весьма добрый и острраго ума, и по его авкторитету въ Парламентѣ видно, что ко внутреннимъ дѣламъ много искуства имѣетъ, и зная совершенно склонность своей націи, куда хочетъ ее влечетъ, наипаче къ тому употребляя золотую узду. Въ дѣлахъ чужестранныхъ, какъ всѣ генерально здѣсь признаютъ, не много знанія имѣетъ, и потому особливо брата своего почитаетъ, чая, что многія Посольства, въ которыхъ онъ обрѣтался, дали ему способъ въ томъ искуситься. Я не могу сказать, праведно ли то его мнѣніе, или нѣтъ, понеже за многословіемъ, которое Господинъ Горацъ въ своихъ разговорахъ употребляетъ, основательное разсужденіе почти онымъ подавлено, и удача въ его негоціаціяхъ мало въ его

пользу показываетъ, хотя впрочемъ и онъ не лишается остроты ума и пріятнаго обхожденія. Оба братья, опасаяся отъ войны пріумноженія непріятелей своихъ, или раздѣленія власти своей во многія руки, тишину любятъ, и потому многіе авантажи потерять лучше склонятся, чѣмъ навлечь на себя оную опасность; для того при правленіи ихъ трудно ожидать отсюду какого-либо смѣлаго дѣйства.

Дюкъ Нюкастль, Статскій Секретарь Полуденныхъ дѣлъ, имѣетъ великую понятность и память, но весьма мало аттенціи къ чужестраннымъ дѣламъ даетъ, будучи непрестанно въ своей деревнѣ, и упражняяся пріумноженіемъ себѣ въ провинціяхъ друзей, которыми и мѣсто свое сохраняетъ. Великое число его вотчинъ, друзей и родни даютъ ему нѣсколько голосовъ въ Парламентѣ, что понуждаетъ Господъ Валполей не учинить себѣ его непріятелемъ, а инако давно бы свой чинъ потерялъ.

Милорда Гарингтона, Статскаго Секретаря Сѣверныхъ дѣлъ, можно поставить образцомъ честнаго и добраго человѣка, который снабдѣнъ природнымъ основательнымъ разсужденіемъ и многимъ искусствомъ; обѣ здѣшнія противныя стороны равно его

любятъ и почитаютъ; нѣтъ такого, ктобъ имъ былъ недоволенъ; нраву весьма тихаго, малорѣчивъ, не лукавъ и столько недругъ всякихъ замѣшательствъ и высокомыслія, что хотя Его Королевское Величество къ нему гораздо милостивъ, Кавалеръ Валполь ему не ревнуетъ; и подлинно способнѣйшаго онъ Валполь себѣ пріискать не могъ бы, понеже Милордъ, кромѣ своей должности, ни въ какія дѣла не вступаетъ; почему я надѣюсь, что онъ мѣсто свое сохранитъ, совсѣмъ тѣмъ, что Горасъ Валполь горячо желалъ бы оное себѣ присвоить.

О Членахъ Тайнаго Совѣта не упоминаю, понеже ни силы никакой не имѣютъ, ни Господину Валполю противиться отважны. Нечего также замѣтить и о прочихъ придворныхъ, которые ни въ какія дѣла не вступаютъ, развѣ когда Господинъ Валполь кому что позволитъ, и Его Величество ни которому изъ нихъ отмѣнной милости не являетъ.

Сколько настоящихъ дѣлъ касается, то самое достойное примѣчанія: Ишпанская ссора. Но Министерство здѣшнее, за вышеописанною склонностію избѣгать всякихъ обязательствъ, которыя войну грозятъ, всѣми силами трудится несогла-

сїе съ Гишпанскимъ Дворомъ безъ войны утушишь; естьлижь однако довольное отъ шого Двора удовольство купечеству здѣшнему не доставятъ, должны подлинно ожидать худыхъ слѣдствїй, для того оба братья Валполя о семъ дѣлѣ больше всего пекутся: наипаче, что естьлибъ до войны дошло, опасаются соединенїя Гишпанскаго Двора съ Французскимъ.

Сего послѣдняго Двора нынѣшнее доброе согласїе съ Цесарскимъ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ Господъ безпокоитъ; но Министры рѣдко когда о томъ думаютъ, довольствуяся тѣмъ, что въ такомъ состоянїи дѣлъ Цесарскїй Дворъ помощи отсюду не требуетъ, и что нѣкакимъ образомъ продолжается тишина Европейская; ничего инаго не ищутъ, какъ только чтобъ она тянулась во все ихъ правленїе, мало печася, что по томъ случиться имѣетъ.

Въ негоцїацїи Турецкой, для примиренїя Вашего Императорскаго Величества и Высокаго Вашего Союзника съ Портою, участїе всякое здѣсь охотно бы приняли, и хотя во всѣхъ своихъ разговорахъ недовольства никакого не оказали, однакожь небезревностны, что Французскїй Дворъ одну оную отъ большой части про-

изводитъ, и чаю, что мой туда отъѣздъ не совсѣмъ нравенъ.

О всемъ вышеписанномъ я хотя уже имѣлъ честь по части въ прежнихъ моихъ покорнѣйшихъ реляцїяхъ доносить, однакоже пристойнымъ чаялъ все въ одно мѣсто собрать, столько для того, чтобъ Ваше Императорское Величество вдругъ все то себѣ напомнить соизволили, сколько и для пользы отправляемаго на мое мѣсто отъ Вашего Императорскаго Величества Министра, для котораго особливо прилагаю при семъ роспись чужестранныхъ Министровъ, здѣсь обрѣтающихся, нѣкоторыя нужнѣйшїя извѣстїя для церемонїаловъ съ ними и при Дворѣ, и о привиллегїяхъ чужестранныхъ Министровъ.

Князь Антїохъ Кантемиръ.

III.

СМЕРТЬ ПОЛИКСЕНЫ,

(Отрывокъ изъ Эврилидовой Трагедіи: Гекуба.)

Греки, по взятіи Трои, пристали флотомъ своимъ къ Ѳракійскому Херсонесу, которымъ управлялъ въ то время Полимнесторъ. Здѣсь воздвигли они памятникъ Ахиллу, погребенному въ Троѣ. Тѣнь побѣдителя Гекторова, явившись на высотѣ кургана, требовала принесенія въ жертву Поликсены, дочери Пріамовой, которая нѣкогда обручена была Ахиллу, и теперь, вмѣстѣ съ матерью своею Гекубою и другими знатнѣйшими изъ женъ и дѣвицъ Троянскихъ, находилась въ станѣ Греческомъ для отведенія въ плѣнъ. — Оракулъ возвѣстилъ, что до тѣхъ поръ корабли не могутъ отплыть отъ береговъ Ѳракійскихъ, пока не исполнится требованіе раздраженной тѣни. — Улиссъ, которому въ удѣлъ достались Гекуба и Поликсена, объявляетъ имъ приговоръ народный. — Вотъ содержаніе слѣдующихъ сценъ:

Царь Итаки, посланный нѣкогда для осмотра города Трои, какъ соглядатай, примѣченъ былъ Гекубою, и спасенъ ею отъ неминуемой казни. Сіе благодѣяніе напоминаетъ ему со всею

благородною скромностїю, и умоляетъ его защитить нещастную дочь свою. — Нѣжныя чувствованїя матери, лишающейся послѣдней подпоры престарѣлыхъ дней своихъ, рѣшимость и истинно-героической характеръ Поликсены, обряды жертвоприношенїя, совершаемые Пирромъ, сыномъ Ахиллеса, и жалостное состоянїе дѣвицъ Троянскихъ, идущихъ въ неволю, и не знающихъ будущей судьбы своей; составляютъ первыя два дѣйствїя сей Трагедїи, которой конецъ не соотвѣтствуетъ началу. — Мой переводъ, или лучше подражанїе столь близко, сколько позволяетъ отдаленность театра и нравовъ. — Надѣюсь доставлять вамъ иногда и другїя лучшїя сцены изъ Греческихъ Трагиковъ. *Примѣч. Перев.*

Гекуба. Улиссъ. Поликсена.

Гекуба. Ахъ! жизнь иль смерть! . . .
Улиссъ. Скрѣпись, отчаянная мать!
Нещастья жизни сей удѣлъ необходимой!
Я посланъ возвѣстить —
Гекуба. О рокъ неумолимой! —
Улиссъ. Противъ безсмертныхъ намъ не можно возставать!
Я воли ихъ святой невольной исполнитель. . .
Гекуба. И всѣхъ мнѣ пережить судилъ Громодержитель!

И старость дряхлая, лишенная подпоръ,
Въ презрѣнной нищетѣ, забытая богами,
Неутѣшаема сострадающихъ слезами,
Покажетъ Грекамъ здѣсь во мнѣ живой позоръ! —
Улиссъ! гласъ матери тебѣ не оскорбленье!
Дерзну ли я. . .
Улиссъ. Вѣщай! (*въ сторону*) Я чувствую смятенье!
О, подкрѣпи меня, могущественна тѣнь!
Гекуба. Улиссъ! воспомнишь ли ужасный оный день,
Когда ты, ратныхъ силъ и Трои соглядатай,
Въ раздранномъ рубищѣ, какъ ближнихъ селъ ратай,
Блуждалъ вокругъ бойницъ, скрывая въ сердцѣ страхъ,
И съ робкой хитростью считалъ нашъ каждой шагъ?
Воспомнишь ли сей день? . . .
Улиссъ. Ахъ! что ты мнѣ вѣщала!
Гекуба. Элена скрытаго среди толпы узнала. . .
Ты былъ въ моихъ рукахъ!
Улиссъ. Всечасно смерти ждалъ! —
Гекуба. Не предо мной ли ты колѣна преклонялъ? —
Улиссъ. Ахъ! ты была одна нещастному отрада!

Гекуба. Не изведенъ ли ты моей рукой изъ
града?
Улиссъ. Я живъ. . . я чувствую. . . но что
твой значитъ взглядъ? . . .
Гекуба. Ты живъ, и обоймешь своихъ любез-
ныхъ чадъ!
Улиссъ. Гекуба, все — твой даръ! . . .
Гекуба. Не ради оскорбленья
Напомнила тебѣ мои благотворенья!
Улиссъ не можетъ быть неблагодарнымъ, —
нѣтъ! —
Герой всегда герой, и въ щастьѣ и средь бѣдъ!
Ему ли жертвовать народа заблужденьямъ!
Для славы суетной служить его велѣньямъ!
И страждущихъ друзей безъ крова оставлять!
Чѣмъ можешь ты сіе убійство оправдать? —
Кто Грекамъ право далъ? — О родъ же-
стокосердый!
Онъ съ хладною душой, въ пути злодѣйства
твердый,
Часы торжественной, побѣдной тишины,
Мечтаетъ украшать — чѣмъ? — Смертію жены!
Жестокой! будь судья, будь правды другъ
неложной!
Вѣщай теперь: Ахиллъ, добыча брани грозной,
Въ подземныхъ областяхъ, сгарая мѣстью злой,
На комъ остановилъ ужасной выборъ свой?
Виновна чѣмъ предъ нимъ нещастная, скажите?
Элену гордую на гробъ его влеките;
Она вела его къ Пріамовымъ стѣнамъ;
Она терзала васъ, она погибель намъ;

Пускай она умретъ залогомъ примиренья! —
„Потребна красота для жертвоприношенья;“ —
Пусть такъ! — но дщерь моя не ввергла въ плѣнъ мужей;
Не разрушала царствъ прельщеніемъ очей!
Элены красота найдетъ другую Трою! —
Улиссъ! — коль истина всесильна надъ тобою,
Ты сердца своего внуши благой совѣтъ, —
Воспомни оный часъ, какъ плѣнникъ, въ узахъ бѣдъ!
Ты къ старческимъ моимъ колѣнамъ преклонялся,
Края одеждъ лобзалъ, отчаянный, терзался;
Чѣмъ ты былъ въ оный часъ, то я передъ тобой!
О той же милости молю тебя, герой!
Ахъ! не лишай меня подпоры сей убогой!
Не убивай ее! — уже убійства много!
Спаси нещастную, меня спаси ты въ ней!
Утѣха въ бѣдствіяхъ, надежда дряхлыхъ дней,
Она оставлена отъ неба мнѣ замѣной
Отечества, родныхъ и славы похищенной!
Ты плачешь. . . добрый Царь! . . . Я вижу наконецъ,
По нѣжнымъ симъ слезамъ, я вижу. . . ты отецъ.
Улиссъ! — возможноль жить намъ славою одною? —
Подъ гнѣвомъ ли небесъ, хранимы ли судьбою,

Для милыхъ чадъ, для нихъ быть славными
хотимъ!
Все тлѣнно. . . ихъ любовь во гробъ съ со-
бой вмѣстимъ.
Представь, что я была доселѣ, что я нынѣ,
Величество мое въ супругѣ, въ храбромъ сынѣ;
Что вѣки берегли, то взялъ единый день.
Отецъ! — представь себѣ всѣхъ бѣдъ моихъ
хоть тѣнь,
И вспомни о родныхъ, съ тобою разлученныхъ,
Которыхъ жизнь тебѣ милѣй побѣдъ без-
цѣнныхъ!
Почти во мнѣ себя, родительску любовь,
Права земныхъ племенъ, невинной дѣвы кровь!
Прилично ли сынамъ Эллады просвѣщенной,
Быть плѣнниковъ своихъ грозою разъяренной?
Гдѣ первый вашъ законъ, гдѣ даръ самихъ
боговъ,
Которой ограждалъ спокойствіе рабовъ,
Которымъ движимы, когда во градъ вступили,
Вы нашихъ олтарей убійствомъ не осквернили!
Гдѣ кроткій сей народъ — народовъ об-
разецъ! . . . .
Гласъ мужа славнаго доходитъ до сердецъ!
Заслуга, доблесть, санъ вѣщать въ Улиссѣ
станетъ!
И дочь моя. . . . мой свѣтъ и радость не
увянетъ!
Улиссъ. Царица! пощади мой долгъ и мой
обѣтъ!
Признательность моя къ Гекубѣ не умретъ! —

Ни боги, ни вожди, ни всѣ судьбы гоненья,
Не охладятъ во мнѣ къ страдальцамъ уваженья!
Хотя бы на тебя возстали всѣ враждой,
Спасу нещастную — или умру съ тобой. —
Теперь не властенъ я . . . по разрушеньи Трои,
Въ часъ радости, молитвъ — народъ, Цари, герои
Герою первому, въ очахъ всея земли,
Нещастну дщерь твою на жертву обрекли! —
Обѣты небесамъ для мудраго священны;
Они предвѣстники побѣды неизмѣнны.
Мужей великихъ мать, Эллада тѣмъ славна,
Что въ ней честь должная заслугѣ отдана.
И сколько Ахиллесъ сихъ почестей достоинъ!
Онъ жребій Царствъ рѣшилъ, — побѣдоносный воинъ, —
Онъ далъ намъ торжества и самъ не видѣлъ ихъ! . . .
О жертва славная соотчичей своихъ!
Возможноль, чтобы мы стыдомъ себя покрыли; —
Чтобы лишась тебя, на вѣкъ тебя забыли! . . .
Пускай возстанетъ Марсъ, и снова грянетъ бой,
Пускай еще враги нарушатъ нашъ покой;
Скажи, кто поведетъ насъ въ бурное сраженье,
Когда узримъ къ тѣнямъ героевъ непочтенье? —
Признаюсь, не богатъ я громкою хвалой,
Дѣлами не великъ и воинъ лишь простой!

Но естьли я дерзалъ на ужасы стократно, —
Желалъ бы видѣть часъ торжествъ моихъ отрадной!
Пріятная мечта! — жить въ памяти людей!
Она сопутникъ мой средь блещущихъ мечей!...
Гекуба! — скорбь твоя ужасна, справедлива; —
Но пыль одна въ слезахъ, о мать чадолюбива! —
Но сколько въ Греціи рыдающихъ отцовъ,
И нѣжныхъ, красныхъ дѣвъ, лишенныхъ жениховъ,
И сирыхъ матерей, покинутыхъ сынами,
Которыхъ смерть взяла предъ вашими стѣнами . . . .
Ихъ вопли чрезъ моря несутся съ шумомъ къ намъ,
Мы слышимъ ихъ упрекъ и жалобы къ богамъ;
Ихъ взоры томные, безмолвіе, стенанья,
Все требуетъ отъ насъ героямъ воздаянья.
Спокойтесь, храбрые, въ щастливѣйшихъ полахъ . . . .
Вы живы навсегда въ признательныхъ сердцахъ!
Утѣшьтесь славою, что вы Эллады чада,
Что вы сражалися, — не варваровъ ограда,
Которыхъ имена съ душею въ гробъ идутъ; —
Забвенные отъ всѣхъ, лишь вѣкъ одинъ цвѣтутъ.
Гекуба! — часъ насталъ . . . .
Гекуба. И такъ, мольба напрасна! . . .
Гласъ матери ничто. — О дочь моя нещастна!
Быть можетъ, силенъ гласъ невинности твоей;

Проси его, отдай жизнь матери своей! —
Ахъ! обними сего жестокаго колѣна! . . . .
О боги! — и отъ васъ Пріама дщерь забвенна,
Улиссъ! Улиссъ! ты самъ родитель нѣжныхъ чадъ! . . .

Поликсена. Я вижу жребій свой: — мнѣ все сказалъ твой взглядъ! —
Улиссъ смущается, желаетъ удалиться; —
Спокойся, Государь! . . . . законъ вашъ совершится!
Необходимости покорствовать хощу;
Ты смерти требуешь, сама ее ищу,
Не дамъ торжествовать тиранамъ надъ собою!
За жизнь, за бѣдной даръ, не измѣнюсь душою!
И что мнѣ въ жизни сей! — мой вѣкъ прошелъ давно;
Величество мое во тьмѣ погребено;
Надежда матери, при старости глубокой,
Во славѣ я цвѣла для участи высокой,
На то, чтобы Царей блистательный соборъ,
За даръ моей руки держалъ геройской споръ;
Чтобъ первой въ свѣтѣ градъ, гордяся Поликсеной,
Исполнилъ завистью всѣ Царствія вселенной! —
Ахъ! въ щастливой мой вѣкъ, среди прекрасныхъ дѣвъ,
Владычица сердецъ и первый блескъ Царевъ,
Въ одномъ безсмертіи богинямъ уступала; —
Всесильная тогда, теперь рабою стала!
Рабою! . . . Ахъ! одна ужасна мысль сія
Вмѣщаетъ для меня всѣ муки бытія!

Какъ? мнѣ рѣшиться ждать, чтобы тираны новы,
За золото мои мѣняющи оковы,
Дщерь славнаго Царя, сестру Владыкъ, вождей,
Передавали всѣмъ для низкихъ должностей;
Чтобы, томясь въ трудахъ наемницы презрѣнной,
Я смерти такъ ждала, какъ милости безцѣнной,
Чтобъ подлой рабъ повлекъ меня передъ олтарь
И брачной храмъ отверзъ, гдѣ могъ быть только Царь!
Не казнь — безчестіе душѣ моей ужасно!
Пусть сниду я во адъ невинной, неподвластной!
Пускай найдетъ меня часъ гибели моей
Побѣдоносною надъ злобою людей!
Пускай священныя родныхъ героевъ тѣни,
Которыхъ гласъ зоветъ меня изъ темной сѣни,
Узнаютъ, что ихъ дщерь, отмщая Грекамъ днесь,
Величіемъ души унизила ихъ спѣсь!
Улиссъ! свершай свой долгъ! — (*къ матери*)
Предметъ любви, смущенья! —
О матерь! пусть умру, избѣгнувъ униженья!
Надежды болѣ нѣтъ! — оставь любезну дщерь!
Мнѣ мужество одно потребно лишь теперь!
Нещастья — жребій всѣхъ; судьба ихъ разделяетъ;
Страданья тяжелы, коль робость ихъ срѣтаетъ!

Мы зрѣли смерть не разъ, не грозенъ смерти
взоръ
Для страждущей души! . . . Но рабство! . . .
но позоръ! . . .
Гекуба. Ужасенъ, дщерь моя! . . разлуки часъ
ужасенъ! —
Постойте лютые! — Улиссъ! мой вопль напра-
сенъ;
Ты правъ! твой долгъ — уставъ безсмер-
тныхъ совершить!
Но прежде ты узнай, кто долженъ жертвой
быть:
Парисъ его сразилъ, Парисъ мое рожденье;
Да грянетъ надо мной боговъ и смертныхъ
мщенье!
Спѣшите упитать вы ненависть свою,
Точите каплями преступну кровь мою!
Я шествую . . . .
Улиссъ. (*въ сторону*) Уже мой духъ осла-
бѣваетъ.
Гекуба, смертный ли съ богами въ судъ
дерзаетъ! —
Разгнѣванная тѣнь, въ отвратту бѣдъ и зла,
Едину дщерь твою на жертву обрекла!
Гекуба. И такъ обѣихъ насъ жестокіе разите,
И съ кровью матери кровь дщери сѣдините!
Улиссъ. Послушный небесамъ, могуль что
премѣнить? —
Ахъ! еслибъ никакой намъ крови не пролить!
Гекуба. Нѣтъ, нѣтъ! мой долгъ велитъ —
съ ней вмѣстѣ умираю!

Улиссъ. Твой долгъ исполнить то, что я
повелѣваю.
Гекуба. Ничто не отдѣлитъ, ничто меня
отъ ней!
Улиссъ. Я долженъ разлучить васъ властію
своей!
Поликсена. О матерь нѣжная! . . . постой
Улиссъ! — терпѣнье! . . .
Къ печалямъ матери имѣй благоговѣнье!
(*къ матери*)
Уступимъ варварству насильственныхъ вла-
стей,
Избавимъ честь свою отъ рабственныхъ цѣ-
пей! —
Уже ли хочешь ты, чтобъ воинъ раздраженной
Влача тебя въ пыли среди толпы надмѣнной,
Свирѣпо посрамлялъ и санъ твой и лѣта! —
Нѣтъ, нѣтъ! — избавимся послѣдняго
стыда! —
О матерь нѣжная! — не отдаляй разлуку,
Въ послѣдній разъ простри къ нещастной
дщери руку,
Да наслаждусь еще я нѣжностью твоей!
Въ послѣдній вижу свѣтъ родительскихъ очей!
Въ послѣдній разъ тебя мой голосъ призы-
ваетъ . . . —
Все меркнетъ . . . . грозной адъ врата мнѣ
отверзаетъ!
Прости, прости! *къ (Улиссу)* Пойдемъ! ..
готова смерть пріять!

Гекуба. Остатокъ горестной отъ многихъ
милыхъ чадъ!
Ты шествуешь на смерть, а мнѣ звучатъ желѣзы,
На цѣпь позорную мои польются слезы . . . .
Чего мнѣ болѣе, чего на свѣтѣ ждать? —

Поликсена. Что мнѣ родителю, что Гек-
тору сказать? —

Гекуба. Да смертный часъ пошлютъ Гекубѣ
въ утѣшенье! . .

Поликсена. О матерь! изреки на мнѣ благо-
словенье!

Гекуба. Погасла радостей надеждъ моихъ
заря! —

Поликсена. Гдѣ братъ мой Полидоръ? гдѣ ми-
лая сестра? —

Гекуба. Какъ знать! . . . предчувствую. . .
всего, всего лишилась!
Судьба отъ первыхъ дней на домъ нашъ
воружилась! —

Поликсена. Нѣтъ! сынъ твой живъ! въ немъ
Богъ тебя вознаградитъ!
Онъ вѣжды матери слезящія смежитъ! —
(*къ Улиссу*)
Пойдемъ . . . покрой мой взоръ повязкою свя-
щенной,
Я не могу взирать на видъ ея смущенной!
Я смерть могу снести, — не въ силахъ ви-
дѣть слезъ!
Веди меня, куда назначилъ судъ небесъ! —

Хоръ

Троянскихъ дѣвицъ

О вы, вѣтры моря грозные,
Вѣтры, спутники нещастливыхъ!
Ахъ! куда, куда несете вы
Горды храмы мореходные
По долинамъ свѣтлой влажности? . . . .

*

Гдѣ меня ждетъ рабство гнусное?
Гдѣ звучатъ ко мнѣ привѣтствіе
Цѣпи плѣна безконечнаго? —
Гдѣ возсяду я на прагѣ вратъ,
Ожидая слова грознаго
Отъ тирановъ веселящихся? —

*

Ты ли, беретъ странъ Дорическихъ,
Окропишься токомъ горькихъ слезъ? —
Выль, утесы Ѳивъ кремнистые,
Повторите вопль страданія,
Повторите стонъ невольницы? —

*

Или тамъ мнѣ должно кончить жизнь,
Гдѣ родитель водъ питательныхъ,
Апиданъ поля пространныя
Богатитъ живою влагою? —

*

Или тамъ, гдѣ пальма первая,
Гдѣ священный Лавръ, по маніи

Сына свѣтлаго Латонина,
Вдругъ разширилъ вѣтви юныя? —
Тамъ ли съ дѣвами Делійскими,
Въ слѣдъ богини-звѣроловицы,
Прославлять я стану крѣпкой лукъ
И стрѣлу неизбѣжимую? —

*

Иль во градѣ дщери Зевсовой,
Колесницами гордящейся,
Блескомъ пурпура одѣянна,
На коврахъ цвѣтныхъ, лазоревыхъ,
Стану я коней закладывать,
Въ колесницу ярка золота? —

*

Иль ко племени Титанову,
У котораго Зевесъ отъялъ
Искру пламени священнаго,
Понесешь меня попутный вѣтръ? —

*

Ахъ, прости земля родимая!
Рѣки, рощи, домъ отеческій!
Съ вами я навѣкъ разсталася!
Не увижу болѣ милыхъ чадъ,
Не увижу я родителей! —
Живыль, живыль незабвенные! . . .

*

Но и смерть для васъ есть щастіе,
Смерть пріятнѣе неволи злой!
Ахъ! я скоро, скоро, въ бѣдствіяхъ,
Въ градѣ чуждомъ, повелительномъ

Заключу обѣты брачные
Съ божествами преисподними!

(Гекуба, простертая во прахѣ, въ безпамятствѣ.)

Хоръ. О матерь Пергама! внемли друзей стенанья! . . .
Закрылся свѣтъ очей. — Всесильный! — нѣтъ дыханья! —

Вѣстникъ. Гекубуль вижу я! . . . О тайный, грозный рокъ!
Сколь быстръ и гибеленъ превратностей потокъ! . . .
Се щастливыхъ Троянъ Царица вознесенна,
Раба! и въ нищетѣ, и чадъ своихъ лишенна! . . .
Страдалица, открой померкшихъ взоровъ свѣтъ! —
Возстань, нещастная; возстань для новыхъ бѣдъ!

Гекуба. (*въ изступленіи*) Меня, меня на казнь! — о вѣстникъ благодатной!
Готова! — къ дочери, къ роднымъ . . . О часъ отрадной!
Пойдемъ! — скорѣй, скорѣй . . .

Вѣстникъ. Щастливый, сладкій сонъ! —
Гекуба! для тебя не продолжится онъ! . . .
О матерь! соверши надъ жертвой погребенье!

Гекуба. Иду, иду! — восторгъ! — къ любезнымъ преселенье! . . .

Вѣстникъ. Нѣтъ, нѣтъ! — еще конецъ скорбей твоихъ далёкъ!
Еще не изтощилъ перуновъ грозный рокъ!
И тучи новыя сбираются въ эфирѣ! —
Но доблесть почтена, хотя и не въ порфирѣ!
И во врагахъ почтенъ неустрашимой духъ! —
Уже Ахеяне, составя шумной кругъ,
Ахилловъ гордый холмъ, волнуясь, ограждали,
И жертвы юныя прихода ожидали. —
Ведома Пирровой къ закланію рукой,
Явилась предъ олтарь въ одеждѣ гробовой!
Избранныхъ Грековъ сонмъ тѣснится вкругъ нещастной;
Чтобъ облегчить для ней ко смерти путь ужасной!
Тогда назначенный свершать священства трудъ,
Ахилловъ сынъ, склонивъ блистательной сосудъ,
Творитъ родителю святое возліянье.
„О ты, померкшее Элладскихъ чадъ сіянье!
„Защита Грековъ, честь, божественный герой!
„Прими, Пелеевъ сынъ! прими, родитель мой!
„Благопоспѣшно днесь усердно приношенье!
„Разторгни мрачное Эреба заключенье!
„Возстань, подвигнися, приникни съ высоты
„На дѣвственную кровь младыя красоты!
„Благоволи на даръ геройства освященный,
„Вождями, воинствомъ и сыномъ принесенный!
„Да Грековъ корабли отъ брега полетятъ!
„Препоны скроются, вѣтрила возшумятъ!

„Да спутники твои, безсмертными гонимы;
„Увѣдавъ наконецъ, что вновь тобой любимы,
„Помчатся въ щастливой отъ падшей Трои путь!
„Возвесели твоихъ единоборцевъ грудь,
„Да послѣ всѣхъ трудовъ узрятъ ихъ очи слезны,
„Узрятъ брега и дымъ отечества любезный!“ —
Изрекъ — и весь народъ предъ холмомъ ницъ упалъ . . . .
Тогда свершитель жертвъ изъ ратовища взялъ
Златогорящій мечь, и подалъ знакъ дружинѣ,
Да дѣву робкую поддержитъ при кончинѣ.
Не прикасайтеся, нещастная речетъ,
Мнѣ въ вашей помощи, о Греки! нужды нѣтъ.
Я смерти не страшусь; я рабство презираю! . . . .
Свободная, и смерть свободную вкушаю!
Разите, робкіе! Царица въ жизни сей,
Не буду я рабой и въ области тѣней! . . .
Рекла, все воинство повержено въ смятенье.
Но подалъ Царь вождей съ престола мановенье,
И отступилъ народъ, скрывая въ сердцѣ страхъ!
Царевна, съ мужествомъ, съ величіемъ въ очахъ,
Одежду бѣлую руками раздираетъ,
И персей дѣвственныхъ пріятность обнажаетъ;
Какъ золото лучей, разлито въ облакахъ,
Разстлались по плечамъ власы ея въ кудряхъ —
Идетъ ко олтарю — склонилась на колѣна,
И руки опустивъ: се жертва обреченна!

О юноша, рази! се грудь передъ тобой!
Обезоруженный геройствомъ, красотой,
И жалостью смущенъ, Ахилловъ сынъ стенаетъ!
Но мстительная Тѣнь свой грозный видъ являетъ,
Скрѣпился — мечь подъялъ — кровь ала потекла!
Блѣдна, трепещуща, сколь силъ собрать могла,
Одежду подобрать стремится, въ утомленьѣ,
Чтобъ сохранить еще пристойное паденье. . . .
Скончалась . . . . гдѣ вражда? — гдѣ ненависть племенъ?
И Грекъ и Трои сынъ геройствомъ восхищенъ!
Цвѣтами новыми трупъ хладный осыпаютъ,
И миртовы вѣнцы закланной посвящаютъ.
Толпятся юноши, на ликъ прекрасный зрятъ,
Другъ друга упредить ей въ почестяхъ спѣшатъ,
И въ горести нѣмой, сердечною слезою,
Благословляютъ тѣнь, грядущую къ покою! . .

Съ Греческаго А. Мрзлк.

IV.

Отрывокъ изъ путешествія Гжи. Жанлисъ въ Англію.

Мы жили довольно долго въ Бюри (*), маленькомъ и очень веселомъ городкѣ; всякой вечеръ собиралось у насъ по нѣскольку знакомыхъ, мущинъ и женщинъ, любезныхъ, остроумныхъ, пріятнаго обхожденія; обыкновенно просиживали вмѣстѣ отъ осьми до одиннадцати часовъ, разговаривали, слущали музыку, иногда читали, и время текло непримѣтно. Въ одинъ вечеръ зашелъ разговоръ о дружбѣ. Охотно поѣду на край свѣта, сказала я, чтобы увидѣть двухъ истинныхъ друзей! — „Могу избавить васъ отъ продолжительнаго путешествія, отвѣчалъ мнѣ Г. Стуаръ (**), поѣзжайте въ Ланголенъ. Тамъ найдете плѣнительный образецъ дружбы. И кто же друзья? Порадуйтесь: двѣ молодыя, совершенно прелестныя женщины! Угодно ли, чтобы я разсказалъ вамъ исторію Мисъ Понсонби (***) и Лади Элео-

(*) Въ Графствѣ Суффолькскомъ. Госпожа Жанлисъ путешествовала вмѣстѣ съ Принцесою Орлеанскою. *Ж.*

(**) Старшій сынъ Лорда Лондондира.

(***) Сестра славнаго Перламентскаго Оратора въ Ирландіи.

коры Ботлеръ?" — Очень желаю! — „Извольте слушать." — Мы садимся въ кружокъ, и Г. Стуаръ разсказываетъ:

„Лади Элеонора Ботлеръ, который не будетъ еще 30 лѣтъ (писано въ 1792) родилась въ Дублинѣ, и въ самомъ ребячествѣ лишилась родителей; она была прекрасна, любезна, богата; лучшіе люди въ Ирландіи предлагали ей руку, но Миссъ Элеонора чувствовала непреодолимое отвращеніе отъ замужства, и выше всего цѣнила свободу. Не смотря на такую странность, ея поведеніе было безпорочно; въ свѣтѣ всѣ уважали Миссъ Элеонору; никакая женщина не могла равняться съ нею въ тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя обыкновенно почитаются украшеніемъ женскаго пола, въ скромности, обходительности, благонравіи, добродушіи. Въ дѣтскихъ еще лѣтахъ узнала она и полюбила Миссъ Понсонби: обѣ родились въ Дублинѣ, въ одинъ годъ и въ одинъ день, обѣ въ одно время потеряли родителей: странное сходство обстоятельствъ, которое сильно подѣйствовало на ихъ воображеніе! Судьба, говорили онѣ, опредѣлила намъ жить другъ для друга; она повелѣваетъ намъ почитать бытіе нераздѣльнымъ благомъ и вмѣстѣ, независимо, подъ сѣнію тишины, съ довѣренностію взаимною иными дорогою жизни-

мечта, которую легко могли онѣ исполнить, потому что имѣли истинно чувствительное сердце. Время усилило ихъ дружбу; семнадцати лѣтъ, поклявшись вѣчно хранить свободу, вѣчно не разлучаться, навѣки покинуть свѣтъ и жить въ уединеніи, они оставили тайно родительской домъ и скрылись въ деревеньку Лонголенъ. Тамъ, на высокой горѣ, подѣ тѣнію рощи, нашли онѣ маленькую, уединенную хижину; прекрасное мѣстоположеніе ихъ плѣнило; здѣсь разположились поселиться. Опекуны узнали о мѣстѣ ихъ пребыванія: Элеонора и Миссъ Понсонби принуждены возвратиться въ Дублинъ; но твердо рѣшились оставить Ирландію, какъ скоро войдутъ въ совершенныя лѣта, и снова переселиться въ свою пустыню. Такъ и сдѣлалось; на двадцать первомъ году, вопреки увѣщаніямъ знакомыхъ и родственниковъ, онѣ прощаются съ Дублиномъ и летятъ въ Ланголенъ. Миссъ Понсонби не богата, но Лади Элеонора имѣетъ хорошее состояніе; она купила землю и хижину, которую сломали; на мѣстѣ ея построили домикъ; онъ простъ снаружи, но убранъ прекрасно и со вкусомъ внутри; окруженъ площадкою; съ одной стороны дворъ, съ другой цвѣтникъ, обсаженный розовыми кустами; по горѣ, для проѣзда каретъ, разчищена широкая дорога,

на вершинѣ ея старыя, ужасной вышины сосны и цѣлая роща плодовитыхъ деревьевъ, по большей части вишенъ, которыя отмѣнно вкусны. У подошвы горы построена маленькая мыза, разведенъ огородъ и простирается прекрасный лугъ, на которомъ пасутся стада, принадлежащія пустынницамъ; въ этомъ уединеніи живутъ онѣ болѣе десяти лѣтъ, безъвыѣздно и не скучаютъ. Не думайте, чтобы онѣ дичились и бѣгали отъ людей; напротивъ: довольно часто посѣщаютъ своихъ сосѣдей, очень гостепріимны, и рѣдкій путешественникъ, ѣдущій въ Ирландію, не заглядываетъ въ Ланголенскую пустыню. Совѣтую и вамъ ее видѣть: тамъ найдете истинное спокойствіе, невинность нравовъ, и будете утѣшены пріятнымъ явленіемъ искренной дружбы."

Повѣсть Гна Стуара меня поразила. Принцесса и молодыя сопутницы мои, также изумленныя, говорятъ, что онѣ съ большимъ удовольствіемъ посѣтили бы Ланголенъ, и мы соглашаемся ѣхать на другой же день, разполагаясь въ одно время осмотрѣть и другія примѣчательныя мѣста: Брайтельстонъ, Портсмутъ, островъ Вайтъ, Дербичирскія пещеры и прелестную долину Кольсбрукъ. Въ концѣ Іюля пріѣзжаемъ въ Ланголенъ. Эта

деревня съ перваго взгляда покажется бѣдною; но вѣхавъ въ нее, плѣнишься опрятностїю крестьянскихъ хижинъ: вѣрный знакъ изобилїя и довольства. Окрестности очаровательны: Ланголенъ, окруженный тѣнистыми рощами и лугами, лежитъ у самой горы, которая, подобно величественной пирамидѣ, возвышается позади его, украшенная густыми деревьями, кустарникомъ, цвѣтами и яркою зеленью. Солнце садилось когда мы приближились къ хижинѣ *друзей*; хозяйки были приготовлены къ нашему посѣщенїю письмомъ Г. Стуара и встрѣтили насъ съ сердечною ласкою, съ искреннею, добродушною учтивостїю, которая меня тронула, и которой не льзя изобразить словами. Я не могла насмотрѣться на привлекательныхъ пустынницъ, милыхъ своею дружбою и чудныхъ образомъ своей жизни; я не замѣтила въ нихъ и тѣни той суетной гордости, которая веселится удивленїемъ, въ другихъ производимымъ; онѣ любятъ другъ друга, но дружба кажется имъ столь натуральною и обыкновенною, что скоро забываешь ей удивляться и чувствуешь одно удовольствїе. Все просто, все принужденно въ ихъ разговорахъ и обхожденїи; одно меня удивило — несходство, замѣтное въ ихъ характерахъ и наружности. Лади Элеонора, прекрасная ли-

цемъ, свѣжа какъ роза, отмѣнно веселаго нрава: Миссъ Понсонби, напротивъ, имѣя такую же привлекательную наружность, блѣдна и задумчива; подумаешь, что первая родилась въ этой пустынѣ, любитъ ее по привычкѣ, не воображая ничего лучше своей родины: сколь кажется она довольною своимъ состоянїемъ! взгляды, лице, движенїя любезной Элеоноры увѣряютъ, что она совсѣмъ забыла о свѣтѣ и не жалѣетъ о суетныхъ его удовольствїяхъ. Другая, задумчивая и молчаливая, предупреждаетъ непритворною невинностїю своею всякое сомнѣнїе: никто не вообразитъ, чтобы *раскаянїе* привело ее въ пустыню; но думаешь невольно, что она не совсѣмъ щастлива; что въ сердцѣ ея таится горестное, меланхолическое воспоминанїе о прошедшемъ. Обѣ отмѣнно обходительны, отмѣнно образованы; библїотека ихъ составлена изъ лучшихъ Англїйскихъ, Французскихъ и Италїанскихъ книгъ; онѣ любятъ читать, и чтенїе, которое полезно только тогда, когда имѣешь время *перечитывать*, доставляетъ имъ самыя живыя, разнообразныя и полезныя удовольствїя. Въ домѣ ихъ цѣнитъ васъ опрятность, покойное расположенїе комнатъ, красивые уборы и великолѣпные виды, которые изъ всякаго окна от-

крываются вашему взору. Миссъ Понсонби рисуетъ въ совершенствѣ и зала украшена множествомъ ландшафтовъ, списанныхъ ею съ натуры. Лади Элеонора играетъ прекрасно на арфѣ, поетъ какъ Ангелъ. Обѣ съ удивительнымъ искуствомъ шьютъ по канвѣ: комнаты убраны ихъ работою. Миссъ Понсонби, имѣющая отмѣнно четкій и красивый почеркъ, выбрала изъ любимыхъ своихъ Авторовъ лучшіе отрывки въ стихахъ и прозѣ, которыя вписала въ особливую книжку, украшенную виньетами, арабесками собственнаго ея изобрѣтенія, что составляетъ драгоцѣнное и, можно сказать, единственное въ своемъ родѣ собраніе. Словомъ: въ этой жизнѣ умѣютъ съ любезною скромностію пользоваться необыкновенными, разнообразными талантами; видишь плоды ихъ и наслаждаешься ими съ пріятнымъ чувствомъ; радуешься, что въ этой обители спокойствія достоинство и невинность не могутъ опасаться ни зависти, ни насмѣшки; что милыя, скромныя, удаленныя отъ блеска дарованія награждаются въ немъ единою похвалою дружбы... Вечеръ пролетѣлъ для меня какъ восхитительная минута; ни одна печальная мысль не помрачила ясности моего сердца. Я долго не могла заснуть, удовольствіе мое было слишкомъ живо. Наступила пол-

ночь, начинаю забываться: вдругъ поражаетъ меня тихая, пріятная, трогающая сердце гармонія! Удивляюсь, слушаю; мнѣ кажется, что сильный вѣтеръ производитъ сіи магическіе звуки; что буря, свистящая въ отдаленіи, но утихающая окрестъ сего убѣжища невинности и дружбы, прикасаясь къ хижинѣ, образуетъ одну восхитительную гармонію. Я нетерпѣливо желала узнать причину таинственныхъ звуковъ, но боялась встать, чтобы не разбудить дѣвицу Д**, которая очень устала отъ путешествія и спала подлѣ меня. Буря начала утихать, гармонія какъ будто умолкала вмѣстѣ съ удаляющимся вѣтромъ; казалось, что сей небесный концертъ терялся въ высотѣ воздушной; я слушала съ восхищеніемъ, сердце мое невольно трепетало; въ сію минуту, подобно Св. Сесиліи, уронила бы я свою арфу, когда бы имѣла ее въ рукахъ, и всякая земная гармонія показалась бы противною моему слуху.

На другой день поутру загадка объяснилась, открываю окно и вижу на балконѣ музыкальный инструментъ, совершенно для меня новый, но въ Англіи извѣстный подъ именемъ Эоловой арфы Eolian-harp, инструментъ, обращающій

въ гармонїю самый вѣтеръ, который прикасаясь къ струнамъ его, производитъ восхитительно прїятную музыку: искусное изобрѣтенїе островитянина, окруженнаго вихрями и безпрестанно внимающаго печальному гулу моря!

Цѣлое утро гулялй мы по живописнымъ окрестностямъ Лангалена; виды, открываемые съ вершины горы, очаровательны: съ одной стороны деревня и темная, зеленая роща; съ другой рѣка, въ излучинахъ протекающая по равнинѣ; вдали необозримой амфитеатръ утесистыхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ. На одномъ изъ нихъ возвышается башня, остатокъ великолѣпнаго Замка, принадлежавшаго древнему владѣтелю сей страны: конечно въ то время была она обработана и процвѣтала; теперь вездѣ владычествуетъ одна природа, вездѣ пустота и дикость; изрѣдка попадаются на вершинахъ утесовъ пасущїяся козы или пастухи, играющїе на Ирландскихъ арфахъ. На скатѣ горы, въ виду сего пустынного, меланхолического мѣста, сдѣлана дерновая скамья; густыя тополы осѣняютъ ее. Сюда, сказала мнѣ задумчивая Миссъ Понсонби, приходимъ мы въ лѣтнїе дни читать Оссїяна, и здѣсь, въ осеннїе вечера, насла-

ждаемся послѣдними прелестями увядающей природы.

Но въ этотъ день сердце мое наполнилось новымъ, совершенно противнымъ прежнему чувствомъ; размышленіе разрушило обольстившій его обманъ. Я перестала завидовать и удивляться судьбѣ Ланголенскихъ пустынницъ, находила ихъ столь же милыми, столь же привлекательными, какъ и прежде; но противъ воли чувствовала къ нимъ сожалѣніе. На землѣ, гдѣ все такъ быстро; гдѣ все теряется одно за другимъ, надлежитъ или сохранить многія связи, или всѣ до одной разторгнуть, всѣми безъ изъятія пожертвовать Вѣчному Существу, которое одно можетъ исполнить наши надежды, одно удовлетворитъ непостоянному нашему сердцу. Въ обыкновенномъ положеніи общества; семейственныя узы представляютъ естественное послѣдствіе разнообразныхъ замѣнъ и утѣшеній: въ супругѣ находимъ потерянную мать; рука милаго сына; или нѣжной дочери отираетъ слезы проливаемыя въ разлукѣ; братъ раздѣляетъ съ нами домашнія заботы; вѣрный другъ замѣняетъ непостояннаго . . . Ахъ! сохранимъ, сохранимъ наши узы! на трудной дорогѣ жизни мы имѣемъ нужду во многихъ подпорахъ; лишаясь одной;

должны мы имѣть въ готовности другую, которая поддержала бы наше безсилїе.

Величайшее нещастїе для нѣжной души есть страстная, изключительная привязанность къ существу зависимому и бренному, существу, съ которымъ обстоятельства могутъ ее разлучить, которое можетъ сдѣлаться добычею смерти. Такая привязанность, хотя безкорыстная и невинная, всегда мучительна; она неразлучна съ боязнїю, она возмущаема предчувствїемъ.

Мысли сїи разрушили окружавшее меня очарованїе. Ланголенскїя друзья казались мнѣ жертвами воспламененнаго воображенїя и слишкомъ сильной чувствительности! Обѣты дружбы, произнесенные передъ цѣлымъ свѣтомъ, навсегда приковали ихъ къ сей горѣ! . . . Но будущее! какъ оно для нихъ ужасно! Вообразите состоянїе той, которая переживетъ свою подругу, которая одна останется надъ хладнымъ тѣломъ ея, одна принуждена будетъ положить его во гробъ, заботиться о погребенїи, провожать его къ могилѣ! . . . Вообразите обѣихъ въ старости, слабыхъ, лишенныхъ зрѣнїя и слуха, провождающихъ послѣднїя минуты въ грустномъ молчанїи, неспособныхъ доста-

влять одна другой ни помощи, ни отрады; онѣ и вмѣстѣ и розно; миновалось то время, въ которое существовали онѣ другъ для друга; самая дружба только усиливаетъ горестное чувствованіе ихъ одиночества! Такъ! участь Кармелитской затворницы предпочтительнѣе. И самой свѣтской человѣкъ, который несправедливо сожалѣетъ о юности, погибающей во мракѣ монастырской кельи, согласится, что старость находитъ въ ней тихое, щастливое пристанище! Какъ мирно и радостно приближается она ко гробу! . . . . Но милыя обитательницы Ланголена имѣютъ еще средство избавить себя отъ тѣхъ печалей, которыя неразлучны съ одиночествомъ старца: пускай будутъ благотворительницами сиротъ! пускай окружатъ себя семействомъ благодарныхъ, которое нѣкогда оживитъ ихъ пустыню, и будетъ служить имъ подпорою въ унылые, послѣдніе годы жизни! . . . . Однѣ монахини не имѣютъ нужды въ семействѣ — единственной союзъ ихъ съ Богомъ, онѣ всегда окружены подругами, ихъ старость безпечна подъ сѣнію Божія храма.

Жанлисъ.

V.

Сила нещастія.

Щастіе дѣлаетъ человѣка веселымъ, нещастіе мудрымъ.

Но мудрость, вопреки нещастію, возвращаетъ ему потерянное веселіе. Онъ спрашиваетъ: что такое нещастіе?

Бѣдность и униженіе . . . . Безумная мысль! какъ можетъ человѣкъ быть низкимъ или бѣднымъ?

Болѣзнь! — но что похититъ у меня болѣзнь? минутное, быстропролетающее наслажденіе! Похититъ ли она мою твердость, мое терпѣніе въ мукахъ? похититъ ли хотя единую изъ пріобретенныхъ мною добродѣтелей, хотя единое изъ духовныхъ моихъ преимуществъ? И что же, въ сравненіи съ ними, сіи минутныя, быстропролетающія наслажденія?

А мыслящая сила, которая составляетъ мою безопасность? Что можетъ отнять у меня сію подпору? — Въ ней мое бытіе; она моя собственность, неотъемлемая, не принадлежащая никакому постороннему существу; въ ней заключается моя личность.

То, что я *имѣю*, можетъ быть утрачено; то, что я *есмь*, на вѣки останется моимъ. Такая собственность не подвержена превратности. Здѣсь изчезаетъ могущество судьбы! Не властенъ ли я всякую минуту сокрыться въ сїе средоточїе бытїя моего, туда, гдѣ прекращается владычество нещастїя?

И что же превратности человѣческой жизни? Не самъ ли человѣкъ желаетъ страданїя? Не онъ ли предпочитаетъ волненїе страстей, прїятное со всею своею мукою, непотрясаемому спокойствїю мудраго? И самый мудрецъ не предается ли иногда произвольно печали и скорби, которыя служатъ ему, такъ сказать, отдохновенїемъ по труднымъ усилїямъ мудрости?

Морицъ.

VI.

Не жалкой ли онъ человѣкъ!

Скажите, читатели, не имѣетъ ли иногда нещастїе великаго сходства съ природною, неизлѣчимою болѣзнїю? Какъ ни лѣчись, все болѣнъ! что ни дѣлай, все нещастливъ! Покорно прошу васъ прочитать слѣдующее письмо, въ которомъ

бѣдный, деревенскій Священникъ описываетъ жалкую участь свою Издателю одного Англійскаго Журнала.

„Вы не знаете меня, государь мой! я называюсь Фортунатъ Вальтеръ, Священникъ, безъ денегъ, безъ друзей; желалъ бы сказать безъ пристанища, но сижу въ тюрьмѣ. Я очень добрый человѣкъ, естьли хотите, но что прикажешь дѣлать съ нещастіемъ! оно привязалось ко мнѣ съ самой колыбели: за что ни примусь, все испортилъ; что ни выдумаю, все невпопадъ или не во время! а я не глупъ и очень не глупъ: прочтите мои проповѣди; онѣ, безъ всякаго самохвальства, написаны по правиламъ, краснорѣчиво, и (подивитесь моему нещастію!) ни одна не была читана безъ того, чтобы слушатели мои не хохотали. На примѣръ: я написалъ проповѣдь *о прощеніи обидъ*, одна изъ лучшихъ; надобно было сказывать ее въ Страстную пятницу; иду въ церковь, тьма людей! всхожу на каѳедру, подымаю руку, отворяю ротъ, что же? . . . откуда ни возьмись пчела, сѣла мнѣ на носъ и больно меня ужалила: въ минуту мой носъ раздулся какъ тыква; я скрѣпился, даже не охнулъ, говорилъ съ жаромъ и чувствомъ, напрасно! всѣ удивлялись моему носу, ни кто не слушалъ моей проповѣди; самые набожные

изъ прихожанъ не могли воздержаться отъ смѣху, одни шептали, другіе указывали на меня пальцами, нѣкоторые даже хохотали: я вышелъ изъ терпѣнія, сказалъ поскорѣе: *аминь*! и побѣжалъ домой лѣчить свою опухоль. Въ другой разъ, желая поклониться моимъ слушателямъ, я зацѣпился парикомъ за бахраму балдахина, повѣшеннаго надъ каѳедрою, бахрама на бѣду мою была золотая съ битью, парикъ упалъ, а слушатели ахнули, увидя мою обширную лысину: судите сами, благопріятно ли такое впечатлѣніе въ началѣ проповѣди, которая должна была заставить плакать? Таково мое щастіе во всякомъ случаѣ!

„Получаете ли вы Іоркскія Вѣдомости? Въ No XXXI можете прочесть слѣдующее: „Нынѣ, такого-то числа и года, повѣшены два плута. Пьяный палачь, будучи твердо увѣренъ, что надобно вѣшать троихъ, накинулъ петлю и на шею Священника, который исповѣдывалъ приговоренныхъ къ смерти и сидѣлъ съ ними въ одной тележкѣ. Священникъ хотѣлъ доказать ему, что онъ ошибся; палачь разсердился, началась драка, и бѣдному пастырю быть бы непремѣнно удавленнымъ, когда бы Шерифъ не вырвалъ его во время изъ когтей пьянаго палача!“ — Кто бы

вы думали этотъ Священникъ? Я, милостивый государь! Моя ли вина, что палачу вздумалось напиться пьянымъ; но съ той поры насмѣшники не даютъ мнѣ нигдѣ проходу и называютъ меня — висѣльникомъ.

„Вотъ другой случай: одинъ изъ моихъ прихожанъ, богатый помѣщикъ, обольстилъ молодую крестьянку: бѣдная скрылась и не извѣстно куда. Обольститель, будучи на одрѣ смерти и мучась раскаяніемъ, призываетъ меня, отщитываетъ двѣсте гиней, которыя проситъ отдать нещастной жертвѣ его разврата, естьли удастся мнѣ открыть ея убѣжище. Я ѣду въ Лондонъ, печатаю въ газетахъ, *что имѣю нужду видѣться съ дѣвицею N. N, которая можетъ найти меня тамъ и тамъ, и будетъ мною очень довольна.* И въ самомъ дѣлѣ, непозже, какъ на другой день, является ко мнѣ дѣвица N. N., получаетъ двѣсте гиней, разсказываетъ чудеса о своемъ состояніи, о порядочномъ образѣ жизни своей, о новомъ заведенномъ ею Пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ; я радуюсь отъ доброй души, благодарю Создателя, что онъ наставилъ ее на путь истинный; дѣвица N. N. зоветъ меня къ себѣ на ужинъ, я даю слово и въ девять часовъ вечера прихожу въ Пан-

сїонъ; меня окружаетъ множество воспитанницъ, одна другой моложе, одна другой лучше; сначала кажется мнѣ, что онѣ обходятся немного свободнѣе дѣвицъ Іоркскихъ, но я размышляю, что въ главномъ городѣ совсѣмъ другїе обычаи, нежели въ уѣздномъ, и остаюсь спокоенъ. Подаютъ чай, мы пьемъ, разговариваемъ, смѣемся; являются пять или шесть молодыхъ мужчинъ; спрашиваю, кто эти Господа, почему такъ непринужденно обращаются съ воспитанницами: хозяйка увѣряетъ, что всѣ они очень добрыя люди, что одинъ учитель Богословїи, другой Математики, третїй Ботаники, и такъ далѣе. Входитъ еще учитель и, по нещастїю, мой землякъ; бѣгу къ нему на встрѣчу, онъ протираетъ глаза, узнаетъ меня, и восклицаетъ, сплеснувъ руками: куда забрела ваша святость, господинъ Вальтеръ? давно ли посвятили себя такому богоугодному промыслу? Конечно изволите спасать заблуждшихъ овечекъ? — Страшный хохотъ! Вообразите мое положенїе! бросаюсь опрометью въ двери и самъ не помню, какъ нахожу свою квартиру. На другой же день оставляю Лондонъ. Но мой землякъ успѣлъ наканунѣ еще описать нашу встрѣчу Іоркскимъ своимъ знакомымъ: прїѣзжаю домой, всѣ на меня косятся, богомолки отъ меня бѣгаютъ, мо-

лодые люди надо мною шутятъ, никто нейдетъ ко мнѣ на исповѣдь; встрѣшному и поперешному разсказываю истинную повѣсть, но мнѣ не вѣрятъ, или слушаютъ меня съ язвительною усмѣшкою; наконецъ, теряю терпѣнїе, рѣшаюсь оставить свою деревню, ѣду въ Линкольнское Графство, и тамъ съ великимъ трудомъ нахожу мѣсто, гораздо невыгоднѣе прежняго.

„И здѣсь нещастїе меня не покидало: одинъ изъ моихъ прихожанъ, первый богачь по округѣ и записный охотникъ, очень часто съ сокрушеннымъ сердцемъ жаловался на разоренїя, причиняемыя въ лѣсахъ его стрѣлками, которые немилосердо переводили въ нихъ дичину. Я искренно сожалѣлъ о нещастїи моего Патрона, усердно просилъ Бога, чтобы онъ подалъ мнѣ случай поймать хотя одного изъ этихъ разбойниковъ, и Богъ услышалъ мою молитву! Но что же вышло, господинъ Журналистъ? . . . Читайте: однажды въ сумерки ѣду черезъ рощу; слышу шорохъ, вижу человѣка съ сѣтью, который прячется отъ меня за дерево, думаю: вотъ прекрасный случай угодить моему Патрону! бѣгу, хватаю хищника за воротъ, кричу: разбой! но кто же этотъ хищникъ, милостивый государь? Самъ главный лѣсничїй помѣщика,

огромный мужичина, съ которымъ и пятеро такихъ, какъ я, не могли бы сладить. Этотъ мошенникъ, пересиливъ меня, скрутилъ веревкою какъ зайца, потащилъ въ замокъ: меня же, бѣднаго человѣка, обвинили, меня же назвали воромъ, меня же выгнали изъ деревни! Таково-то имѣть сострадательное сердце!

„Собравъ послѣднія деньжонки свои, отправляюсь въ Лондонъ; вчера, ввечеру, въ половинѣ шестаго часа прихожу къ заставѣ, а ровно въ шесть посаженъ въ тюрьму! За что и какъ? Все нещастье: заблудился, забрелъ въ глухой переулокъ; слышу кричать: *помогите! помогите!* бѣгу, вижу двухъ человѣкъ, которые бьютъ одного; натурально спѣшу на помочь къ слабѣйшему, спотыкаюсь, падаю, одинъ изъ разбойниковъ садится на меня верьхомъ, другой начинаетъ колотить меня подъ бока, а третій, котораго били, видя, что занимаются не имъ, а мною, бѣжитъ — и слѣдъ простылъ! Загадка объяснилась: мнимые разбойники были служители полиціи, а тотъ, котораго мнѣ удалось спасти, промотавшійся шалунъ, осужденный просидѣть въ Кингсъ-Бенчѣ до уплаты своего долгу. И теперь, ни зачто, ни прочто, сижу на его мѣстѣ! и мнѣ же велятъ платить за него деньги, мнѣ, котораго все

богатство состоитъ въ одномъ изношенномъ парикѣ, черномъ кафтанѣ и старой библіи. Скажите, милостивый государь, есть ли правосудіе въ Лондонѣ и уважаютъ ли здѣсь первыя человѣческія добродѣтели: сострадательность, неустрашимость, великодушіе, благодаря которымъ сижу на хлѣбѣ и на водѣ, въ тѣсной конурѣ!

„Войдите, прошу васъ, въ положеніе бѣднаго человѣка, напечатайте это письмо въ вашемъ Журналѣ. Почему знать! быть можетъ, господинъ безъимянный, за котораго терплю напраслину, вспомнитъ Бога и меня выкупитъ."

Но господинъ безъимянной не вспомнилъ Бога: добрый Священникъ Фортунатъ Валтеръ и теперь еще сидитъ въ Кингсъ-Бенчѣ. Одинъ богатый Лордъ, который читалъ за туалетомъ письмо его, напечатанное въ Журналѣ и много смѣялся, приказалъ камердинеру своему утѣшить жалкаго узника пятидесятью фунтами стерлинговъ. Камердинеръ приходитъ въ Кингсъ-Бенчь, хочетъ отдать деньги, опускаетъ руку въ карманъ, но денегъ нѣтъ: какой-то проворный мошенникъ укралъ ихъ въ тѣснотѣ, близь самыхъ воротъ тюремныхъ.

Не жалкой ли онъ человѣкъ, читатели?

Коцебу.

VII.

Анекдоты.

Вотъ забавная черта скупости: Господинъ С**, богатый Лангедокскій дворянинъ, ослѣпнувъ обоими глазами, пріѣзжаетъ въ Парижъ совѣтоваться съ окулистомъ Гранжаномъ, который, осмотрѣвъ его бѣльмы, утверждаетъ, что время дѣлать операцію, и что онъ рѣшительно отвѣчаетъ за успѣхъ ея. Господинъ С** хочетъ напередъ знать, что будетъ стоить ему операція. — „Пятьдесятъ луидоровъ, государь мой!“ — Скупецъ ужаснулся, хотѣлъ торговаться, Гранжанъ былъ непреклоненъ, наконецъ согласились, и окулистъ является съ инструментами къ Господину С**; половина операціи сдѣлана, съ праваго глазу бѣльмо снято. Вижу, все вижу! воскликнулъ въ восхищеніи Господинъ С**. — „Приступимъ къ другому глазу!“ — Погодите, господинъ Докторъ, вы требуете, естьли не ошибаюсь, пятидесяти луидоровъ, слѣдовательно по двадцати пяти за каждый глазъ! Я вижу очень хорошо и однимъ, платить за другой была бы смѣшная, безразсудная роскошь! извольте принять двадцать пять луидоровъ и простите!

Природа наградила извѣстнаго Историка Гиббона весьма некрасивымъ лицемъ

и чрезвычайною дородностїю тѣла, которая мѣшала ему ходить, но не мѣшала искать благосклонности женщинъ. Будучи въ Лозанѣ, Историкъ нашъ страстно влюбился въ прїятную Госпожу Крузацъ (*); онъ очень часто къ ней ѣздилъ, искалъ и долго не находилъ случая объясниться, наконецъ, имѣвъ щастїе застать ее одну дома, рѣшился возпользоваться благопрїятною минутою, упалъ на колѣна и началъ декламировать любовное признанїе. Отвѣтъ Госпожи Крузацъ былъ ясенъ и совершенно противенъ надеждѣ искателя. Господинъ Гиббонъ казался пораженнымъ, но онъ продолжалъ стоять на колѣняхъ, хотя не одинъ разъ напоминали ему, что время сѣсть на кресла. „Повторяю вамъ, государь мой, встаньте! сказала Госпожа Крузацъ" . . . . . Ахъ, милостивая Государыня, отвѣчалъ нещастный обожатель, *не могу*! . . . . Въ самомъ дѣлѣ чрезмѣрная толщина препятствовала ему подняться. Госпожа Крузацъ звонитъ въ колокольчикъ и говоритъ вошедшему слугѣ: *подыми господина Гиббона*! — Вотъ другая такого же рода сцена, въ которой дѣйствующее лице Аббатъ Шовлень, малорослый, гор-

(*) Извѣстная нынѣ Гжа. Монтолье, сочинительница *Каролины Лихфильдъ*.

батый спереди и сзади, но умный, живый, безстыдный и чрезвычайно предпріимчивый съ женщинами. Онъ посѣтилъ Госпожу Нантулье, которая, будучи нездорова, сидѣла въ покойныхъ креслахъ, и, по обыкновенію своему, сдѣлался очень дерзокъ. Госпожа Нантулье принуждена звонить: входитъ человѣкъ, ростомъ великанъ и силою Геркулесъ. Посади господина Аббата на каминъ, говоритъ Гжа. Нантулье. Силачь беретъ Аббата поперегъ тѣла; онъ отбивается, болтаетъ ногами, напрасно! его сажаютъ на каминъ, и онъ принужденъ еще сидѣть смирно, чтобы не упасть и не разбиться до смерти. Шутки Госпожи Нантулье приводятъ его въ бѣшенство, и къ довершенію нещастія сказываютъ о пріѣздѣ гостей: вообразите положеніе Аббата Шовленя!

VIII.

Характеры нѣкоторыхъ извѣстныхъ Стихотворцевъ.

Великій Корнель былъ добръ и простодушенъ, любезенъ знакомымъ, и благороднымъ характеромъ своимъ внушалъ почтеніе. Онъ не имѣлъ никакого суетнаго само-

любія, презиралъ хитрости интригановъ, или, лучше сказать, не зналъ ихъ; чувствовалъ свое достоинство, иногда отдавалъ себѣ справедливость и имѣлъ право говорить:

Je ne dois qu'a moi ſeul toute ma renommée!
Единому себѣ я славою обязанъ!

Томасъ Корнель, уступая своему брату въ дарованіяхъ, имѣлъ обширнѣйшія свѣденія въ Литтературѣ и, прежде нежели явились Расинъ и Мольеръ, занималъ первое мѣсто по немъ въ искусствѣ Трагика и комическаго Писателя. Оба имѣли великое сходство въ характерахъ: женились на двухъ сестрахъ, между которыми была такая же точно разница въ лѣтахъ, какая и между обоими братьями: двадцать лѣтъ; имѣли одинъ домъ, одно хозяйство, жили согласно, дружно: завидное щастіе, которое продолжалось болѣе двадцати пяти лѣтъ и было нарушено одною только смертію старшаго брата, Петра Корнеля. Я знаю многихъ — пишетъ Дюкло въ своихъ запискахъ — которые имѣли короткое сношеніе съ Томасомъ и Петромъ, и всѣ одинаково хвалятъ моральныя ихъ свойства; напротивъ менѣе уважаютъ характеръ Депрео и Расина, которыхъ именуютъ великими Стихотворцами, но почитаютъ весьма непріятными въ обществѣ.

Депрео любилъ говорить и слышать объ одномъ себѣ. Въ нашемъ вѣкѣ, утверждалъ онъ, родились три великіе Стихотворца: Корнель, Мольеръ и я. Расинъ мой ученикъ, который отъ меня занялъ искусство писать съ трудомъ прекрасные стихи. Должно признаться, что въ этомъ случаѣ Боало имѣлъ излишнюю довѣренность къ своему самолюбію. Никто не поставитъ его на ряду съ Корнелемъ и Мольеромъ или выше Расина: онъ имѣлъ очищенный вкусъ, живый и острый умъ, слогъ отмѣнно правильный и пріятный; во всякое время будутъ съ удовольствіемъ и пользою читать поэмы: Art poetique и Lutrin (Искусство стихотворца и Налой); но кто повѣритъ, чтобы сочинитель ихъ научилъ Расина писать Трагедіи, а Кино, котораго онъ такъ унижалъ, прекрасныя Оперы? Депрео былъ грубъ и завистливъ. Онъ говорилъ Фреретту: молодой человѣкъ, надобно думать о славѣ. Слава мое божество! кого бы ни хвалили при мнѣ, будь онъ простой ремесленникъ, я чувствую въ сердцѣ своемъ безпокойство ревности — гипербола и не весьма щастливая, но она объясняетъ характеръ.

Расинъ по многимъ отношеніямъ былъ не похожъ на мнимаго своего учителя. Зная слабую сторону его, позволялъ

онъ ему ласкаться такимъ преимуществомъ, котораго надѣялся не потерять въ глазахъ публики: важный голосъ Буало, которому онъ угождалъ своею уступчивостію, казался ему необходимымъ для поддержанія Авторской чести его въ свѣтѣ. Расинъ, при всѣхъ великихъ своихъ дарованіяхъ, не запрещалъ себѣ прибѣгать къ нѣкоторой хитрости, которая, не будучи выгодною для славы, могла быть вредною для добраго имени Писателя. Онъ имѣлъ характеръ насмѣшливый и натуральную склонность къ сатирѣ, но, опасаясь мщенія оскорбленныхъ, не хотѣлъ сдѣлаться Сатирикомъ. Онъ былъ отмѣнно ловокъ и хорошъ лицемъ; обходился учтиво съ людьми большаго свѣта, принужденно съ своими товарищами, и любилъ казаться коротокимъ пріятелемъ знатныхъ; особенный литтературный кругъ его составляли Буало, Мольеръ и Лафонтенъ; съ двумя первыми обращался онъ осторожно потому, что они имѣли доступъ къ Королю: напротивъ былъ слишкомъ свободенъ съ послѣднимъ, который, по добродушію своему, терпѣливо сносилъ его насмѣшки, или, лучше сказать, ихъ не чувствовалъ. Однажды Аббатъ Сенъ-Реаль, проведя нѣсколько часовъ вмѣстѣ съ Буало и Расиномъ, приходитъ къ Томасу Корнелю, у котораго находились Фонтенель и другіе,

Писатели. Друзья мои! сказалъ онъ, позвольте мнѣ отдохнуть въ вашемъ кругу; Буало и Расинъ меня задушили! Эти люди не могутъ найти для разговора никакой другой матерїи, кромѣ стиховъ и — своихъ стиховъ.

Въ заключенїи книжки прилагаемъ рисунокъ: изображенїе Орѳея, плачущаго надъ гробомъ Эвридики. Читателямъ извѣстна сїя Миѳологическая Басня. Оригинальная картина, прекрасное произведенїе живописца Гереня, принята съ особенною похвалою отъ всѣхъ любителей живописи во Францїи.

ПОЛИТИКА.

IX.

Статья изъ Монитера.

Фамилїя Браганца лишилась Португальскаго престола — еще народъ, избавленный отъ тягостнаго влїянїя Британнїи. Прекрасныя гавани Лиссабонъ и Опорто принадлежатъ Французамъ и перенесенїе Браганцкаго Дома въ Америку, какъ нѣкогда образованїе независимости соединенныхъ областей, доставитъ имъ многїя, неоспоримыя выгоды: связи, существующїя между Бразильскимъ Дворомъ и Португаллїею, торговыя сношенїя съ Европою, необходимыя для перваго, обратятся на пользу Францїи и ея Союзниковъ.

Что находимъ въ Бразилїи? Хлопчатую бумагу и другїя подобныя произведенїя, обыкновенно доставляемыя намъ изъ колонїй, произведенїя, которыя не могутъ быть нужны для Англїи, слишкомъ изобильной собственными! Какое же мѣсто изберетъ Бразилїя для складки своихъ товаровъ? Пристани твердой земли для нее

открыты, и Францїя, которой мануфактуры имѣютъ нужду въ произведенїяхъ Бразильскаго климата, вступивши въ коммерческїя съ нею сношенїя, будетъ, сверхъ многихъ другихъ преимуществъ, пользоваться и выгодами непосредственнаго торга. Потеря союзной земли, столь важной по мѣстному положенїю своему для Англїи, опечалила разсчетливыхъ Англичанъ — паденїе Португаллїи есть слѣдствїе безразсудной и разрушительной политики Англїйскаго Правительства.

Но Англїйское Правительство прославило себя другими, не менѣе гибельными подвигами. Блокада Везера и Эльбы прекратила торговлю Британнїи съ тѣми странами, въ которыхъ не существовали еще Французскїя таможни; ужасное разрушенїе Копенгагена разторгнуло союзъ ея съ могущественнымъ Монархомъ Сѣвера; Бальтїйскїя пристани для нее затворились и Зундскїй проливъ теперь неприступенъ; наконецъ послѣднїя нанесенныя всѣмъ неутральнымъ и дружественнымъ Державамъ оскорбленїя воздвигнули противъ нее новыхъ враговъ; Британнїя, совершеннымъ уничтоженїемъ торговли своей, исполнитъ обширнѣйшїя надежды Францїи: Наполеонъ, объявивъ въ Берлинѣ Британскїе берега состоящими въ блокадѣ,

не думалъ найти покорныхъ союзниковъ въ самыхъ правителяхъ Англїи; которые, какъ будто въ угожденїе Французскому Императору, разторгли связи свои съ твердою землею и уничтожили всѣ неутральные флаги, необходимые для всякаго торгующаго народа. Какїя же слѣдствїя должно имѣть настоящее критическое положенїе торговли? Слѣдствїя, совершенно выгодныя для Францїи — Американскїе корабли будутъ прямою дорогою приходить къ берегамъ ея; подвергнувъ себя осмотру Англичанъ, они подвергнутся и неминуемой конфискацїи: но можно ли думать, чтобы правители соединенныхъ областей, сильные своимъ характеромъ, рѣшились унизить достоинство Американскаго флага? Естьли, какъ можно надѣяться, Британнїя будетъ убѣждена отказаться отъ всякаго несогласнаго съ благородствомъ ихъ права, и естьли перестанутъ они покорствовать безразсуднымъ, вреднымъ для ихъ торговли законамъ, тогда унизится Британская надменность, тогда разцвѣтетъ торговля соединенныхъ областей, и Францїя, союзница Америки, будетъ дружелюбно мѣняться съ нею произведенїями промышленности или природы; самая Англїя сохранитъ на берегахъ Сѣверной Америки важную, необходимую для

кладки товаровъ ея пристань: слабая торговля ея оживится, покрайней мѣрѣ отчасти! Естьлижь, напротивъ, Америка не будетъ удовлетворена въ своихъ требованіяхъ: то (можно съ вѣроятностію предсказывать) возгорится новая пагубная для благоденствія Британніи война, разстройство ея торговли увеличится, и общее примиреніе, желаемое всѣми народами, скоро и несомнѣнно послѣдуетъ за симъ разрывомъ. Наконецъ, естьли (чего не можемъ однако воображать) правители свободной Америки, унизивъ себя покорностію повелительнымъ Британцамъ, позволятъ имъ дѣлать осмотры на корабляхъ своихъ, согласятся платить пошлину по 25 процентовъ со ста, которой подчинены всѣ неутральные флаги, то намъ останется только сожалѣть о просвѣщенныхъ людяхъ, которымъ Америка ввѣрила свое величіе, и всѣ поступки ихъ приписать какому нибудь неуспѣху, или безсилію побѣдить обстоятельства трудныя. Но тогда корабли Американскіе, принужденные или платить пошлину по 25 процентовъ со ста за маловажную выгоду приставать къ берегамъ такой земли, которая задавлена собственными богатствами и не имѣетъ нужды въ чужихъ товарахъ, или запереть для себя всѣ многочисленныя пристани на твердой

землѣ, конечно изберутъ полезнѣйшее, болѣе благородное, хотя не столь безопасное: не всѣ моря покрыты военными кораблями Британнїи; можно утвердительно сказать, что купеческїе Американскїе корабли будутъ безъ помѣшательства достигать до мѣста своего назначенїя, естьли возьмутъ нѣкоторыя особенныя предосторожности, и будутъ на примѣръ плавать подъ прикрытїемъ судовъ, могущихъ отражать Англїйскїе Бригги. Слѣдовательно Францїя, и въ случаѣ неуспѣшныхъ переговоровъ Америки съ Англїею, останется съ изобильнымъ запасомъ произведенїй, необходимыхъ для торговли.

Тотъ народъ единственно можетъ назваться владѣтелемъ торговли, который имѣетъ многочисленнѣйшїя средства передавать другимъ народамъ произведенїя собственныя, и Францїя, наслаждающаяся полною независимостїю (первое и самое необходимое условїе для выгоднаго заключенїя мира), сдѣлаетъ въ послѣдствїи такое расположенїе своихъ пошлинъ, что всякая торгующая съ нею нацїя будетъ считать за выгодное, въ обмѣнъ своихъ издѣлїй или произведенїй своей природы, принимать произведенїя Французскаго климата, или плоды Французской промышленности,

Для чего же, спросятъ, давно не приняты такія благоразумныя мѣры? Пускай отвѣчаетъ на сей вопросъ Версальскій Кабинетъ, робкій, слабый, всегда покорный Сенъ-Джемскому! Въ то время, когда разоряли Дюнкирхенъ и принуждены были подписать торговый договоръ, посрамительный для характера націи Французской, не льзя было думать о новомъ, выгодномъ преобразованіи таможенныхъ пошлинъ, и новомъ, соотвѣтственномъ щастливому положенію Франціи коммерческомъ актѣ.

Франція запасена сахаромъ и кофе на три года, хлопчатою бумагою на годъ; но въ случаѣ совершеннаго недостатка въ сихъ колоніальныхъ произведеніяхъ прибѣжищемъ ея будетъ промышленность, наиболѣе воспламеняемая нуждою; промышленность получитъ новое направленіе, откроетъ въ ней собственныя, незаимственныя богатства, воспользуется тѣми произведеніями, которыми изобилуетъ твердая земля, и мы, благодаря морскому деспотизму Англіи, научимся не отвергать истинныхъ своихъ преимуществъ: и шелкъ, и шерсть, и ленъ, неотъемлемые плоды нашего климата, замѣнятъ для насъ хлопчатую бумагу; новая всеобщая перемѣна въ обычаяхъ нанесетъ неизлѣчимый вредъ торгующей Анг-

лїи, и будетъ благодѣтельна для всѣхъ народовъ обитающихъ на твердой землѣ! — Кто, размышляя о сихъ обстоятельствахъ, не замѣтитъ въ правителяхъ Англїи того безпорядка и того ослѣпленія, которыя всегда предшествуютъ близкому упадку Монархїй?

Европа останется Европою и тогда, когда поселяне и поселянки ея начнутъ употреблять на одежду не бумажную, но шерстяную и полотняную матерїи; когда ограничитъ она себя единымъ сухопутнымъ торгомъ, когда совершенно уничтожится морская торговля. Но Англїя, лишенная способовъ передавать другимъ народамъ произведенїя своихъ колонїй и многочисленныя издѣлїя своихъ фабрикъ; Англїя, утратившая обширную свою торговлю! . . . . не очевидно ли, что всѣ чрезвычайные поступки ея правителей, не будучи существенно вредны для Государствъ, находящихся на твердой землѣ, вредятъ существенно, и въ самомъ корнѣ, собственному ея благоденствїю? Какой же Генїй управляетъ Кабинетомъ Сенъ-Джемскимъ? Конечно не дѣятельный, прозорливый, благотворительный Генїй Чатама, но Генїй злобы и страстей ослѣпленныхъ! Будемъ надѣяться, что вскорѣ духъ порядка, разсчетливости и благоразумїя одержитъ верхъ

надъ сею безразсудною и гибельною слѣпотою; но естьли предположить и то, что общій раздоръ народовъ продолжится еще на многіе годы, то всѣ существенныя невыгоды останутся на сторонѣ Англіи; Европа научится не почитать необходимыми произведенія и фабрикъ ея и колоніи, и станетъ пользоваться тѣми неотъемлемыми сокровищами, которыя составляютъ собственную принадлежность ея, и никогда не будутъ подчинены деспотическому распоряженію Лондонскаго Кабинета.

Потомство, разсуждая о томъ, что сдѣлалось въ послѣдніе шесть мѣсяцовъ, не можетъ ли помыслить, что Англія была управляема своими врагами, приверженными къ пользѣ Франціи? Ужасныя сцены въ Копенгагенѣ и разрушеніе неутральной торговли не соотвѣтствуютъ ли обширнымъ намѣреніямъ Наполеона? Свидѣтели сихъ произшествій не будутъ ли сравнивать Министровъ Британніи съ изступленными Лїонскими ремесленниками, которые, по наущенію Клубовъ, въ единый день сожгли станы свои, доставлявшіе имъ пропитаніе, обогащая ихъ отечество? Конечно Англія не предаетъ огню своихъ фабрикъ; но она приводитъ ихъ въ бездѣйствіе: одно и то же! Англія сама изсушаетъ оные обширные каналы, по которымъ перенос-

сились въ страны далнїя сокровища ея, теперь погребенныя въ магазинахъ. Лїонскїе фанатики управляемы были неистовыми и безразсудными страстями, Лондонскїе Олигархи дѣйствуютъ по тому же поводу: крайности сходятся; одинакїя причины производятъ и одинакое дѣйствїе.

(*Съ Франц.*)

X.

Извѣстїя.

Увѣряютъ, что новыя и важныя политическїя перемѣны должны произойти въ Италїи. Республика Рагуза, Тїара святѣйшаго Папы, вѣнцы Этрурскїй и Неаполитанскїй присоединятся къ коронѣ Италїйской, *вся Италїя* будетъ подвластна Императору Наполеону; самая конституцїя Италїянскаго Королевства должна преобразоваться и быть согласована съ конституцїею Францїи. Этрурская Королева получитъ Сардинїю и Балеарскїе острова; Іосифъ Наполеонъ займетъ упразднившееся мѣсто на Португальскомъ тронѣ. Французскїя войска наполняютъ уже города Италїи, вездѣ явились орлы Наполеона и вся Этрурїя произнесла обѣты подданства. Предсказываютъ, что Пїй VII не будетъ уже Главою Римской Церк-

ви; что Кардиналу Фешу назначено заступить его мѣсто. — Еще не знаемъ, какая участь постигнетъ Сицилїю. Король Фердинандъ въ Палермѣ, живетъ уединенно и тихо; всѣ войска его состоятъ не болѣе какъ изъ 9000 человѣкъ, въ томъ числѣ 3000 Англичанъ; ихъ главный предводитель есть храбрый Гессенъ-Филипсталь, котораго несправедливо почитали удалившимся въ Америку. Изъ всего Англїйскаго флота остались у береговъ Сицилїи одинъ линейный корабль, двѣ корветты и нѣсколько канонерныхъ шлюбокъ.

*

Императоръ Наполеонъ ѣдетъ въ Бордо, и скоро, предсказываютъ, увидимъ его передъ утесами Гибральтара, угрожаемаго страшною осадою; сильные отряды Французскихъ войскъ одинъ за другимъ, проходятъ черезъ Пиринеи; Герцогъ Кентъ, Гибралтарской Губернаторъ, оставилъ Англїю и спѣшитъ защищать свою крѣпость; Дальримпль, командующїй гарнизономъ ея, который скоро будетъ усиленъ свѣжими войсками, готовъ къ рѣшительному отпору непрїятеля; сообщенїе между Испанїею и Гибралтаромъ совершенно пресѣклось — осада сїя, какой бы ни имѣла она успѣхъ, должна быть однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ

произшествій нашего времени: съ одной стороны великія силы Франціи, управляемыя могущественнымъ духомъ Наполеона; съ другой рѣшительное мужество Британцевъ и грозные, неприступные утесы. Съ любопытнымъ нетерпѣніемъ ожидаемъ развязки. — Увѣряютъ, что Каталонія и Бискайя, Испанскія провинціи, должны присоединиться къ Французской Имперіи; въ Брестѣ начинаются новыя вооруженія; на всѣ неутральные корабли, находившіеся въ пристани Антверпенской, наложено амбарго. Между тѣмъ въ Лиссабонѣ произходятъ безпокойства, народъ въ волненіи, бѣгаетъ по улицамъ и грабитъ; Французскія войска безпрестанно въ ружьѣ, и нѣсколько разъ доходило уже до кровопролитія. Устье Тага совершенно заперто Англійскимъ флотомъ, и Адмиралъ Синявинъ съ эскадрою своею принужденъ подвинуться назадъ, ближе къ берегамъ, уставленнымъ батареями и пушками; въ самомъ городѣ чувствителенъ недостатокъ въ деньгахъ и необходимыхъ потребностяхъ жизни; торговля въ крайнемъ разстройствѣ; винные продавцы, которые доселѣ снабжали Англію множествомъ бочекъ вина, почти разорились. Гавань Опорто, прежде наполненная кораблями и оживленная торговлею, опустѣла: Англійская эскадра со-

держитъ ее въ крѣпкой блокадѣ. — Франція старается всѣми мѣрами препятствовать сообщенію Британскихъ кораблей съ твердою землею; всякой пассажиръ, который откроетъ, что купеческій корабль, находящійся у береговъ Французскихъ, вышелъ изъ пристани, принадлежащей Англичанамъ, или занимаемой ихъ войсками, получаетъ третью часть капитала, могущаго составиться по продажѣ корабля и груза. Французскіе купцы, готовые соотвѣтствовать намѣреніямъ Наполеона, рѣшительно отказались отъ всякаго торговаго сношенія съ Англіею, спѣшатъ обратить промышленность на обработываніе собственныхъ произведеній и вооружаютъ великое множество каперовъ. Не смотря на то, снова открываются возможности мира: думаютъ, что Принцъ Беневентскій, Талеранъ, скоро отправится въ Голландію для начатія мирныхъ переговоровъ съ Англичанами; Нейманъ, Секретарь Австрійскаго посольства при Дворѣ Французскомъ, привезъ, какъ сказываютъ, весьма умѣренныя условія Тюльерійскаго Кабинета къ Австрійскому Послу; находящемуся еще въ Лондонѣ, который сообщитъ ихъ Кабинету Сенъ-Джемскому — полагаютъ, что Австрія и Пруссія будутъ посредницами мира. Ско-

ро узнаемъ, основательны ли сіи надежды! Но какъ бы то ни было, возвращеніе благодѣтельнаго спокойства необходимо для всѣхъ народовъ; самая Англія, воспламенившая на моряхъ войну, ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Британская торговля падаетъ, и выгоды единовластія на водѣ не могутъ замѣнить ужасныхъ невыгодъ, соединенныхъ со всемірнымъ раздоромъ; Англійское купечество неотступно требуетъ прекращенія войны; въ Ливерпулѣ и Графствахъ Ланкастерскомъ и Стаффордскомъ болѣе 30000 человѣкъ подписали прозьбу о мирѣ: неизвѣстно, уважатъ ли Британскіе Министры убѣдительный голосъ народа, утомленнаго военными бѣдствіями!

*

Разрывъ Америки съ Англіею кажется неизбѣжнымъ: всѣ иностранные, особенно Англійскіе, военные корабли должны немедленно оставить пристани соединенныхъ Американскихъ областей, и въ случаѣ замедленія, или упорства, почитаются непріятельскими. Торговыя связи съ Британніею прекращены опредѣленіемъ Конгресса, и съ часу на часъ ожидаютъ, что будетъ наложено амбарго на всѣ купеческіе корабли, принадлежащіе Англичанамъ и находящіеся у береговъ Американскихъ. — Въ Ирландіи начинаются возмущенія; открылось, что Папа тайно убѣждалъ Ир-

ландцевъ не противиться Французской высадкѣ на берега ихъ острова; нѣкоторые изъ бунтовщиковъ, люди знатной фамиліи, взяты подъ стражу; 60000 войскъ вступило въ Ирландію, и флоты, находящіеся въ пристаняхъ ея, усилены. — Адмиралъ Коттонъ, Генералъ Спенсеръ и съ ними, какъ увѣряютъ, Сиръ Сидней Шмитъ готовящся къ важному предпріятію. На корабли ихъ посажены четыре Англійскіе полка, четыре легіона Нѣмецкихъ войскъ, двѣ артиллерійскія команды, и цѣлый корабль нагруженъ ракетами, изобрѣтенными Конгревомъ — истинная цѣль сей экспедиціи еще неизвѣстна; одни предсказываютъ нападеніе на Кадиксъ и гибель Испанскаго флота, другіе взятіе Цейты, необходимой для успѣшнаго отпора Французскихъ войскъ отъ Гибральтара. — Опять начинаютъ думать о покушеніи противъ Монте-Видео. Предпріимчивый Миранда явился въ Англіи съ новыми замыслами, которые, какъ увѣряютъ, не будутъ отвергнуты Правительствомъ Британскимъ. „Намѣреніе Миранды — говоритъ Издатель Нептуна, Англійской газеты — заслуживаетъ особенное вниманіе Министровъ: Политическая выгода его неоспорима; естьли не можемъ дѣлать завоеваній, то можемъ и должны производить *разрывъ*; одно стоитъ другаго! исключи-

тельная торговля съ Испанскою и Португальскою Америкою замѣнить для насъ всѣ важныя потери на твердой землѣ Европы.“ — Купеческая Ост-Индская Компанія приведена въ смущеніе важными слухами: увѣряютъ, что войска Наполеона, соединенныя съ силами другаго могущественнаго Монарха, пройдутъ черезъ Персію въ Остъ-Индію, и овладѣютъ торговыми колоніями Англіи въ сей части свѣта — предпріятіе трудное, соединенное съ великими опасностями, но гибельное для блага Британніи, естьли увѣнчано будетъ успѣхомъ. Англичане спѣшатъ пресѣчь сообщеніе Азіи съ Европою, и тѣмъ надѣются уничтожить сіе предпріятіе въ самомъ началѣ: новое нападеніе грозитъ Дарданелламъ и Константинополю; но можно съ вѣроятностію предсказывать, что оно не будетъ имѣть удачи — Дарданельскій проливъ приведенъ въ ужасное оборонительное состояніе.

*

Сербы продолжаютъ съ успѣхомъ дѣйствовать противъ Турокъ, и гордость Оттомановъ наконецъ смирилась. Недавно Греческій Епископъ имѣлъ свиданіе съ Чернымъ Георгомъ, котораго увѣрялъ, отъ имени Султана Мустафы, что требованія Сербовъ непремѣнно будутъ исполнены, какъ скоро признаютъ они надъ собою покров-

тельство Великой Порты, и согласятся отправить Депутатовъ въ Константинополь; но Черный Георгъ рѣшительно отказался отъ всѣхъ переговоровъ съ Султаномъ. Судьба отечества моего, сказалъ онъ, зависитъ отъ другихъ Монарховъ, и Порта Оттоманская слишкомъ поздно рѣшилась быть снисходительною. — Сербскій Сенатъ составленъ изъ 12 Членовъ, которыхъ Президентъ есть Черный Георгъ. Сей дѣятельный и необыкновенный человѣкъ неусыпно печется о благѣ своихъ согражданъ, вездѣ старается возбудить промышленность, заводитъ школы — онъ истинный образователь Сербской арміи, состоящей теперь изо 100,000 человѣкъ. Двѣ трети ея разпущены, но по первому сигналу должны явиться въ ружьѣ, готовыя къ дѣйствію. Вся армія раздѣлена на корпусы, и къ каждому изъ нихъ приписанъ особый уѣздъ, въ которомъ должны быть набираемы недостающіе солдаты. — Турецкая армія усиливается на границахъ; многочисленные отряды войскъ идутъ изъ Азіи къ Адріанополю; Архипелагъ усѣянъ Англійскимъ флотомъ; въ Константинополѣ начинаютъ чувствовать голодъ: какая бы ни была развязка сихъ произшествій, но она близка, и нынѣшній годъ вѣроятно будетъ рѣшителенъ для Оттоманской Имперіи.

*

Шведской флотъ состоитъ изъ 12 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ, нѣсколькихъ каттеровъ и галлїотовъ, а сухопутная сила изъ 45,000 пѣхоты, 8000 конницы и 3700 артиллеристовъ, всего 56700 человѣкъ, изключая Генералитетъ и Офицеровъ. — Сказываютъ, что въ гавань Готтенбургскую вошли 5 Англїйскихъ военныхъ кораблей, въ числѣ которыхъ находятся одинъ линейный и одинъ фрегатъ.

10 *Февраля.*

КОНЕЦЪ XXXVII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ЯНВАРЬ, No 1.

		Стран.
I.	Письмо изъ уѣзда къ Издателю.	3
II.	Подарокъ на Новый годъ. -	25
III.	Густавъ. - - . -	30
IV.	Романсъ. - - -	39
V.	Къ Амуру. - - -	40
VI.	Къ Издателю Журнала. -	—
VII.	Характеръ Маркъ-Аврелія. -	41
VIII.	Меланхолическая пѣсня Маріи Стуартъ. - -	43
IX.	Отрывокъ разговора на балѣ. -	49
X.	Мысли. - - -	52
XI.	Смѣсь. - - -	55
XII.	Изъясненіе картинки. - -	65
XIII.	Судьба Копенгагена. - -	69
XIV.	Обозрѣніе прошедшаго года. -	82

ЯНВАРЬ, No 2.

Стран.

I. Жизнь и дѣятельность. - - 93

II. Путешествіе Ж. Ж. Руссо въ Параклетъ. - - - - 97

III. Молукъ и Нассуръ. (Персидская повѣсть) - - - - 132

IV. Смѣсь. - - - - 136

V. Къ друзьямъ. (Писано въ 1803) 145

VI. Три сестры. (Видѣніе Минваны) 148

VII. О политическихъ поступкахъ Англіи. - - - 154

VIII. Георгій Петровичь Черный, предводитель Сербовъ. - - 164

IX. Извѣстія и замѣчанія. - - 167

ФЕВРАЛЬ, № 3.

Стран.

I. О назначеніи человѣка (отрывокъ). 181

II. Бомарше въ Испаніи. - - 193

III. Къ Элизѣ. - - - 237

IV. Мысли. - - - 238

V. Паденіе Ніагары. - - - 240

VI. Взоръ на прошедшее, настоящее и будущее. - - - 242

VII. Извѣстія. - - - 258

ФЕВРАЛЬ, No 4.

Стран.

I. Письмо Ж. Ж. Руссо. - - 265

II. ГеоргЪ II, Англійскій Король, и Министры его, описанные Кантемиромъ. - - 277

III. Смерть Поликсены, (ОтрывокЪ изЪ Эврипидовой Трагедіи: Гекуба.) 283

IV. ОтрывокЪ изЪ путешествія Гжи. ЖаылисЪ вЪ Англію. - 302

V. Сила нещастія. - - 314

VI. Не жалкой ли онЪ человѣкЪ? - 315

VII. Анекдоты. - - - 323

VIII. Характеры нѣкоторыхЪ извѣстныхЪ СтихотворцевЪ. - 325

IX. Статья изЪ Монитера. - 330

X. Извѣстія. - - - 338

NB. При сей книжкѣ для удовольствія Гдѣ. подписавшихся прилагается другой заглавный гравированный листъ, въ замѣну перваго, выгравированнаго весьма неискусно.